

Русский Мир.RU

ЖУРНАЛ О РОССИИ И РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

**НИКОЛАЙ
КАРАМЗИН**
Консерватор,
потрясший
основы

О ПОЛЬЗЕ КОНСЕРВАТИЗМА В РОССИИ

РАБОТЫ ВЕЛИКОГО РУССКОГО ИСТОРИКА, ЛИТЕРАТОРА И, КАК теперь называли бы его, политолога Николая Карамзина, конечно же, давно пора включить во все обязательные программы в средней и высшей школе. Наследие Карамзина у нас во многом недооценено. Отчасти это происходит по инерции: советская историография его не очень жаловала, считая апологетом самодержавия. Это несправедливо, поскольку за его отношением к самодержавию таилась целостная философия российской государственности.

Суть исторической концепции Карамзина можно выразить его же словами: «Россия основывалась победами единонаучания, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием». Боже, как же он угадал по поводу «разновластия», как точно ухватил суть этого явления: не конкуренция идей и фракций, не борьба мнений, а именно глухое ко всему, что вовне, что «инакое», самовлюбленное разновластие. Обратите внимание еще и на то, что спасительным он считал не вообще самодержавие, а именно мудрое. Именно мудрое самодержавие (аналог нынешнему просвещенному авторитаризму) помогло создать Российскую империю такой, какой она дожила до XX века. Целью титанического труда Карамзина как историка было доказать, что у России есть не только свое прошлое и собственная историческая традиция, но традицией этой является российская государственность, имеющая в своей основе именно самодержавие.

Что наиболее бывает поразительно в изучении персонажей русской истории и мысли масштаба Карамзина, так это то, насколько ониозвучны многим нынешним общественным русским спорам. Словно бы и не минули столетия – а мы все еще не разрешили для себя «петровскую дилемму» – сколько в нас европейской, а сколько исконной, не подвластной никакому влиянию извне russkosti. И как в XVIII–XIX веках русскому либерализму, противопоставлявшему личность и государ-

ство, суждено было оставаться на обочине российской политической жизни, так суждено оставаться и поныне. В никогда не имевшем места в реальности споре Петра Чаадаева и Николая Карамзина неизменно побеждает Карамзин. Глядя на нынешний всемирный кризис институтов эгалитарной демократии, в частности на Западе, можно невольно прийти к мысли, что в карамзинском философском наследии этатиста таится еще немало потенциальных источников будущего российского общественного расцвета. Надо лишь угадать правильную формулу «мудрости» государственного управления. И опровергнуть делом ставшую уже символической формулу Карамзина, коротко описавшего, что происходит по большому счету в России. Из века в век. От режима к режиму... «Воруют!» Жаль, он не оставил нам ни записки о сем, не сказал нам, как именно это сделать. ¶

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

ВЕРБИЦКАЯ Л.А.

Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета

БОГДАНОВ С.И.

Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ДЗАСОХОВ А.С.

Заместитель председателя Комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО

ДОБРОДЕЕВ О.Б.

Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания»

ИГНАТЕНКО В.Н.

Генеральный директор ИТАР-ТАСС

**ИЛАРИОН
(АЛФЕЕВ Г.В.)**

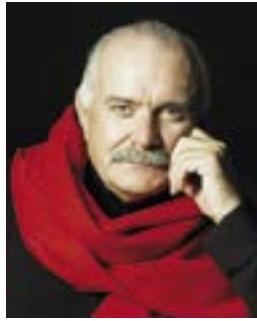
Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата

КОСТОМАРОВ В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина

ЛАВРОВ С.В.

Министр иностранных дел Российской Федерации

МИХАЛКОВ Н.С.

Президент Российского фонда культуры

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

МУХАМЕТШИН Ф.М.

Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество)

НАРОЧНИЦКАЯ Н.А.

Президент Фонда исторической перспективы, глава отделения Некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества» в Париже

НИКОНОВ В.А.

Президент фонда «Политика» (исполнительный директор правления фонда «Русский мир»)

ПИОТРОВСКИЙ М.Б.

Директор ФГУК «Государственный Эрмитаж»

ФУРСЕНКО А.А.

Министр образования и науки Российской Федерации

МЕДИНСКИЙ В.Р.

Депутат Государственной думы Федерального Собрания Российской Федерации (по согласованию)

НИЧКОВ В.В.

Директор департамента международного сотрудничества Минобрнауки Российской Федерации

ВИНОКУРОВ С.Ю.

Начальник управления президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами

ЮРКОВ Е.Е.

Заместитель генерального секретаря Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, заведующий кафедрой филологического факультета СПбГУ

ЯКУНИН В.И.

Президент ОАО «Российские железные дороги», председатель попечительского совета Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы России

МОЛЧАНОВ Д.В.

Директор департамента культуры аппарата правительства Российской Федерации

ПРОКОФЬЕВ П.А.

Заместитель директора департамента Генерального секретариата МИД Российской Федерации

ШАРКОВ А.С.

Начальник департамента Референтуры президента Российской Федерации

РУССКИЙ МИР

06 Вселенная русского духа

- 16** Пять сторон одной проблемы
- 20** Живет и побеждает
- 21** Галлиполийское дело
- СИТУАЦИИ**
- 22** Мамы по расписанию

НАСЛЕДИЕ

- 28** Именитейший гражданин государства Российского
- 34** Два в одном
- 40** «Нет, не было и не будет такой...»

ФОТО: БОРИС БОСАРЕВ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

- 46** Вечный странник
- 52** Старший разведчик

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 56** Жизнь как песня

МУЗЕИ

- 60** Сильные машины для сильных людей

ИНТЕРВЬЮ

- 66** Большая семья Натальи Якуниной
72 Идущие к холоду

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 78** Ценность руин

- 86** Государыня рыбка

GEOPHOTO/ ОЛЕГ ГЛЕБОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ

- 92** После бури

- 82** Планета под названием Россия

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Елена КУЛЕФЕЕВА
Оксана ПРИЛЕПИНА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Светлана БАБАЕВА
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Сергей ВИНОГРАДОВ
Александр КОПИРОВСКИЙ
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Вера МЕДВЕДЕВА
Валентина ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА
Евгений РЕЗЕПОВ
Денис ТЕРЕНТЬЕВ

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гlamur-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Спартаковская ул., 16

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

ВСЕЛЕННАЯ РУССКОГО ДУХА

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

3–4 НОЯБРЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПРОШЛА АССАМБЛЕЯ РУССКОГО МИРА. В КОНЦЕРТНОМ ЗАЛЕ МАРИИНСКОГО ТЕАТРА НАКАНУНЕ ДНЯ НАРОДНОГО ЕДИНСТВА СОБРАЛОСЬ СВЫШЕ 800 ГОСТЕЙ ИЗ 76 СТРАН. В АССАМБЛЕЕ ПРИЯЛИ УЧАСТИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ, ОБЪЕДИНЕНИЙ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ ЗА РУБЕЖОМ, ДИПЛОМАТИЧЕСКОГО КОРПУСА, ДУХОВЕНСТВА, А ТАКЖЕ УЧЕНЫЕ, ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ И ЖУРНАЛИСТЫ.

3

А ДВА ДНЯ В РАМКАХ V Ассамблеи Русского мира предстояло обсудить огромное количество вопросов, связанных с ролью русского языка и культуры в современном мире, а также перспективами их развития и распространения. Уже во вступительном слове на торжественной церемонии открытия глава фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов задал мероприятию деловой тон и по традиции обрисовал положение русского языка в братских государствах. В сентябре в странах СНГ провели опрос

АНТОН БЕРКАСОВ

на тему «Хотели бы вы, чтобы ваши дети знали русский язык?». «Да» ответили 99,8 процента опрошенных в Таджикистане, 99,6 процента – в Армении, 99 процентов – в Белоруссии, 98,5 процента – в Киргизии, 97 процентов – в Казахстане и Узбекистане, 96,8 процента – в Грузии, 92,3 процента – на Украине, 90 процентов – в Азербайджане, 87,2 процента – в Молдавии. Вячеслав Никонов подчеркнул: «У русского языка сложное настоящее, и есть мнение, что он находится «на грани нервного срыва». Я же думаю, в этом состоянии находится не язык, а не-

АНТОН БЕРКАСОВ

которые исследователи. Уверен, у русского языка – великое будущее». Немаловажную роль в поддержке и развитии русского языка играет правительство России, считает президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета и председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая. Открывая ассамблею с Вячеславом Никоновым, она объявила: «Четыре года живет фонд «Русский мир», и тот самый день, когда был подписан указ о создании фонда, мы будем помнить всегда, потому что мы поняли – наш президент, наше правительство делают все для того, чтобы сохранить русский язык внутри России и укрепить его позиции за рубежом».

АВТОРИТЕТНАЯ ПЛОЩАДКА

Поскольку прошедшая ассамблея была юбилейной, то в адрес фонда «Русский мир» пришли многочисленные поздравления и обращения. Президент России Дмитрий Медведев так обратился к участникам ассамблеи: «Ваш форум собирает тех, кто искренне любит нашу страну и стремится оказать содействие ее современному развитию, принимает активное участие в проектах по изучению и популяризации за рубежом русского языка, отечественной истории и куль-

туры». Президент подчеркнул, что в этом году в России в день рождения Пушкина впервые отмечался День русского языка: «Мы признательны вам за серьезный вклад в организацию и проведение этого праздника, который призван консолидировать многомиллионный Русский мир». А премьер-министр Владимир Путин отметил «консолидирующую роль фонда «Русский мир» и Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, их многогранную и в высшей степени востребованную работу по реализации значимых проектов в сфере просвещения, образования, благотворительности, создания Русских центров и поддержки наших соотечественников за рубежом». По словам премьер-министра, эта работа «имеет большое значение для укрепления международных гуманитарных контактов, повышения авторитета России в мире».

«Авторитетной коммуникационной площадкой по поддержке русского языка и культуры, развитию всестороннего сотрудничества в формировании позитивного образа современной России» назвала ассамблею председатель Федерального Собрания Валентина Матвиенко, которая подчеркнула в своем приветствии: «С каждым годом в мире возрастает интерес к нашей стране, а русский язык становится

все более востребованным как своеобразный ключ к пониманию ее многовековой истории».

В своем обращении председатель Госдумы Борис Грызлов напомнил о внимании нижней палаты парламента к проблемам русского языка. «В настоящее время, рассматривая проект федерального бюджета на очередные три года, – сообщил Борис Грызлов, – мы принимаем решение о выделении новых ассигнований на федеральную целевую программу «Русский язык», предусматривающую проведение прикладных научных исследований в области образования. В России русский язык всегда был и будет языком единства многонационального российского народа, основой великой русской культуры».

Высокопоставленные чиновники и ученые Северной столицы и Ленинградской области нашли время поздравить участников ассамблеи лично. Губернатор Санкт-Петербурга Георгий Полтавченко отметил: «Если вдуматься, то нас, говорящих на русском языке, почти 5 процентов живущих на планете. Это огромная цифра. Мне очень приятно осознавать свою причастность к этой великой армии». Председатель Законодательного собрания Санкт-Петербурга Вадим Тюльпанов счел, что Русский мир – понятие в первую очередь философское. «На мой

АНТОН БЕРКАСОВ

взгляд, идея ассамблеи прежде всего объединительная, в отличие от националистической, – сказал он. – Это не «Россия для русских», а «русские для России». Если человек считает себя гражданином русского дома, то он может сделать судьбу России лучше».

О духовном содержании русского языка высказались представители Русской православной церкви. «Именно в языке находят свое выражение творческие силы нации, ее культурный потенциал, от-

ражается духовная деятельность народа, содержится его цивилизационная парадигма», – подчеркнул в своем обращении Святейший патриарх Кирилл. «Русская православная церковь, сохранив духовно-историческое наследие прошлого, заботясь о преемстве языка на протяжении более чем тысячелетнего периода своего бытия, вносит свой особый вклад в укрепление братских отношений между народами Святой Руси», – заключил он. Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев),

ОРУДИЕ ЕДИНСТВА

АССОЦИАЦИЯ «ФРАНЦИЯ – УРАЛ» И СОЮЗ РУСОФОНОВ ФРАНЦИИ ДОБИВАЮТСЯ ПРИЗНАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА ОДНИМ ИЗ ОФИЦИАЛЬНЫХ ЯЗЫКОВ ЕВРОСОЮЗА И ПРОДВИГАЮТ ИДЕЮ РУСОФОНИИ. ОБ ЭТОМ РАССКАЗАЛ ДМИТРИЙ КОШКО, ПРЕЗИДЕНТ АССОЦИАЦИИ «ФРАНЦИЯ – УРАЛ».

АНТОН БЕРКАСОВ

– Каким образом вы хотите изменить статус русского языка в Европе?

– В будущем году появится возможность провести референдум в Евросоюзе. Надо будет набрать миллион подписей и просить, чтобы русский язык был признан в качестве одного из языков Евросоюза. Мы это можем сделать с нашими партнерами в Евросоюзе. Но по-

АЛЬБИНА ЛЕБЕДЕВА

зачитавший поздравление патриарха, остановился на истории русского языка и словесности в мире. Если ее проследить от Кирилла и Мефодия до наших дней, то выходит, язык во многом определил судьбу России и характер ее исторического развития. В конце выступления о. Иларион пришел к миссионерской идеи русского языка. «Церковнославянский язык никогда не был языком конкретного народа, но представлял собой единый литургический язык православных славян», – сказал он. – Русский язык, один из наследников церковнославянского, был и остается важнейшим фактором единства славянских народов, а также средством межнациональной коммуникации в его пределах. Одной из главных опор Русского мира является русская классическая литература, культурное влияние которой столь значительно, что она стала тем пророческим Словом, внимание к которому превосходит национальные и религиозные различия. При этом никто не спорит, что русская литература устанавливает именно христианский взгляд на внутренний мир человека, является незримой ступенью на пути ко Христу».

Глава Россотрудничества Фарит Мухаметшин в своем обращении отметил: «Наша общая работа по созданию благоприятных условий для продвижения русского язы-

ка в мире носит долгосрочный и стратегический характер. Об этом свидетельствует принятие правительством России федеральной целевой программы «Русский язык» на 2011–2015 годы. Россотрудничество высоко ценит взаимодействие с фондом «Русский мир», направленное на популяризацию русского языка и укрепление его позиций за рубежом, развитие международного гуманитарного сотрудничества».

ТО ЗАЩИЩАЕМ, ТО НАПАДАЕМ

Сразу после завершения торжественной церемонии открытия началась панельная дискуссия «Русский язык сегодня и завтра», модератором которой выступила Людмила Вербицкая. В числе участников дискуссии были вице-президент МАПРЯЛ Дэн Юджин Дэвидсон (США), ректор ГИРЯП Юрий Прохоров, проректор СПбГУ Сергей Богданов и профессор СПбГУ Валерий Мокиенко.

Дэн Дэвидсон заверил, что в США за последние три года наблюдается «нетривиальный прирост» желающих выучить русский язык: на 8,9 процента возросло число слушателей на соответствующих курсах в американских вузах, а таких учебных заведений порядка 500. По мнению вице-президента МАПРЯЛ, это в том числе связано с изменениями

сле референдума еще надо будет получить положительное решение Еврокомиссии, а затем – согласие правительства. Задолгом нашего успеха станет русофonia – общность государств, говорящих по-русски: Украины, Латвии, Казахстана и так далее. И, конечно, русскоязычных общин и физических лиц во всем мире. Если продви-

гать в Евросоюзе русский как язык России, то шансов нет никаких. А если бороться за него как за язык, которым пользуются в Евросоюзе люди разных национальностей для общения, – другое дело. Мы должны дать понять, что в Германии – 3 миллиона русофонов, в Прибалтике – полтора. В общей сложности – 6–7 миллио-

нов русофонов. Это больше, чем население маленьких стран Евросоюза. И мы хотим, чтобы это было признано.

– Что уже сделано в этом направлении?

– Ассоциация «Франция – Урал» и Союз русофонов Франции сотрудничают с русофонскими организациями в Евросоюзе. Мы участвуем в нескольких европ-

ейских программах, получив на них деньги от европейских властей – небольшие, правда. У нас есть даже европейские программы для изучения русского языка. Но в основном мы занимаемся организацией обмена опытом преподавателей русского языка и литературы, обучением языку любого желающего – в рам-

ках курсов, например. Недавно мы провели одну такую программу с Венгрией и с Австрией, до этого – с Кипром, Германией, Латвией и Испанией. Франция участвует во всех программах. Сейчас для нас главное – создать сеть центров изучения русского язы-

АНТОН БЕРКАСОВ

ка. Фонд «Русский мир» нам помог организовать курсы русского языка в Париже. Желающих их посещать больше, чем мы ожидали, – спрос и интерес есть. Кроме того, шесть лет назад совместно с Фондом Б.Н. Ельцина мы создали ежегодную литературную премию «Русофония», которую вручаем за переводы художественной лите-

ратуры с русского на французский. Такое обобщающее название мы выбрали для того, чтобы принимать работы не только из России, но и из бывших союзных республик и вообще со всего мира: в этом году, например, один из кандидатов на получение премии – книга грязинского автора, написанная на русском языке и пере-

веденная на французский в Квебеке. Тут вам и русофonia, и франкофония. Это хорошая иллюстрация языковых и существующих культурных пространств, которые надо сохранять.

– Как много работ поступает на конкурс?
– Каждый год приходит 45–55 работ. Жюри, состоящее из профессоров

университетов и писателей, выбирает один лучший перевод. По итогам конкурса мы выпускаем альманахи тиражом 5 тысяч экземпляров, рассылаем их по библиотекам, заинтересованным учреждениям. Удивительно, но теперь во Франции издается ежегодно порядка 50 новых переводов с русского. Для сравнения: в Англии – 19,

хотя франкоязычный рынок меньше. Очередную премию мы вручим 28 января 2012 года в городе Кремлин Бисетр, под Парижем, где должно состояться открытие Года русского языка и литературы во Франции.

– Как вы думаете, приживется ли идея русофонии в странах, которые еще говорят по-русски?

в самом языке. «Те образцы русской речи, которые мы наблюдали в 90-х годах, были не идеальными, – сказал он, – современные тенденции положительно сказываются на восприятии языка по всему миру».

Валерий Мокиенко поднял вечную проблему отечественной педагогики – финансовую. «Помните, как в «Капитанской дочки» на военном совете генералы обсуждали, какую тактику занять: наступательную или оборонительную? А один старенький генерал сказал: «Откупательную». Мне кажется, если мы зайдем откупательную позицию и будем платить нашим учителям больше, то многое усовершенствуем в образовательной системе. А сейчас мы пожинаем плоды 90-х, когда наше образование упало ниже плинтуса, как говорит наша молодежь». Он также коснулся большой темы – интереса российских учеников к русскому языку. По одному из опросов, 30 процентов российских учеников ответили, что ненавидят уроки родного языка. «Я думаю, они ненавидят не язык, конечно, – прокомментировал шокирующий результат Валерий Мокиенко, – а то, как язык заформализовали».

Евгений Прохоров призвал вдуматься в избитое выражение «зашщищать русский язык». От кого? «Ну не нападает на русский язык носитель английского языка! – сказал Юрий

Прохоров. – Защищать его надо от нас с вами. А вся сложность в том, что единственный, кто его может от нас защитить, – это тоже мы. И вот мы в этой сложной ситуации как раз и находимся. Переступая с ноги на ногу, мы то его защищаем, то на него нападаем, а он развивается. И в последние годы так стремительно, что это нас, может быть, даже пугает. И еще, наше сознание всегда таково, что мы считаем – каждое следующее поколение говорит хуже, чем предыдущее. Но при этом мы друг друга понимаем, и язык полностью обеспечивает существование нашей жизни от сиюминутного до общекультурного – читаем же мы произведения, написанные сотни лет назад».

МОСТИК В 2012 ГОД

Перед тем как насладиться концертом в Мариинском театре, участники V Ассамблеи Русского мира провели еще одну подиумную дискуссию – «История и культура в пространстве русского языка». Модератором на ней выступил Вячеслав Никонов. В дискуссии приняли участие исполнительный председатель общества «Диалог Франция – Россия», князь Александр Трубецкой (Франция), заместитель руководителя Россотрудничества Георгий Муратов, главный редактор издательства Московской патриархии протоиере-

рей Владимир Силовьев, исполнительный директор организации «Германо-российский форум» Мартин Хоффман (Германия), председатель Всемирного координационного совета российских соотечественников, директор Православного благотворительного общества развития образования и культуры в Казахстане «Светоч» Алексей Лобанов, а также директор Центра изучения русского языка имени Пушкина (Индия) Наир Ратиш.

«Этой дискуссией мы хотели бы перебросить некий мостик в 2012 год, который решением президента Российской Федерации объявлен Годом истории, – открыл мероприятие Вячеслав Никонов. – Ведь язык – это основа лингвистического кода любой нации, это то, что объединяет людей, то, что сплачивает культуру. С другой стороны, и сам язык имеет историю, развивается».

Князь Александр Трубецкой говорил в основном о пространстве русского языка в geopolитическом смысле. «Принято считать, – сказал он, – что русским языком пользуется или может понимать его более 300 миллионов жителей планеты. По одной только Западной Европе называется цифра в 30 миллионов человек. На эти цифры опираются те, кто старается, чтобы русский язык стал одним из официальных языков Европарламента».

– Думаю, безусловно. Если государства, бывшие союзные республики, перестанут ассоциировать себя с Россией, то потеряют в статусе, встав в один ряд, например, с Бирмой, Таиландом, Боливией. Мы пропагандируем русский язык как один из крупнейших региональных языков, и это нужно не только русским. Кстати, в России еще не осо-

знали geopolитического значения русского языка в мире. Россияне хотят, чтобы язык сохранился, но еще не воспринимают идею, что для этого им придется поделиться с другими странами. Это нормально. Французы ни с кем не делились французским языком в течение двухсот лет, что подтверждают бывшие французские жители Квебека

или штата Луизианы. Леопольд Седар Сенгор, поэт и первый президент Сенегала, после принятия независимости африканских стран сумел убедить Шарля де Голля, что французский язык необходим как орудие единства африканских стран, которые разделены очень искусственными колониальными границами. Притом француз-

ский язык повлек за собой и определенную политическую идеологию – нейтралитет государства перед религиями. Если бы этого не было, уже бы в 60-х годах мы наблюдали в Африке межрелигиозные, межэтнические конфликты и религиозный фанатизм. Сегодня актуальность русского языка та же самая. Посмотрите, что творится в

Средней Азии, когда русский язык отступает. Что выигрывает? Что приходит? Русский язык не просто средство общения, а альтернатива ценностей, понятий, идей, кругозора и общения между национальностями. К сожалению, пока Россия не ощутила русофонию, не осознала свой язык языком нескольких народов. ☀

Развитие русского языка в современной Индии во многом обязано энтузиазму Наира Ратиша. «Несмотря на давние культурные и торговые связи между Индией и Россией, изучение русского языка в Индии началось лишь в середине XX века, особенно после визита Джавахарлала Неру в СССР», – сказал Наир Ратиш. Он сообщил, что первым индийским вузом, где в 1946 году началось преподавание русского, стал Делийский университет. Говоря о трудностях с новыми учебниками, книгами, курсами повышения квалификации учителей, директор Пушкинского центра сказал: «Слава богу, есть «Русский мир» и Россотрудничество, благодаря которым такие люди, как я, могут с удовольствием работать для распространения русского языка и литературы, потому что мы любим и хотим чувствовать русскую душу». Мартин Хоффман отметил: «Германо-российская история показывает, что, несмотря на все беды и трагедии, особенно исходящие с нашей стороны, сохраняется общий уникальный генетический код, духовный потенциал, который связывает немцев и россиян». Он отдельно

остановился на теме истории наших стран. «После невероятного жеста примирения, который сделал сначала СССР, а потом и Россия после Второй мировой войны, немцы ищут возможности продемонстрировать свою благодарность и восхищение широтой русской души. Думаю, это основа, которая даст возможность

преодолеть все конфликты. Помню, когда я был студентом, меня глубоко потряс этот жест вашей страны. В следующем году мы будем открывать немецкий Год в России большой выставкой на Красной площади под названием «1000 лет: Россия и Германия», куда всех с удовольствием приглашаю».

ГОНКА В УЩЕРБ

АУРИКА МЕЙМРЕ,
ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА
СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ
И КУЛЬТУР ТАЛЛИН-
СКОГО УНИВЕРСИТЕ-
ТА, – АВТОР ДИССЕР-
ТАЦИИ ПО ИСТОРИИ
ЭСТОНСКОЙ РУС-
СКОЯЗЫЧНОЙ ЖУР-
НАЛИСТИКИ. НАШЕМУ
ЖУРНАЛУ ОНА РАС-
СКАЗАЛА О СОСТОЯ-
НИИ СМИ НА РУССКОМ
ЯЗЫКЕ В СОВРЕМЕН-
НОЙ ЭСТОНИИ.

*– Нынешнюю си-
туацию с русско-
язычными СМИ
в Эстонии нель-
зя назвать расце-
втом?*

*– «Золотой век»
русскоязычных
СМИ в Эстонии
был пять-шесть
лет назад. В нача-
ле 2000-х у нас ра-
ботали аж три, а в
один год – четыре
ежедневные газе-
ты. Сегодня – одна,
и ту нельзя в пол-
ной мере на-*

Протоиерей Владимир Силовьев тему дискуссии перевел в плоскость топонимики, а точнее, возвращения улицам и городам России имен конных названий вместо советских, что, на его взгляд, является залогом национальной безопасности. Образно он это сформулировал так: «На Московском проспекте Санкт-Петербурга я видел сегодня два указателя, направленных в разные стороны. Один – на улицу Благодатную, другой – на Ленинский проспект. И действительно, это нам выбирать, в какую сторону теперь двигаться». С этим суждением не согласился Вячеслав Никонов, заметив, что «в странах СНГ, к сожалению, возвращение исторической памяти связано с дерусификацией. Так, в Узбекистане уже переименовано все советское и русское досоветское».

«Не так все плохо, как нам кажется, в оценку ситуации с русским языком вносится слишком много эмоций», – парировал Алексей Лобанов. Да, в Казахстане сокращается количество русских школ, закрываются кафедры русского языка и литературы в университетах по причине нежелания студентов и аспирантов учиться на них. «С другой стороны, Казахстан уделяет большое внимание развитию языков – в том числе русского. Во всех государственных программах русский язык становится на второе

АНДОН БЕРКАСОВ

звать русскоязычной газетой, так как она является частью эстонской Postimees и имеет название «Postimees на русском языке». Это грустно, поскольку русскоязычная часть нашего населения – а это чуть менее трети – получает несвежую информацию. Вчера я в русской версии видела переводную статью,

которую прочитала в эстонской Postimees неделю назад. Но ее все равно покупают, довольствуются малым, потому что есть потребность в чтении прессы на русском.

- **Каковы причины упадка?**
- Дело не в экономическом кризисе, газеты исчезли раньше. Как говорят сами журна-

листы, проблема в высококвалифицированных редакторах, журналистах, директорах, так как на издания на русском выделяют очень маленькие деньги. Корректоров в таких изданиях нет вообще, из экономии. Более активные, талантливые русскоязычные специалисты стремятся уехать в Россию, Англию, Лат-

вию. Корректоров нет вообще, из экономии, проверку грамотности осуществляет Word. Студенты факультетов журналистики русский учить не хотят, говорят и пишут очень бедно. И, если честно, не понимают этого, поскольку в Эстонии нехватка доступных, современных, качественных средств проверки орфографии и пунктуации.

- Я, честно сказать, очень переживаю за будущее русского языка у нашей молодежи.
- Хотите сказать, русскоязычная журналистика в Эстонии исчезнет совсем?
 - Надеюсь, нет. Другое дело, какой она будет.

АНДІН БЕРКАСОВ

место по приоритету после казахского. У нас есть программа развития языков до 2020 года, по которой в 2010 году русский язык должны знать, по-моему, 90 процентов населения, английский – 20 процентов. Я уверен, русский язык в Казахстане будет присутствовать во всех важных сферах человеческой деятельности».

Споры подогрел и Георгий Мурадов, заявив: «Мы десять лет назад создали Международный совет соот-

ечественников, координационные советы, собираемся на различного рода конференции и ассамблеи. А что дальше? Не можем же мы следующие сто лет говорить об одном и том же, что в Казахстане ситуация лучше, в Латвии – совсем плохая, на Украине – где-то посередине. Давайте ставить конкретные задачи». И сразу же предложил активно помочь соотечественникам в Латвии, добивающимся присвоения русскому языку государственного

статуса, и поддержать украинцев, борющихся за региональный статус русского языка. Он также поддержал идею русофонии – создание ассоциации государств с широким применением русского языка.

Дискуссию Вячеслав Никонов завершил традиционным торжественным сообщением. Ежегодно на ассамблеях Русского мира объявляются новые крупные акции. «2012 год удивительно богат на значимые исторические даты, – подчеркнул

Русскоязычное радио полнометражно работает очень хорошо. Нередко даже эстонские преподаватели эстонской журналистики приводят в пример наш четвертый, русский канал. А вот с прессой все много хуже. Еженедельная пресса выглядит чуть лучше, но редакторы явно не по-

нимают, кого они видят в качестве целевой аудитории, не понимают нужд русскоязычного читателя – издают, чтобы издать. А русский человек хочет узнать, что происходит с русскими в Эстонии, как футболист Константий Васильев забил два гола в эстонской сборной, прочитать с ним интервью.

– Какова ситуация с продажами русскоязычных СМИ?
– А это, кстати, любопытное явление. В период кризиса 2006–2007 годов у нас издавались три ежедневные газеты: «Молодежь Эстонии», «Вести дня» и «Postimees на русском языке». Две закрылись, будучи частными изданиями. Прибыльность рус-

скоязычных газет всегда была крайне низкой. Но типография «Postimees на русском языке» не поднялся. За последние пять лет он падал два раза. Куда делись читатели – вопрос. Может, дело в том, что качественной газеты нет и покупают их по инерции, так как стоят они очень мало. К слову, мне грустно, что

закрыли «Молодежку». Можно критиковать качество журналистов, но, на мой взгляд, эта газета была чуть ли не единственной из всех в начале 2000-х, которая хоть как-то думала о сохранении русской культуры в Эстонии, следила за русской культурной жизнью в Эстонии, писала о тех, кто приезжал в

АЛЬБИНА ЛЕБЕДЕВА

АНТОН БЕРКАСОВ

глава «Русского мира». – Будет отмечаться 200-летие Отечественной войны 1812 года, 400-летие подвига Минина и Пожарского, 150-летие со дня рождения Столыпина, 1150-летие зарождения российской государственности. Не случайно президент Российской Федерации объявил 2012 год Годом российской истории. Давайте от имени ассамблеи поддержим предложение президента, распространим Год российской истории на весь Русский мир и

в следующем году проведем акции, связанные с нашей общей историей, которая всегда является основой жизни любого общества, основой его генетического кода, наверное, не меньше, чем сам язык». Необходимо отметить, что помимо дискуссий и круглых столов на ассамблее были развернуты тематические выставки, а также состоялась презентация многосерийного документального фильма «Звезда Ломоносова». Фильм, вы-

пущенный «Русским миром» к 300-летию со дня рождения великого ученого, посвящен жизни Михаила Ломоносова и будет показан на центральных телеканалах.

И все-таки главное, ради чего ежегодно собирается Ассамблея Русского мира, – это объединение, неформальное общение тех, кто занимается продвижением русского языка, культуры, философии. И каждый год на ассамблеях исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов дает ответ на вопрос «Что такое Русский мир?». «Это – вселенная русского духа и русского пространства. Лад, согласие и отсутствие вражды. Это наши великие ценности: совесть, справедливость, свобода. Вера в себя, в свою страну и в величайшие, священные истины».

Эстонию из России. Они думали не только о языке, но и о содержании.

– Насколько реально появление богатого спонсора для русскоязычной эстонской газеты?

– Дело не совсем беспроигрышное. Только рекламный рынок в Эстонии очень маленький, и нужно приду-

мать что-то эдакое, чтобы за него побороться. В идеале нужно не опускаться до уровня среднего читателя, а, наоборот, вернуться к нормам начала XX века, тогда читатель будет гнаться за уровнем газеты.

– Вы директор института славистики. Меняется ли общий уровень подготовленно-

сти ваших абитуриентов?

– Падает. С одной стороны, во всем мире наблюдается падение общего уровня абитуриентов. Но дело не только в этом. Сейчас у нас идет переход на 60-процентное преподавание на эстонском языке, что тоже влияет негативно. Наши вузы перешли на прием студентов

по результатам ЕГЭ, так что конкурса нет. Мы установили низкую планку, дальше которой уже совсем нельзя. На журналистику и на русскую филологию мы принимаем исключительно детей из русских школ. В этом году к нам пришли учиться на журналистику 26 детей из русских школ, на русскую фило-

логию – 20 и еще примерно 10 человек – на русский язык как иностранный. То есть получается 56 человек, а для маленькой Эстонии это много. Пока, мне кажется, гонка за эстонским языком идет в ущерб знанию предметов. Но опять же, кто хочет учиться, тот будет заниматься хоть на турецком.

ПЯТЬ СТОРОН ОДНОЙ ПРОБЛЕМЫ

АВТОР

ОКСАНА ПРИЛЕПИНА

НА ПЯТИ КРУГЛЫХ СТОЛАХ V АССАМБЛЕИ РУССКОГО МИРА ОБСУДИЛИ ПРОБЛЕМЫ РУССКОГО ЯЗЫКА.

MОДЕРАТОРАМИ КРУГЛОГО стола «Русский язык – основа жизни России» выступили исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и председатель попечительского совета фонда «Русский мир» Людмила Вербицкая. Тему можно было трактовать сколь угодно широко, так что каждый рассуждал о том, что считает важным.

Анатолий Кирпичников, руководитель раскопок в Старой Ладоге, говорил о том, что в следующем году предстоит отпраздновать 1150-летие создания Русского государства. По его мнению, к такому торжеству было бы правильно привлечь еще двух наследников Киевской Руси: Украину и Белоруссию. Археолог с мировым именем прямо на ассамблее внес личный вклад в дело популяризации русской истории. «На раскопки в Старой Ладоге в июль-августе следующего года я готов принять волонтерскую группу соотечественников, через «Русский мир», – сказал Анатолий Кирпичников.

Наталья Лактионова, сотрудник Института экономики РАН, попыталась оценить будущее Таможенного союза России с Казахстаном и Белоруссией. «В дальнейшем возможна и какая-то политическая интеграция, – сказала она, – и встанет вопрос воссоздания культурного пространства и объединяющего языка. А этим языком может быть только

ко русскому. Сегодня он уродуется в стране-носителе. На мой взгляд, помочь в сохранении речевой культуры нам может оказать и русское зарубежье, где к русскому языку относятся очень бережно».

Приводились ужасные примеры обращения с русскими памятниками истории и культуры. Президент Фонда Людвига Нобеля Евгений Лукошков рассказал, что сейчас во Франции сжигают редчайшие русские архивные документы. Так недавно погибла переписка Рахманинова и Шаляпина. Эти удивительные памятники истории и культуры, среди которых много рукописных дневников с рисунками и ежедневными записями, хранились у одиноких русских эмигрантов, которые в начале прошлого века поселились в «Российском доме Земгора» княгини Мещерской. Люди умерли, оставшиеся документы предлагалось переделать в Россию, но делать этого не стали. «Французы хотят знать, что находится в этих архивах, – объясняет вандализм Евгений Лукошков, – но так как профессионалов, сумевших бы это выяснить, у них не нашлось, то оказалось легче непонятные бумаги сжечь. Призываю «Русский мир» помочь».

Еще одну национальную кампанию пообещал провести Вячеслав Никонов после рассказа о курьезе употребления фразы «Киев – мать городов русских». Оказывается, князь русский Кий на холмах Днепра заложил город, и Киев исконно яв-

лял собой... мужское начало, то есть не мать, а отца городов русских. «Историю перевели греки, – рассказал Олег Слюсаренко, председатель исполнительного комитета «Русской общины Крыма». – А для них что мать, что отец по отношению к городу звучали одинаково. Украинцы до сих пор смеются над этой нашей «матерью».

Аргентинские участники круглого стола рассказали удивительные истории о «безумной любви» аргентинцев ко всему русскому: дети изучают русский, чтобы играть в детском русском театре, государство без проблем разрешает школам вводить преподавание русского языка, в стране даже создали военный русский хор, состоящий исключительно из аргентинцев, – репетиции проходят в здании полицейской школы. Но Аргентина не финансирует инициативы в поддержку русского языка, а энтузиасты нуждаются в материальной поддержке.

Специалисты отметили, что в России появилась новая языковая тенденция. Ее трактовали как «естественные защитные механизмы» российского общества от упрощения, искажения норм языка. Например, вспомнили о проекте «Тотальный диктант», в рамках которого люди добровольно проверяли уровень своей грамотности, стихийно писали диктанты сразу несколько регионов. Другие проекты, поддержанные широкой общественностью, запустил Омский педуниверситет. При поддержке фонда «Русский мир» вуз издал карманные справочники «О склонении имен и фамилий», вывесил в Омске наружную рекламу «Цитаты из жизни» с призывами говорить правильно, запустил в общественном транспорте ролики о нормах русской речи, создал бесплатный call-центр «Экстренная лингвистическая служба», мгновенно отвечающий на любые вопросы из области, «как правильно написать или сказать».

На круглом столе интересно говорилось о проблемах целостности России, обязательном обучении русскому языку мигрантов, сохранении диалектов и говоров как средства спасения современного русского. В странах, где не удается увели-

АНТОН БЕРКАСОВ

чить количество часов преподавания русского языка, предлагалось вводить новый предмет – «этно-культура». Была рассказана важная новость о том, что на факультете журналистики и политологии Варшавского университета преподавание политологии теперь ведется на русском. И, конечно, не обошли вниманием новую федеральную программу «Русский язык». «В ней есть серьезные тревожные аспекты, – заявила Александра Докучаева, заведующая отделом диаспоры и миграции Института стран СНГ. – Риски, которые были сформулированы шесть лет назад, слово в слово повторились в новом варианте. Из списка задач программы убрали одну из самых главных – «русский язык как родной язык русского народа».

Вопрос взаимоотношения филологов и власти поднял Станислав Голубев, генеральный директор издательства «Златоуст». «Поскольку язык является важнейшим инструментом самоидентификации личности и основой общества, – сказал он, – очень странно, что за такие предметы, как русский язык и культура речи, российским вузам приходится бороться прежде всего с российским Министерством образования и государственным механизмом».

АНТОН БЕРКАСОВ

ЧТОБЫ РУССКИЕ ПРОСНУЛИСЬ

Закон «О государственном языке Российской Федерации» обсудили среди других тем на круглом столе «Русский язык как государственный». На обсуждение пригласили Наталью Шатихину, доцента юридического факультета СПбГУ, одного из авторов комментариев к за-

кону. Наталья Шатихина назвала документ «неким аналогом Конституции РФ». «Оба закона находятся в двояком положении британского монарха, который царствует, но не правит», – сказала юрист. Она порекомендовала прочесть в комментариях к закону ретроспективное исследование, в котором, например, написано, что в первых своих декретах большевистская власть отменяла государственное действие русского языка, а активное его внедрение началось только в конце 20-х годов XX века.

Наверное, ни об одной другой стране не говорили так много на круглых столах, как о Латвии. Это объяснимо: там сейчас русскоязычная часть населения добивается проведения референдума, чтобы объявить русский язык вторым государственным. Чтобы поддержать идею, 12 тысяч русскоязычных граждан Латвии потратили время и деньги, чтобы нотариально заверить свою подпись под документом в поддержку русского языка (требовалось 10 тысяч голосов). Далее по процедуре нужно будет собрать 15 тысяч подписей в рамках опроса общественного мнения. Дальше – либо вопрос рассмотрят в Сейме, либо выдвинут на голосование на референдуме. «Математически акция обречена на провал, и мы это понимаем, – говорит Алла Березовская, корреспондент журнала «Русский мир.ru» в странах Балтии. – Власть, конечно, ничего не решит в нашу пользу. Но даже если удастся инициировать референдум, то для решения в нашу пользу нужно набрать порядка 800 тысяч голосов. В Латвии проживает 650 тысяч русскоязычных жителей, из них 300 тысяч не могут голосовать, так как не являются гражданами страны. Но мы все равно акцию проводим. Ее смысл состоит в том, чтобы русские люди в Прибалтике наконец проснулись и начали действовать в защиту своих прав».

Елена Попова, депутат Донецкого областного совета, дала простое объяснение тому, что русскому языку не дают в мире свободно распространяться. «Страна велика тем, насколько распространен в мире ее язык, – сказала Елена Попова. – Многие ли хотят величия России?»

ТЕ УКРЫ

На круглом столе, посвященном Русским центрам и Кабинетам Русского мира, говорили о переходе на качественно новый уровень работы. Среди лучших проектов года в этом направлении – «Виртуальный Русский музей», который позволяет за монитором компьютера «побродить» по музею Санкт-Петербурга, «посетить» временные выставки, получить обучающие или справочные материалы. Русский музей открыл 94 виртуальных филиала, из которых 28 работают не в РФ. Проект настолько органично прижился в России и так тепло был принят, что в Саратове один из таких центров, открытый на базе Социально-экономического университета, включили в реестр музеев Саратовской области. Во многих Русских центрах такие программы уже есть.

Русский музей готов развивать проект и дальше – в Русских центрах и Кабинетах Русского мира, сказала Наталья Кулешова, заместитель директора Русского музея по научно-просветительской работе. Другим «проектом года» стала лаборатория «Языкознание для всех», созданная на базе ГИРЯП. Это инновационная форма изучения русского языка, решающая одну из главных педагогических проблем – заинтересовать предметом и ребенка, и взрослого. Этого можно достичнуть, к примеру, с помощью интересных фактов, формой «Знаете ли вы...». Если детей спросить, родственные ли слова «идиома» и «идиот», это вызывает такой ажиотаж, что они на всю оставшуюся жизнь запоминают

и значение слова «идиома», и название романа Достоевского, уверяет Ольга Дроздова, ведущий специалист отдела информационного обеспечения ГИРЯП. А связь между словами, между прочим, есть: общая часть *idiōs* – «своеобразный». Ольга Дроздова привела еще один любопытный факт, который можно использовать для повышения интереса к предмету. Общеизвестно, что слово «Украина» произошло от «у края». Но есть те, кто утверждает, что корень слова не «край», а «укр», то есть украинцы произошли от племени укров, потомков троянцев. Аргументация сразит любого. «Нам говорят, корень «укр» отчетливо чи-

АНТОН БЕРКАСОВ

тается, если написать слово «троянцы» на латыни – *teukre*, – смеется Ольга Дроздова. – Когда спрашиваем, зачем тогда в слове написали «лишнюю» *te*, знаете что отвечают? Всерьез! Это «те укры», которые стали украинцами. В общем, если человеку со школьной скамьи не привить научный взгляд на язык, он будет попадаться в такие ловушки». Количество работающих в мире Центров Русского мира приближается к 80. Есть страны, где таких центров два и даже три. И речь уже должна идти о какой-то координации и налаживании более тесной совместной деятельности Русских центров, подчеркивалось на круглом столе.

МИНИСТР СТАТЬЮ ЧИТАЛ

О том, как удается отстаивать русский язык в непростых условиях, говорили на круглом столе «Русский язык в современном мире». В отличие от прошлых лет акценты выступлений сместились от жалоб к рассказу о достижениях, обмене опытом, размышлениях о дальнейших путях развития процесса. Один из самых замечательных примеров «tronувшегося льда» привел проректор по научной работе Горловского государственного педагогического института иностранных языков Вячеслав Теркулов. Он рассказал, что в 2008 году опубликовал

АНТОН БЕРКАСОВ

с соавтором статью «Слово о языке» в одной из украинских газет. «И такое ощущение, что наш министр эту статью читал, – продолжил Вячеслав Теркулов, – пошли на убыль все явления дискриминации, на которые мы обратили внимание, были выполнены те задачи, которые мы в статье сочли первоочередными». Так, в 2010 году предмет «русский язык» был введен в систему независимого тестирования выпускни-

АНТОН БЕРКАСОВ

ков школ. В этом году 5,5 тысячи студентов выразили желание сдавать тест по русскому языку, несмотря на то, что он им не пригодился при поступлении ни на одну специальность, кроме «славянской филологии». Другое дело, что 40 процентов тестирование провалили – «суржик захлестнул Украину». Более того, с 2010 года абитуриент имеет право требовать тестовую тетрадь на русском языке, а также приостановилось закрытие русских школ (с 1990 года закрыли 65 процентов таких учебных заведений). Подводя итоги, модератор круглого стола руководитель управления образовательных проектов фонда «Русский мир» Ирина Степанова сказала: «Похоже, сегодня впервые филологи не убеждали филологов в необходимости преподавания русского языка, а говорили о том, что можно сделать. Очень правильно было сказано – не будут учить язык, если не будет возможности использовать его в дальнейшей работе или активном общении».

300 РАЗНЫХ СЛОВ

Послушав все круглые столы ассамблеи, можно было прийти к выводу, что главный враг русского языка – журналист. Его безграмотная речь ведет за собой неразумных граждан в пропасть деградации. Что делать? Проблему русского

АНТОН БЕРКАСОВ

языка в средствах массовой информации обсудили филологи и журналисты на круглом столе.

Любопытную программу, которая анализирует тексты, продемонстрировал Валентин Марунин, директор портала «Руссика». «В современных СМИ не просто падает качество текстов, язык деградирует, – отметил он. – Моя методология может графики построить и по-

казать, как это происходит. Речи наших известных политиков не набирают и 300 разных слов на тысячу произнесенных, Лев Толстой набирал 820». Докладчик предложил выдавать средствам массовой информации сертификаты качества. «Мы можем прийти в магазин за колбасой, прочитать на этикетке, что мяса в колбасе нет, и потом думать, покупать товар или нет, – сказал Валентин Марунин. – Так же и со СМИ: нужно продумать методологию сертификации».

Не СМИ надо контролировать, а ввести персональную ответственность журналиста за качество работы, считает ведущий авторской программы на радиостанции «Финам FM» Михаил Быков. «Колбасный сертификат не слишком подходит для СМИ, – считает Михаил Быков. – Но стоит подискутировать о лицензировании журналиста как представителя очень опасной, очень влиятельной профессии. Пока журналист не будет нести персональную ответственность за то, как он работает, снижение уровня, и в том числе языкового, неизбежно». Михаил Быков отметил также, что в профессии, которая прежде всего состояла в сборе, обработке и передаче информации, произошел «страшный сдвиг». Теперь журналистикой может называться работа в сфере продвижения товаров, мира комфорта и «гламура». «А дело в том, что, работая на этом рынке, приходится разговаривать с людьми на том языке, который здесь понятен» – так Михаил Быков объяснил одну из причин деградации СМИ.

В других странах к сходным проблемам добавляются и другие – к примеру, на Украине сложилась ситуация, когда журналисты русскоязычных СМИ не изучали русский язык не только в вузе, но и в школе. Круглые столы вышли за рамки регламента, не все желающие успели высказаться, актуальные темы вызывали дискуссии, споры – равнодушных к судьбе русского языка не было, что естественно для всех, кто причисляет себя к Русскому миру. Подводя итоги, Вячеслав Никонов сказал: «Работа, которая позволяет жить русской культуре, русской цивилизации, – это то дело, которому стоит посвятить свою жизнь».

ЖИВЕТ И ПОБЕЖДАЕТ

АВТОР

ЮЛИЯ СЕМЕНОВА

КОГДА В НАЧАЛЕ 90-Х ГОДОВ В КИШИНЕВЕ МЕНЯЛИ НАЗВАНИЯ УЛИЦ, СТРЕМЯСЬ ВЫТРАВИТЬ ИЗ ГОРОДА «СОВЕТСКИЙ» И «СЛИШКОМ РУССКИЙ» ДУХ, НЕСКОЛЬКО «СТАРОРЕЖИМНЫХ» ИМЕН ТРОНУТЬ ВСЕ ЖЕ НЕ ПОСМЕЛИ. ТАК, В МОЛДАВСКОЙ СТОЛИЦЕ ОСТАЛАСЬ УЛИЦА ЛОМОНОСОВА. ИМЯ ГЕНИАЛЬНОГО УЧЕНОГО И ФИЛОСОФА НОСИТ И КИШИНЕВСКАЯ РУССКАЯ БИБЛИОТЕКА – ОДНА ИЗ САМЫХ КРУПНЫХ В СТРАНЕ.

С ЕГОДНЯ, КСТАТИ, ИМЕННО здесь в неформальном режиме проходят заседания Ассоциации русскоязычных писателей Молдавии, где читают и обсуждают стихи и прозу, устраивают презентации книг местных авторов, проводят концерты бардовской песни и организуют выставки художников. «Приходи в «Ломоносова», – приглашают друзья, и я знаю, будет что-то интересное.

Но тут пригласили не «в «Ломоносова», а к Ломоносову, причем без всяких кавычек. В кишиневском Центре фонда «Русский мир» состоялась межвузовская научно-практическая конференция «М.В. Ломоносов в контексте большого времени. К 300-летию со дня рождения». Это мероприятие еще раз показало, что наследие Ломоносова для ученых неисчерпаемо. Сколько людей, столько и открытий, если речь идет о гении.

Маленький пример в качестве иллюстрации. Мы сидели в Домодедово, ожидая рейса в Санкт-Петербург, куда кишиневская делегация ехала на V Ассамблею фонда «Русский мир». Два филолога-участника кишиневской конференции вели между собой беседу:

– Я из-за вас, Владимир Никандрович, всю ночь не спал, – пожаловался доцент Костецкий, председатель Молдавского общества преподавателей русского языка и литературы (МОПРЯЛ).

– Почему это, Виктор Николаевич? – удивился доцент Носов, завкафедрой русской филологии

Молдавского государственного университета, руководитель кишиневского Центра фонда «Русский мир».

– Читал Ломоносова. Пытался найти его отзвуки у Маяковского. Ведь вы провели параллель в своем докладе...

– Вы меня не совсем правильно поняли, Виктор Николаевич... И оба углубились в филологические изыскания, поочередно цитируя то Ломоносова, то Маяковского и сыпя непонятными непосвященному терминами. А я, вернувшись в Кишинев, первым делом перечитала доклад В.Н. Носова, где речь идет не только об одах Ломоносова, которые, пишет исследователь, как и, к примеру, «Ода Революции» В.В. Маяковского, обращены к важным общественно-политическим событиям, но и, самое главное, о том, «как современно, злободневно воспринимаются идеи Ломоносова, озвученные им столетия назад».

О злободневности идей русского гения, их современном звучании много говорили и другие участники кишиневской конференции. «М.В. Ломоносов, не разделяя идеи замкнутости, полагал, что Россия поможет сблизить Запад с Востоком и создать единую мировую культуру! Эти мысли, лежащие в фундаменте диалога русской и европейской культур, столь современны, что даже трудно поверить, что они принадлежат человеку, родившемуся триста лет назад», – считает преподаватель Кишиневского государственного педагогического университета Ирина Цвик.

Идеи ученого лежат и в основе сегодняшней дидактики, уверена доктор педагогики, доцент Мария Волковская, «они продолжают развиваться, а иногда только сейчас осуществляться, потому что до сих пор не были реализованы. Практическая направленность обучения, формирование и развитие ключевых и специфических компетенций, формирование критического мышления у учащихся, применяемые современные педагогические технологии, методы и приемы – это все можно увидеть в педагогических идеях М.В. Ломоносова».

Немалый интерес журналистов вызвали также доклады и сообщения, связанные с учением Ломоносова о языке. И не потому только, что там упоминалось знакомое каждому со школьной скамьи «учение о трех штилях» (как в совместном докладе доктора педагогики Валентины Карча и преподавателя Педуниверситета Марины Горшковой) или говорилось о «Риторике», которую когда-то сдавали на экзаменах в вузах (исследование по этой работе представил сотрудник Российского центра науки и культуры, доцент Виктор Костецкий). Спасибо Михаилу Васильевичу: из своего XVIII века он напоминает нам, живущим в веке XXI, что «язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по его могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает». Как важно понимать это, когда русский язык находится, по меткому выражению Максима Кронгауза, на грани нервного срыва, когда он превращается в смесь французского (сегодня – английского) с нижегородским, а косноязычие становится нормой жизни.

Когда-то на обложках школьных тетрадок в линееку печатали цитаты знаменитого русского селекционера И.В. Мичурина. Напомнить бы сегодня школьникам то, что говорил М.В. Ломоносов: «Те, кто пишут темно, либо невольно выдают свое невежество, либо намеренно худо скрывают его. Смутно пишут о том, что смутно себе представляют». И тогда, возможно, новое поколе-

ние научится излагать свои мысли грамотно и четко, а за ним подтянутся и старшие...

И еще захотелось почитать Ломоносова и о Ломоносове. Благо преподаватель кафедры русского языка Молдавского государственного университета Ирина Ремизова представила связанные с его именем библиографические источники. Открыла указанный ею интернет-сайт, созданный к 300-летию ученого, хотела просто посмотреть, а задержалась на полдня. Сделала для себя массу открытых и одно грустное подтверждение: как все-таки отбивает интерес школьная холостяктика. И как из-за нее живые герои прошлого с их полетом мысли, с их честью и верой, с их находками и ошибками, с их трагическими судьбами превращаются в скучные главы учебников и в книги, которые пылятся на библиотечных полках, потому что интересуют они по большому счету только узкий круг исследователей.

Кишиневская конференция вызвала живой интерес у многих ее участников. Разговор о наследии Ломоносова превратился в серьезную научную дискуссию. Ни один доклад не был, что называется, «проходным». Организаторы говорят, что мероприятия такого уровня не было в Кишиневе давно – и по представительству, и по охвату тем, и по царившей в зале атмосфере. На этой же волне в середине ноября в молдавской столице прошло еще одно событие, связанное с именем русского гения. В Славянском университете состоялась презентация сборника статей о жизни и творчестве М.В. Ломоносова – единственной, кстати, книги по этой тематике, вышедшей в Молдавии в год 300-летнего юбилея ученого. Здесь собраны исследовательские работы преподавателей и студенческие эссе. 18 статей по различным направлениям – от вопросов языка до проблем экономики. И самое ценное в этом издании, считает ректор Славянского университета Татьяна Млечко, то, что в каждой работе перекинут мостик в день нынешний. И это – простите за невольную рифму – снова подтверждает, что дело Ломоносова живет и побеждает. ●

ГАЛЛИПОЛИЙСКОЕ ДЕЛО

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

НАЧИНАЯ С 15 НОЯБРЯ 1920 ГОДА РУССКИЕ И СОЮЗНИЧЕСКИЕ КОРАБЛИ И ТРАНСПОРТЫ ПРИХОДИЛИ ИЗ КРЫМА НА БОСФОР. В ОЖИДАНИИ СВОЕЙ СУДЬБЫ ЗДЕСЬ НАХОДИЛОСЬ 135 ТЫСЯЧ РУССКИХ СОЛДАТ, КАЗАКОВ, ОФИЦЕРОВ И ГРАЖДАНСКИХ. КОГДА ИЗ КЕРЧИ ЕЩЕ ТЯНУЛИСЬ ПОСЛЕДНИЕ ПАРОХОДЫ, В 1-М АРМЕЙСКОМ КОРПУСЕ ГЕНЕРАЛА КУТЕПОВА УЖЕ БЫЛО ИЗВЕСТНО: МЕСТОМ ДИСЛОКАЦИИ ОПРЕДЕЛЕН ЛАГЕРЬ БЛИЗ ЗАХОЛУСТНОГО ТУРЕЦКОГО ГОРОДКА НА МРАМОРНОМ МОРЕ – ГАЛЛИПОЛИ. ПЕРВЫЕ ВЫСАДИЛИСЬ ЗДЕСЬ 22 НОЯБРЯ.

Б исходе Русской армии врангеля знали многие и в советское время. Читали и смотрели «Бег», переживали за героев фильма «Служили два товарища»... Угол зрения на события Гражданской войны был, конечно, по возможности откорректирован, но хотя бы – знали. О том, что десятки тысяч русских людей оказались обреченными на лагерную жизнь в этом самом Галлиполи, о том, как в нечеловеческих условиях сохраняли воинскую дисциплину и православный облик, о том, что «галлиполийское сидение» продолжалось более года – об этом и в советское время, и сейчас в России знают немногие.

К середине декабря 1921 года для большинства русских в галлиполийском лагере добровольное заключение закончилось. Воинский контингент и гражданских лиц перебросили в Сербию, Болгарию, частным порядком – в другие страны. В Галлиполи оставались части Технического и Учебно-Кавалерийского полков. Последние уехали в 1923 году.

Девяносто лет назад завершилось «галлиполийское сидение». Продолжилось великое рассеяние русских людей по белу свету.

Этой осенью в Петербурге в течение месяца, с 2 по 27 ноября, были организованы различные мероприятия и акции в память о Белом исходе из Галлиполи. Программа получила название «Галлиполийское дело». Она включала храмовые службы, конференции, выставки, демонстрацию фильмов, экскурсии, концерты военной и духовной музыки. Организатором проекта выступил Санкт-Петербургский центр гуманитарных проблем, существенно помогли ему в этом Министерство культуры, Государственный Эрмитаж, Президентская библиотека имени Ельцина, общественный фонд «Центр национальной славы России», Санкт-Петербургский государственный университет, Союз журналистов и Союз писателей России, Российский фонд культуры. Оргкомитет возглавил директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, а попечительский совет – государственный герольдмейстер РФ Георгий Вилинбахов.

Третьего ноября на открытии конференции «Галлиполийское дело» выступил председатель Союза потомков галлиполийцев Алексей Григорьев (Франция): – В этом году наш Союз празднует 90-летие создания приказом барона Петра Николаевича Врангеля Общества галлиполийцев. По этому случаю 26 ноября по всему миру будут отслужены панихиды. Я призываю всех присоединиться к нашей общей молитве о тех воинах, что вынужденно покинули Родину в 1920 году, обо всех белых воинах: погибших, оставшихся в России, уехавших из страны в иные годы...

Традиция редко возникает по приказу. Чаще – по коллективному наитию. В ноябре 1920 года оборвалась крымская ниточка. В декабре 1921-го – галлиполийская. 25 октября 1922-го – дальневосточная, и в Отечестве завершилась Гражданская война. Почти век миновал, а мы так и не определились с днем поминования. Не знаю, как по всему миру, Алексей Павлович, но в России 26 ноября молились. ●

МАМЫ ПО РАСПИСАНИЮ

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

ФОТОГРАФИИ

АНДРЕЯ СЕМАШКО

МЕСЯЦ, ПРОВЕДЕННЫЙ В ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЕ, ПЕРЕВЕРНУЛ ЖИЗНЬ КАЗАНСКОГО ДИЗАЙНЕРА СВЕТЛАНЫ ЗАГОРНОЙ. ДЕЛО БЫЛО НЕ ТОЛЬКО В ПЕРЕЖИВАНИЯХ ЗА ЗДОРОВЬЕ СОБСТВЕННОЙ ДОЧКИ. ДНЕМ И НОЧЬЮ ОБИТАТЕЛЯМ ПАЛАТ НЕ ДАВАЛ ПОКОЯ КРИК РЕБЕНКА ИЗ ОТДЕЛЬНОГО БОКСА.

B

РАЧИ И МЕДСЕСТРЫ ТОЛЬКО РУКАМИ РАЗВОДИЛИ. От ребенка отказалась мама, он находится в больнице до завершения оформления документов в дом ребенка. Процедура эта растягивается на месяц. А если ребенок болеет, то и на больший срок.

Молодые женщины ругали безответственную мамашу, ругали «дитя любви», ругали персонал, который не может обеспечить им спокойный сон, и радовались, что отказной ребенок только один. А то, говорили врачи, бывает, что малышей-отказников столько скапливается, что их «концерт» всех в больнице с ума сводит.

ДЕФИЦИТ ЗАБОТЫ

Светлана еще долго не могла забыть крик этого брошенного ребенка, злые, незаслуженные слова пациенток в его адрес. Она была единственной из всех молодых мам в отделении, которая заходила в этот бокс, ухаживала за малышом, брала его на руки. От персонала узнала, что для детей, от которых отказались родители, нередко и средств обычной гигиены не хватает. Все в первую очередь

Светлана Загорная «везет» за собой все проекты Региональной общественной благотворительной организации «Мамы Казани»

идет для детей, которые лежат в больнице со своими мамами. Они – то для своих все необходимое, как говорится, зубами вырвут, а для брошенных кто постарается? В штате больницы, конечно, предусмотрена единица, в обязанности которой в том числе входит приёмство за детьми-отказниками, но полноценного ухода за малышом чаще всего не получается.

Своими переживаниями Светлана после выписки поделилась в Интернете на форуме «Мамы Казани» – его частой посетительницей она стала после рождения дочки. Молодые мамы, которые обсуждали на форуме свои проблемы, делились советами и использован-

Поделиться с детьми в больнице улыбкой иногда важнее самого дорого лекарства

ными вещами, рассказали Светлане аналогичные истории, свидетелями которых стали в городских детских больницах. Все они были одинаковые. В системе, призванной защитить здоровье ребенка-отказника, есть пробел, из-за которого брошенный малыш нередко остается без помощи. Дело ведь не только в чистых подгузниках и простынях. Без элементарного человеческого тепла, заботливых рук и участия проблемы не решить.

И тогда на форуме было принято решение не ограничиваться охами и ахами, а организовать дежурство рядом с отказниками. Инициативную группу возглавила Светлана Загорная. Вспоминая, как четыре года назад она с подругами с форума начала организовывать первые дежурства в больницах, Светлана признается: при готовности к предстоящим трудностям и их пониманию даже не предполагала, какие тяжелые ситуации ждут их трогательный порыв. Это сейчас в общественную благотворительную организацию «Мамы Казани» из дома ребенка и детских больниц города сами называют: «Куда вы пропали? Без вас как без рук!» А тогда приходилось долго и терпеливо доказывать свою нужность.

Сценарий жизни детей-отказников, если не случится чуда в виде хорошей приемной семьи, в большинстве случаев известен заранее. Больница, дом ребенка до 4 лет, потом детский дом и затем – весьма высокая вероятность попасть в специализированный дом инвалидов. Как правило, у малышей-отказников целый букет заболеваний. Как после рождения до момента отправки в казенное учреждение рядом с ними практически никого нет, так и само учреждение, воспитывающее их, не в состоянии отправлять няню в больницу вместе с ребенком. А попадают они туда часто. Такое дежурство может растянуться на месяцы. Своих сил учреждению на

«КАЗАНСКИЕ МАМЫ» РАССКАЗЫВАЮТ...

ИРИНА ПЕТРОВА: «Я стала волонтером проекта «Сестринский уход» полтора года назад. Заступая на дежурство, приняла из реанимации трехмесячную девочку. Катюша находилась на искусственной вентиляции легких. Кислород подавался ей через трахеостому, плакать в голос она не могла. Ее просто не было слышно. Трахеостома требовала постоянного очищения, иначе ребенок начинал задыхаться. Мы с медсестрами не спали всю ночь, но эта ночь так сблизила меня с Катей, которая совсем не хотела жить и бороться, а только синела и задыхалась при попытке запла- кать. Я каждые пару часов уговаривала синеющую малышку: «Живи, дыши, доро- гая!» Сейчас Кате уже больше года... К нам разное отношение. Одни крутят пальцем у виска. Другие называют «святыми», но я считаю: то, что мы делаем, это нормальная человеческая деятельность».

ГЕЛЕМ САДЫКОВА: «Я учусь в институте. Случайно наткнулась в Интернете на объявление о прогулках с малышами из дома ребенка, которое разместила организация «Мамы Казани». И вот 24 апреля мы пошли на первую прогулку! Я приходила к ним до конца лета и планирую ходить и теперь, когда уже началась учеба. Свободное время я найду. Детям так нужно внимание!»

АЙГУЛЬ ХАЗИАХМЕДОВА: «Мне в детстве было дано много тепла, любви, заботы. Но кто-то таким простым, но важным подарком обделен. Осознание этого пришло ко мне в годы студенчества, когда я познакомилась с организацией «Мамы Казани». Персонал детских и лечебных учреждений физически не имеет возможности уделить внимание каждому малышу в необходимом объеме. В один поистине прекрасный день я решилась прийти в больницу к ребенку. «Смогу ли? Это так тяжело – ухаживать за малюткой!» Эти детки настолько изголодались по про- стой человеческой любви! Так хочется поделиться с ними своей теплотой. После преодоления внутренних про-blem наступает время решения вопросов общения с персоналом медучреждения, где находится ребенок. Надо завоевать уважение. Показать, что мы пришли помо-гать... Потом я сама лично выслушивала приятные признания: «Без вас мы как без рук!»

это не хватает. Поэтому «Мамы Казани» в этой ситуации – настоящие спасительницы.

Схема организации дежурства такова. После сообщения о необходимости сопровождения ребенка в больницу Светлана срочно ищет свободную «мамочку». Доброволец – так еще называют членов организации «Мамы Казани» – должен быть обязательно здоров и иметь на руках соответствующие справки. Первые часы в больнице малыш проводит с няней из дома ребенка, а потом подключается «мамочка». Иногда доброволец находится только на ближайшие несколько часов, ему надо искать смену... Координатор проекта, который в организации называется «Сестринский уход», живет в напряженном состоянии, при котором в любой момент он должен найти человека, готового прийти на дежурство. Светлана, если не удавалось найти свободного добровольца, часто ехала сама дежурить рядом с малышом. Это потом, когда набрались опыта, новых «мамочек» стали вводить постепенно на пару с «ветеранами». А сначала девушки приходили дежурить с малышами на двое-трое суток. «Хорошо, у меня супруг и мама – люди по-нимющие. Но для некоторых «мамочек» такая нагрузка не прошла бесследно, – признается Светлана. – Их не поняли мужья. У двух наших «мамочек» распались семьи. Но и сейчас они ходят дежурить».

НЕ ЖДИТЕ БЛАГОДАРНОСТИ

Дежурство волонтера с ребенком – это не формальность, не сюсюканье, не только замена памперса. Надо уложить ребенка спать. Приготовить смесь для кормления. Поиграть с ребенком в развивающие игры. Уложить его спать. А пока он спит – простилизировать использованную посуду, выстирать и высушить белье. Сопро-вождение ребенка на назначенные врачом анализы и процедуры, посещение специалистов – тоже долг «мамочки». Учебники и лек-

ции, взятые на дежурство «мамочками» из числа студенток, остаются нераскрытыми. Свою сменщицу «мамочка» встречает бледная, с красными глазами и пониманием того, как сложно сидеть с чужим ребенком в палате, где много других больных детей и их нервных мам. В пик сезонных обострений в палате бывает жарко, душно. Родительницы других малышей, бывает, ругают «мамочек»: «Зачем вам это надо? Где та мать! Я бы ее убила!» Но самые обидные слова, которые приходилось слышать «мамочкам», были иными: «Сколько вам за это платят?»

Больничный персонал тоже ревностно воспринимал присутствие чужих. Были даже случаи столкновения с санитарками. «Мамочки»

Прогулки с детьми из дома ребенка «мамочки» превращают в развивающие игры

Для «мамочки» Гульназ Сайфутдиновой каждое движение малыша – радостное событие

жаловались Светлане по телефону. «Я им говорю, чтобы выходили из больницы, раз такое, а они: нет, я ребенка не брошу, я буду с ним до конца».

Организация разработала инструкцию о взаимодействии с больничным персоналом. Волонтеры не должны грубить, вести себя как можно сдержаннее, ни в какие дела не вмешиваться. Не должны указывать персоналу, как работать. Не должны подменять работу медсестер. Нельзя соглашаться на дежурство с детьми, которые больны ВИЧ-инфекцией и гепатитом, поскольку у волонтеров нет подготовки для работы с такими детьми. О случаях нарушений прав ребенка волонтер обязан сообщать координатору. Но даже после всех предварительных инструкций новички, гордясь тем, что занимаются благородным делом, считают, что на них должны чуть ли не молиться. Столкновение с действительностью их разочаровывает. Действует атмосфера больницы, тяжелое положение малыша, собственная беспомощность. «Если человек продержался у нас год – это уже хорошо», – признается Светлана.

Правда, и ей самой не всегда удается сохранять хладнокровие. Как-то она дежурила в больнице с ребенком-отказником. Ей приходилось бегать по коридору, искать врачей, медсестер, чтобы те подошли к ребенку. Требовала для малыша поиска нужного лекарства. Ребенок был серьезно болен, врачи Светлане даже говорили: «Что вы с ним мучаетесь, другую голову не пришьешь. Не кричит, и ладно!» Ребенка того Светлана выходила. Но поняла и то, что было ясно с первых дежурств. Помощью «Мам Казани» будут пользоваться охотно, но спасибо никто не скажет. Об этом она часто предупреждает новичков: «Наша цель – сделать общество лучше через хорошее отношение к детям-отказникам. Нам не надо благодарности от детей, они никог-

«Мамы Казани» – учитель русского языка Айгуль Хазиахмедова и ее подруга повар-кондитер Гульназ Сайфутдинова – отдают свою нежность и любовь детям в беде

да не будут знать, кто им помог. Нам важно добиться, чтобы общество не отторгало детей, не имеющих родителей».

В больнице к «мамочкам» за помощью обращались и родители, которые приехали с детьми для лечения из районов, если им нужно было отлучиться для оформления документов или поиска лекарств. Были времена, когда «мамочки» для своих подопечных сами находили нужные лекарства. Со спонсорами для покупки медикаментов проблем не было, но ведь лекарства еще надо найти, привезти... «Мамочки» тут же вешали объявление на форуме в Интернете, подключали всех своих знакомых.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Перемену в отношении к себе «Мамы Казани» заметили по сокращению количества вопросов от больничного персонала. Их стали узнавать, ценить и чаще говорить: «Без вас как без рук!» На дежурства «мамочки»

стали приходить в футболках с надписью «Мамы Казани. Сестринский уход». Особо добрые отношения у организации сложились с Детской республиканской клинической больницей. В отделениях гастроэнтерологии, кардиохирургии, хирургии раннего возраста, патологии недоношенных «Мамы Казани» – желанные гости. Их даже стали кормить в отделениях, как настоящих мам.

ОТДЕЛЕНИЕ КАРДИОХИРУРГИИ

«Это тоже было победой, – говорит Светлана. – Нас уравняли в правах!»

Результатами своего труда девушки могут гордиться, когда навещают своих пациентов в доме ребенка. Вот один их подопечный встал на ножки, вот другой улыбнулся – это важные события в жизни волонтеров. Они тщательно следят за переменами в эмоциональном состоянии детей, с которыми приходят гулять. Такие прогулки – тоже один из важных проектов организации «Мамы Казани». Ведь в доме ребенка та же проблема: недостаток теплых человеческих рук. «Тактильные ощущения очень важны в первые месяцы жизни, – рассказывает Светлана. – Если малыш не был на руках, остался без материнского внимания, то происходят нарушения на психологическом уровне. Человек адаптируется в обществе не сможет полноценно. А персонал при всем желании не может успеть присмотреть за всеми».

Прогулки с детьми из дома ребенка подчинены режиму учреждения. Но если на улице ветреная погода или установлен карантин, то «мамочки» могут детей за ручку и по коридору поводить. Некоторые девушки даже поодиночке приходят в свободное время. Но здесь у «мамочек» тоже трудности. Если в больницах были проблемные ситуации с персоналом, то здесь они возникли... с самими волонтерами. При прогулках с ребенком нельзя позволить ни себе, ни ему привыкнуть к этому общению, а то при неизбежном расставании произойдет стрессовая ситуация.

«Мамочки» с гордостью говорят о детях, которые набрали вес и развились от общения с ними. Это даже воспитатели признают. Вот, например, малышка Ирина. Ей скоро будет год. Когда «мамочки» за нее взялись, то воспитатели им говорили: она не выживет. Но «мамочки» окружили ее такой заботой, что воспитатели были поражены. Сейчас одна из «мамочек» хочет удочерить Ирину.

Самые дружеские отношения у благотворительной организации Республики Татарстан «Мамы Казани» сложились с коллективом Детской республиканской клинической больницы. Сегодня «Мамы Казани» сотрудничают более чем с 20 учреждениями, в которых находятся дети, оставшиеся без попечения родителей

За несколько лет работы через организацию «Мамы Казани» прошли сотни девушек и молодых женщин. Но постоянное ядро из шести активисток остается неизменным. С ними-то и поддерживают отношения «мамочки», которых «бывшими» назвать нельзя, так как у них теперь собственные дети. Прежние волонтеры с интересом следят за деятельностью организации, помогают материально. Так что сегодня у «Мам Казани» есть свои нештатные психологи, педагоги и юристы, есть «свои люди» в госструктурах, в частных компаниях и т.д. Они помогают с работой, с оплатой съемного жилья, оформлением документов. А одной многодетной семье «Мамы Казани» помогли получить квартиру.

Все эти новые проекты «мамочек» привели их к самому главному. Начинали девушки с первой и необходимой помощи детям-отказникам, а теперь они стараются предотвратить ситуации, когда матери отказываются от детей. ●

ИМЕНИТЕЙШИЙ ГРАЖДАНИН ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО

АВТОР

ВЯЧЕСЛАВ НИКОНОВ

ИСТИННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛ, ОСНОВОПОЛОЖНИК РУССКОГО СЕНТИМЕНТАЛИЗМА, АВТОР «ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО», КОТОРУЮ В XIX ВЕКЕ ПРОЧЛИ ВСЕ, КТО УМЕЛ ЧИТАТЬ. НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ КАРАМЗИН – БЛЕСТАЩИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ, ПЕРВЫЙ И НАИБОЛЕЕ ЯРКИЙ РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТОР, ОДИН ИЗ САМЫХ ВЫДАЮЩИХСЯ СЫНОВ РОССИИ, НЕДООЦЕНЕННЫЙ ПОТОМКАМИ.

Труды Карамзина не оставляли равнодушным никого из образованных современников. Многие с ним спорили, даже император Александр I, которого Николай Михайлович пытался учить жизни и искусству государственного управления. Но поклонителей у него было все-таки больше. «Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное, – писал Николай Гоголь в «Выбранных местах из переписки с друзьями». – <...> Карамзин первый показал, что писатель может быть у нас независим и почен всеми равно, как именитейший гражданин в государстве. <...> Никто, кроме Карамзина, не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству <...>».

В правых кругах деятельность Карамзина воспринималась как потрясение литературных и политических основ. Так, в 1809 году один из современников писал начальству, что сочинения Карамзина «исполнены вольнодумческого и якобинского яда. <...> Не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь». А для революционеров и либералов Карамзин, наоборот, был одним из столпов и символов самодержавия. Но и они отдавали должное его таланту.

В российской либеральной историографии отношение к Карамзину было почти негативным, хотя не признавать его заслуг было невозможно. Василий Ключевский обнаружит у него массу фактических ошибок и тенденциозность. Хотя именно благодаря субъективизму и морализаторству Карамзин, по мнению Ключевского, «помог русским людям лучше понимать свое прошлое, но еще больше он заста-

колая отдали в московский пансион профессора Шадена. Учили здесь по университетской гуманистической программе, главное место в которой занимали языки. Николай прекрасно владел немецким, английским, французским и итальянским. В последний год учебы в пансионе Карамзин слушал лекции в Московском университете, о котором сохранил добрую память, а затем отправился в Петербург, где поступил в лейб-гвардии Преображенский полк. Военная служба его не особо привлекала, с большим рвением он предавался занятиям литературой: в 1783 году был опубликован первый перевод идиологии швейцарского поэта Геснера – «Деревянная нога», выполненный Карамзиным.

После смерти отца Карамзин подал в отставку и в январе 1784 года покинул армию в чине поручика. Для устройства семейных дел ненадолго отправился в Симбирск, где вступил в масонскую ложу «Золотого венца». А вернувшись в том же году в Москву, вступает и в другую ложу – «Дружеское ученое общество»: туда его привел земляк и переводчик Иван Тургенев. Здесь Карамзин знакомится с просветителем и книгоиздателем Николаем Новиковым,

представляемоим золотаревым

Карамзин знакомится с просветителем и книгоиздателем Николаем Новиковым, входит в круг московских литераторов, участвует в издании

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

вил их любить его. В этом главная заслуга его труда перед русским обществом и главный недостаток его перед исторической русской наукой».

Советская же историография – с легкой руки Михаила Покровского и Анатолия Луначарского – объявила Карамзина «реакционной бестией». В СССР его долго не издавали. И лишь в 1950-е годы к творчеству Николая Михайловича обратился известный филолог Юрий Лотман, основоположник современного карамзиноведения. В 1980-е Карамзин вернулся окончательно, произошел всплеск интереса к его наследию. В наши дни академик Юрий Пивоваров охарактеризовал Карамзина как первого русского политолога, положившего начало не только консервативной традиции, но и отечественной теоретической и ретроспективной политологии.

СТАНОВЛЕНИЕ ПИСАТЕЛЯ И ГРАЖДАНИНА

1 декабря (12 декабря по ст. ст.) 1766 года в Симбирской губернии в семье потомка татарского князя Карапурзы Михаила Егоровича Карамзина родился сын Николай. Воспитывался он дома, читать пристрастился рано, так что учитель мальчика – семейный врач немец – воспитанником был доволен. В 14 лет Ни-

Симбирск
в середине
XVIII века.
Вид с юго-
востока,
со стороны
Волги.
Гравюра
М.И. Махаева

Иллюстрация
к «Письмам
русского путеше-
шественника»
Н.М. Карам-
зина –
«На польской
границе
осмотр был
не строгий»

Иммануил Кант (1724–1804),
немецкий философ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Неизвестный
русский
художник
конца
XVIII века.
Аллегория
на состояние
Европы
в 1791 году

первого русского журнала для детей «Детское чтение». Там и было опубликовано его первое большое стихотворение, «Поэзия», тогда же появилась на свет и первая повесть – «Евгений и Юлия».

В середине 1789 года, покинув масонов, 23-летний Карамзин отправился в путешествие по Европе, ставшее своеобразным университетом, определившим его дальнейшую жизнь. Он посетил Иммануила Канта в Кенигсберге, был в Пруссии, Саксонии, Швейцарии, Англии, в Париже стал очевидцем Великой французской революции. В итоге появились «Письма русского путешественника», сделавшие Карамзина известным литератором. Именно с этой книги, как считает ряд специалистов, ведет свой отсчет современная русская литература.

Французская революция здорово напугала молодого Карамзина. Его реакция на нее не отличалась от ощущений основоположника мирового консерватизма Эдмунда Берка. Именно эта реакция стала платформой как для глобального, так и для российского консерватизма. «Можно ли было ожидать таких сцен в наше время от зефирных Французов...<...> Не думайте однажды, чтобы вся нация участвовала в трагедии, которая играется ныне во Франции. Едва ли сотая часть действует, все другие смотрят, судят, спорят, плачут или смеются, бьют в ладоши или освистывают, как в театре. <...>

С 14 июля все твердят во Франции об Аристократах и Демократах; хвалят и бранят друг друга сими именами, по большей части не зная их смысла. <...> Один Маркиз, который был некогда осыпан Королевскими милостями, играет теперь не последнюю роль между неприятелями Двора. Некоторые из прежних его друзей изъявили ему свое негодование. Он пожал плечами и с холодным видом отвечал им: Que faire? J'aime les tete-troubles! («Что делать? Я люблю мяте-те-тежи!») Маркиз заика. Но читал ли Маркиз историю Греции и Рима? Помнит ли цыкуту и скалу Тарпейскую? Народ есть острое железо, которым играть опасно, а революция отверстый гроб для добродетели и – самого злодейства. <...>

Новые Республиканцы с порочными сердцами! Разверните Плутарха, и вы услышите от древне-

го, величайшего, добродетельного Республиканца, Катона, что *беззначание хуже всякой власти!*»

Правда, позднее Карамзин даже расположился к Французской революции, но не потому, что принял ее, а потому, что ее очевидные эксцессы дискредитировали революционные идеи. «Революция объявила идеи: мы увидели, что гражданский порядок священ даже в самых местных или случайных недостатках своих; что власть есть для народов не тиранство, а защита от тирании; что, разбивая сию благодетельную эгиду, народ делается жертвой ужасных бедствий, которые несравненно злее всех обыкновенных злоупотреблений власти; <...> что одно время и благая воля законных правительств должны исправить несовершенства граж-

данских обществ; и что с сею доверенностью к действию време-

ни и к мудрости властей должны мы, частные люди, жить спокойно, повиноваться охотно и делать все возможное добро вокруг себя». В сентябре 1790 года Карамзин вернулся на родину с ощущением, что ему надлежит исполнить великую миссию: «Жаль только, что недостает таланта и вкуса в артистах нашей словесности, которых перо по большей части незаманчиво и которые не-редко во зло употребляют лю-

бопытство читателей! А в России литература может быть еще полезнее, нежели в других землях: чувство в нас новее и свежее; изящное тем сильнее действует на сердце и тем более плодов приносит».

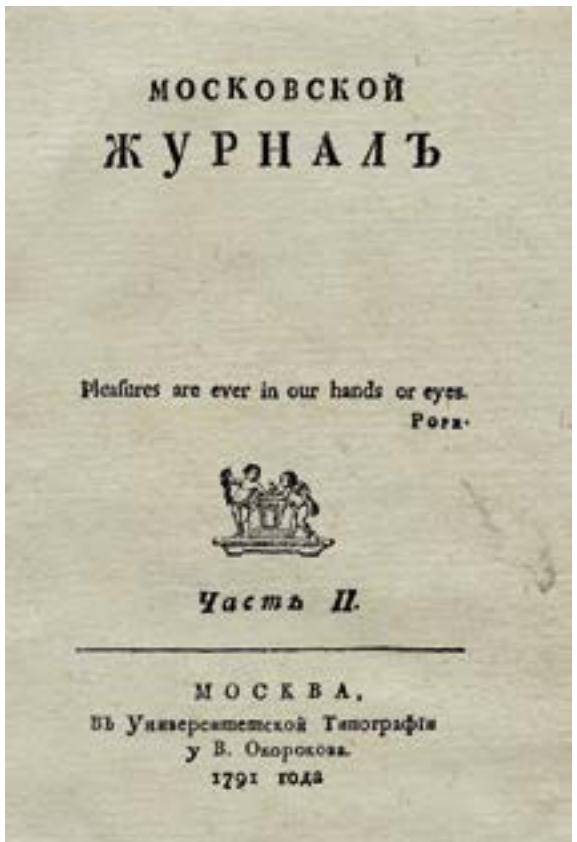
Николай Михайлович зажил как профессиональный литератор, начал выпускать «Московский журнал» – серьезное по тем временам издание, имевшее более 300 подписчиков. Это был, пожалуй, первый в России литературный журнал. Часто единственным его автором являлся сам издатель: здесь публиковались «Письма русского путешественника», впервые увидели свет повести «Бедная Лиза», «Наталья, боярская дочь», «Фрол Силин, благодетельный человек», «Лиодор», критические статьи и рецензии. Молодой издатель сразу сделал заявку на новизну жанра и языка. Карамзин уходил от возвышенного слога, переходя на живой язык повседневной жизни.

Еще один аспект своей миссии Карамзин видел в том, чтобы, по словам Белинского, «захотить» русскую публику к чтению российских книг на русском языке. Он предпринимает героическую кампанию по реабилитации родного языка среди российской элиты, большинство которой предпочитало французский. «У нас всякий <...> без всякой нужды коверкает французский язык, чтобы с русским не говорить по-русски; а в нашем так называемом хорошем обществе без французского языка будешь глух и нем, – доказывал Карамзин. – Не стыдно ли? Как не иметь народного самолюбия?» Он повел литературную борьбу за возвращение к народным началам, причем не только в языке, но и в жизни в целом. Его первая историческая повесть, «Наталья, боярская дочь»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Николай
Иванович
Новиков
(1744–1818),
русский
журналист,
издатель
и обществен-
ный деятель.
Неизвестный
художник
с оригинала
Д.Г. Левиц-
кого

«Московский журнал».

Титульный лист

Вернувшись в Москву, Карамзин начал сотрудничество с газетой «Московские ведомости». В этот период он всерьез заинтересовался историей, много читал и писал, редактировал сборник произведений русских поэтов «Аониды». В 1798 году вновь начинает издавать журнал, на сей раз состоящий из переводных произведений, – «Пантеон иностранной словесности».

Воцарение Александра I Карамзин встретил хвалебной одой, приветствовав в его лице «милое весны явленье», несущее «забвенье всех мрачных ужасов зимы», мысли о которых навевало правление Павла I.

В 1801 году Карамзин женился на Елизавете Ивановне Протасовой. Однако через год супруга умерла, оставив дочь Софью. Овдовев, он с головой уходит в работу, начав выпускать литературно-политический «Вестник Европы».

Журнал ждал большой успех – и литературный, и финансовый. У него была внушительная плеяда постоянных авторов, в том числе Державин и Жуковский. В «Вестнике» Николай Михайлович публикует свои повести «Марфа Посадница», «Моя исповедь». В писательстве Карамзин ощущает себя первоходцем: «Вознаме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

«Вестник Европы». В первых номерах этого журнала за 1803 год была напечатана повесть Н. М. Карамзина «Марфа Посадница»

ясь выйти на сцену, я не смог сыскать ни одного из русских сочинителей, который был бы достоин подражания, и, отдавая всю справедливость красноречию Ломоносова, не упустил я заметить штиль его, вовсе не свойственный нашему веку». Стремление сблизить литературный язык с разговорным и подвигает Карамзина писать преимущественно прозу. В противовес композиционной и языковой «нескладице» классических романов XVIII века излюбленным жанром его становится короткая новелла – «чувствительная повесть». «Письма русского путешественника» и «Бедная Лиза» открыли в России эпоху сентиментализма. Доминантой «человеческой природы» сентиментализм, в отличие от классицизма, объявил чувство, а не разум. Мир для него принципиально непознаваем, уделом человеческой деятельности полагалось не разумное переустройство бытия, а совершенствование естественных чувств. В поэзии Карамзин тоже идет новым путем, он демонстрирует тяготение к белому стилю, пожалуй, одним из первых введя его в русскую литературу. Его поэзия, развивавшаяся в русле европейского сентиментализма, кардинально отличалась от традиционной, воспитанной на одах Ломоносова и Державина. Объект этой поэзии – «простая жизнь», и для ее описания он использует простые поэтические формы, избегая обилия метафор, столь популярных в стихах его предшественников. Юрий Лотман подчеркивал: «Более литератор, чем поэт, он весь был в своей эпохе. Поэзия его мало что говорит чувству современного человека, но без нее нельзя понять ни поэзии Жуковского и Батюшкова, ни лирики молодого

(1792), начиналась словами: «Кто из нас не любит тех времен, когда русские были русскими, когда они в собственное платье наряжались, ходили свою походкою, жили по своему обычаю, говорили своим языком и по своему сердцу?»

«Язык важен для патриота; и я люблю англичан за то, что они лучше хотят свистать и шипеть по-английски с самыми нежными любовницами своими, нежели говорить чужим языком, известным почти всякому из них, – писал Карамзин. – Есть всему предел и мера: как человек, так и народ начинает всегда подражанием; но должен со временем быть сам собою, чтобы сказать: «Я существую морально!» <...> Патриот спешит присвоить отечеству благодетельное и нужное, но отвергает рабские подражания в безделках, оскорбительные для народной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человеку и народу, который будет всегда учеником!» Бурная деятельность писателя привела к невиданному для усилий одного человека достижению: чтение русских книг впервые стало модным среди образованной публики.

В 1792 году по подозрению в масонстве был арестован Новиков. Карамзин отреагировал на задержание учителя одой «К милости», опубликовав ее в «Московском журнале», но и сам попал под подозрение. Следствие начало выяснять, не были ли его поездка в Европу предпринята по заданию масонов. Журнал пришлось от греха закрыть и перебраться в деревню. До 1795 года Карамзин пережидал скандал, выпустив за это время два стихотворных сборника «Аглая».

Пушкина. Не создав выдающихся по художественной ценности стихотворений, Карамзин «очинил перья» последующим поэтам...»

Искания «стиля, свойственного веку» ставили Карамзина помимо прочего перед проблемой образования нового языка, близкого живой разговорной речи. В своем творчестве он специаль но культивирует «средний стиль», в одинаковой степени чуждившийся как придворной «высокости», так и «грубой простонародности».

Своими произведениями Николаю Михайловичу удалось реформировать русский литературный язык, призвав авторов «писать, как говорят». Но такие новации вызвали бурную полемику. Так, против них выступил писатель Александр Шишков («Рассуждение о старом и новом слоге»), образовавший при содействии Державина общество «Беседа любителей русского слова», которое пропагандировало «старый» язык. Сам Карамзин участия в разгоревшейся борьбе не принимал, но за него вступились как его последователи, писатели-сентименталисты, так и литературная молодежь. В 1815 году образуется литературное общество «Арзамас», иронизировавшее над авторами «Беседы» и пародировавшее их произведения. Его членами стали Батюшков, Вяземский, Давыдов, Жуковский, а также юный Пушкин. Очевидная победа «Арзамаса» над «Беседой» упрочила торжество языковых изменений, за которые ратовал Николай Михайлович.

И тогда Карамзин обратился к проекту не менее амбициозному: к обеспечению права россиян на собственную историю. В 1803 году он добился указа Александра I о назначении официальным историографом с поручением написать полную историю России.

В следующем году он женится на Екатерине Андреевне Колывановой, внебрачной дочери князя Андрея Вяземского, и начинает свой затворнический самоотверженный труд. Карамзин на долгие годы, как выразился П.А. Вяземский, «постригся в историки».

ИСТОРИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ КАРАМЗИНА

Уже в «Письмах русского путешественника» можно найти обоснование последующего обращения к отечественной истории: «Больно, но должно по справедливости сказать, что у нас до сего времени нет хорошей Российской Истории, то есть писанной с философским умом, с критикою, с благородным красноречием». Знакомство с русскими летописями, трудами историков М. Щербатова, В. Татищева, И. Болтина и других привело Карамзина к осознанию необходимости поиска «философической методы для расположения предметов» в изучении богатой великими событиями российской истории.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Василий Никитич Татищев (1686–1750), русский государственный деятель, историк

Иван Никитич Болтын (1735–1792), русский историк, государственный деятель

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Михаил Михайлович Щербатов (1733–1790), князь, русский общественный и государственный деятель, историк и публицист

Для кого он писал? В одном из его писем к баснописцу Ивану Дмитриеву можно найти признание: «Я писал для русских, для купцов ростовских, для владельцев калмыцких, для крестьян Шереметьева, а не для Западной Европы». Цель – доказать, что у России есть свое прошлое и собственная традиция. И традицией этой является российская государственность, имеющая своей основой принцип самодержавия, в силу которого «Россия развилась, окрепла и сосредоточилась».

Периодизация российской истории, по Карамзину, проста. «История наша делится на Древнейшую от Рюрика до Иоанна III, на Среднюю от Иоанна до Петра, и Новую от Петра до Александра. Система Уделов была характером первой эпохи, Единовластие второй, изменение гражданских обычаяв третьей. Впрочем, нет нужды ставить грани там, где места служат живым уроцищем».

Патриот до мозга костей, Карамзин, однако, не ставит под сомнение норманнскую теорию происхождения древнерусского государства, которую ранее яростно оспаривал Михаил Ломоносов. «Варяги, под общим именем Норманнов или Северных людей, громили тогда Европу. <...> Нет, кажется, сомнения, что они за 500 лет до Колумба открыли полунощную Америку и торговали с ее жителями. Предпринимая такие отдаленные путешествия и завоевания, могли ли Норманны оставить в покое страны ближайшие: Эстонию, Финляндию и Россию?»

В карамзинской концепции истории предпочтение отдается централизованным и твердым формам государственного правления: древнерусское централизованное государство в его глазах явно привлекательнее Руси периода княжеской раздробленности. Восстановление государственности он связывал с политикой московских князей, которые вывели страну на путь независимости, установив жесткий режим и распрошавшись с вечевыми вольностями. «Да будет честь и слава Москве! В ее стенах родилась, созрела мысль восстановить единовластие в истерзанной России, и хитрый Иоанн Калита, заслужив имя Собирателя земли Русской, есть Первоначальник ее славного воскресения, беспримерного в летописях мира».

В политическом строе Московского централизованного государства Карамзина устраивало почти все. Но он был противником тиарии, очевидные признаки которой видел в действиях Ивана Грозного.

«Историю государства Российского» Карамзин довел вплоть до 1612 года. О том, как он намеревался излагать дальнейший ход событий, мы узнаем не из «Истории», оставшейся неоконченной, а из других его работ. Смутные времена, по Карамзину, несли угрозу распада государства, ответом которой вновь стала жесткая централизация. Он отдает должное героям: «История назвала Минина и Пожарского Спасителями Отечества: отдадим справедливость их усердию». Кстати, в 1818 году именно Карамзин выступит с инициативой установить памятник Кузьме Минину и Дмитрию Пожарскому на Красной площади.

Новая династия, Романовых, считал Карамзин, возвратила России стабильность и благополучие, с одной стороны, обратившись к российской традиции, с другой – начав заимствование передовых западных идей. При неравном соотношении уровней развития Запада и России заимствования европейской культуры вполне возможны, и они стали обычными уже в допетровские времена. «Вообще царствование Романовых: Михаила, Алексея, Феодора, способствовало сближению Россиян с Европою как в Гражданских учреждениях, так и в нравах от частых Государственных сношений с ее Дворами, от принятия в нашу службу многих иноземцев и поселения других в Москве».

Тем не менее именно от Карамзина ведет начало та интеллектуальная дискуссия об итогах царствования Петра I, которая станет стержневой для российской общественно-политической мысли на двести лет вперед. Он начал полемику об исторической роли Петра в контексте соотношения национальной традиции и внешних заимствований. В дискуссии вокруг «Истории» Карамзина и его оценки Петра выкристализовались течения славянофилов, видевших проблемы России в отрыве от допетровских корней, и западников, полагавших цель развития страны в максимальном приближении к западной модели.

Нельзя сказать, что Карамзин однозначно негативно оценивал деятельность Петра I. Он отдает должное величию императора. Но Петр для него – еще и разрушитель устоев. В шестом томе «Истории», сравнивая Ивана III с Петром, он впервые публично поставил вопрос об их исторической роли: «Кто из сих двух венценосцев поступил благоразумнее и согласнее с пользою отечества?» По его мнению, «Иоанн, включив Россию в общую государственную систему Европы <...> не мыслил о введении новых обычаев, о перемене нравственного характера подданных». Петр поступил наоборот. Страсть его «к новым для нас обычаям переступила в нем границы благородия», он искоренял древние навыки в основном насильтственными методами. При нем произошло расслоение русского, единого до того народа: «...высшие степени отделились от низких, и русский землемеделец, мещанин, купец увидел немцев в русских дворнянах». Петр унизил достоинство бояр, изме-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Усадьба
Остафьево –
здесь Н.М.
Карамзин
написал
8 томов
своей
«Истории».
Парковый
фасад глав-
ного дома.
Начало
XX века

нил систему госуправления, уничтожил патриаршество и объявил себя главой церкви, ослабив тем самым веру. Он перенес столицу на окраину, построив ее на песке и болотах и положив на это множество людских жизней, денег и усилий. В результате, заключает Карамзин, «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России». Искореняя древние навыки, представляя их смешными, государь, полагал Карамзин, «унижал Россиян в собственном их сердце».

Истинной преемницей величия Петра и «второю образовательницею новой России» он называет Екатерину II. Для Карамзина это был «золотой век» государства Российского. «Возвысив нравственную цену человека в своей Державе, она пересмотрела все внутренние части нашего здания государственного и не оставила ни единой без поправления: Устав Сената, губерний, судебные, хозяйственные, военные, торговые усовершенствовались ею. Внешняя политика сего Царствования достойна особенной хвалы <...> Петр удивил Европу своими победами – Екатерина приучила ее к нашим победам».

Но Карамзин, оставаясь верным себе, даже в блестящем царствовании Екатерины видел пятна. «У нас были Академии, высшие училища, народные школы, умные Министры, приятные светские люди, герои, прекрасное войско, знаменитый флот и Великая Монархия: не было хорошего воспитания, твердых правил и нравственности в гражданской жизни».

Гораздо худшего мнения он придерживался о Павле I, в котором видел второго за всю историю (после Ивана Грозного) тирана на российском троне. А вот претензии к Александру I, которые Карамзин не боялся высказывать ему в лицо, сводились в основном к чрезмерному увлечению императора созданием новых государственных учреждений, грозивших в перспективе поставить под вопрос самовластие государя.

Суммировал же суть своей исторической концепции он так: «Россия основывалась на победами и единонаучием, гибла от разновластия и спасалась мудрым самодержавием». Этот вывод и стал фундаментом политической философии Карамзина. ●

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ.

ДВА В ОДНОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЁВЫМ

В

1820 ГОДУ 44-ЛЕТНИЙ ОФИЦЕР АФАНАСИЙ Неофитович Шеншин лечился в германском Дармштадте. В местной гостинице мест не было, и он поселился у тайного советника Карла Беккера. С вдовцом Беккером жила его дочь Шарлотта Елизавета с мужем Иоганном Фётом и годовалой дочерью Каролиной. 22-летняя хозяйская дочка влюбилась в русского и тайно сбежала с ним в Россию, будучи на седьмом месяце беременности. Девочка Каролина осталась с отцом.

В России у Шарлотты Елизаветы родился мальчик, крещенный в православной церкви Афанасием и записанный в метрической книге сыном помещика Шеншина. Священник в церкви сильно пил и страшно нуждался, так что, по-видимому, ему неплохо заплатили. Сам он потом объяснил, что сделал это потому, что в доме Шеншиных ему оказывали уважение. Через два года после рождения сына мать приняла православие и обвенчалась с Афанасием Неофитовичем, став Елизаветой Петровной Шеншиной.

Она считала ребенка сыном Фёта: в письмах родным Елизавета Петровна сообщала отцу и брату, что Шеншин заботится о мальчике так, что «никто не заметит, что это не кровный его ребенок». Шеншин знал, что мальчик не его сын. Иоганн Фёт шантажировал бывшую жену и соглашался признать ребенка, только если она оплатит все его долги. Умер он в 1826 году и не оставил мальчику никакого наследства. Мать очень беспокоило, что ребенок не имеет права на имя и наследство отца; она просила брата помочь юридически признать ребенка сыном Фёта – «должен же он получить фамилию».

Юный Афанасий Шеншин, однако, ничего об этом не знал и рос русским барчуком, сыном столбового дворянина. Позже у него появились братья и сестры – законные Шеншины. Учился он дома, учителями были семинаристы, которые часто менялись. Детство свое в письме близкайшему другу Ивану Борисову, сыну соседского помещика, Афанасий Афанасьевич вспоминал так: «...С тобой, мой друг, я люблю окунаться душой в ароматный воздух первой юности, только при помощи товарища детства душа моя об руку с твоей любит пробегать по оврагам, заросшим кустарником и ухающим земляникой и клубникой, по крутым тропинкам, с которых спускали нас деревенские лошадки, – но один я никогда не уношусь в это детство: оно представляет мне совсем другие образы – интриги челяди, тупость учителей, суровость отца, беззащитность матери и переживание в страхе изо дня в день. Бог с ней с этой <...> паршивой молодостью».

АВТОР

ИРИНА ЛУКЬЯНОВА

ЗНАКОМЫЕ удивлялись: как может быть лирический поэт таким закоснелым крепостником, таким хозяйственным, как у него получается гордиться должностью мирового судьи? Как можно совмещать несовместимое – такую редкую, настоящую поэзию с низкой прозой жизни? Уж не два ли человека в нем живут? А кажется, и в самом деле два: Фет и Шеншин, и поди пойми, кто из них настоящий.

ГЕССЕН-ДАРМШТАДТСКИЙ ПОДДАННЫЙ

Когда Афанасию Шеншину было 14 лет, случилась катастрофа. Орловское губернское правление по чьему-то доносу запросило у духовной консистории подробности о рождении Шеншина-младшего, затребовав и справку о браке родителей. Из документов следовало, что ребенок рожден задолго до венчания родителей и не может считаться их законным сыном. Подросток, как мать его и боялась, в самом деле оказался без фамилии. Шеншиным пришлось просить материнскую родню о содействии – уговорить опекунов Каролины Фёт признать Афанасия сыном покойного отца девочки. В конце концов его действительно признали Фётом, и из русского потомственного дворянина он превратился в иностранца, гессен-дармштадтского подданного.

О хорошем дворянском пансионе в Москве или Петербурге пришлось забыть; родители отправили Афанасия учиться в Лифляндию – в немецкий пансион Крюммера в городе Верро (сейчас – Выру в Эстонии). Среди немецких подростков он был белой вороной: православный иностранец с немецкой фамилией и русской дворянской семьей. На Афанасия сразу посыпались насмешки и неудобные вопросы. На каникулы его домой не брали – далеко, и он одиноко слонялся по Верро. Никогда впоследствии он не мог ничего прямо ответить о своем происхождении. Хуже того, довольно быстро умами завладела сплетня, что Шеншин на самом деле купил жену у еврея-корчмаря, так что Фет вообще внебрачный сын еврейки-шинкарки – положение, ниже которого в Российской империи трудно и представить. Отчасти сплетни эти были вызваны своеобразной внешностью Фета. Однако биограф его Борис Бухштаб однозначно называет эту версию чепухой: дармштадтская семья Беккер занимала довольно высокое социальное положение.

Афанасий Афанасьевич злился, когда ему говорили, что он похож на еврея, и отвечал: я русский потомственный дворянин. Он выброс с этим убеждением, и его *idée fixe* на всю оставшуюся жизнь стало желание вернуть себе утраченное имя, гражданство, семью, дворянство – жизнь, отнятую у него в юности.

ПРОГУЛЬЩИК

У Крюммера юноша Фет проучился три года, получив довольно системное классическое образование. Начал писать стихи, переводить с латыни – увлечение, переросшее в работу всей его жизни. Затем переехал в Москву, поступив в пансион профессора Погодина. Сам Погодин показал тетрадку стихов юного воспитанника Гоголю; тот нашел, что у молодого человека несомненное дарование.

В 1838 году Афанасий Фет поступил в Московский университет на словесное отделение. Учился не слишком хорошо, занятия предпочитал прогуливать: писал стихи. Такое отношение к учебе изрядно продлило срок его обучения – он провел в университете шесть лет вместо положенных четырех. Здесь он подружился с юным поэтом Аполлоном Григорьевым и вскоре упросил отца разрешить ему поселиться у Григорьевых на пансионе; тот разрешил. Жизнь в этом семействе поэт вспоминал с явным удовольствием. С Аполлоном Григорьевым они стали почти братьями, подолгу и с удовольствием читали и обсуждали стихи, свои и чужие, – и, как писал в воспоминаниях Фет, иной раз принимали и ложу за Иппокрену. Впрочем, зачитывались более всего Байроном, Лермонтовым, Гейне – и на тогдашнее творчество молодых поэтов именно они и повлияли больше всего.

Первая книга Фета, «Лирический Пантеон», вышла в 1840 году и была полна модных романтических мотивов одиночества и разочарования. Стихи, как обычно бывает у молодых поэтов, были слабыми и подражательными, но все же искра настоящего огня в них мерцала достаточно ярко, чтобы книгу одобрил Белинский и опубликовал сдержанно-положительную рецензию Кудрявцева на нее в своих «Отечественных записках». Фет, обрадованный и вдохновленный, загорелся идеей стать настоящим поэтом, начал печататься в журналах, получать первые гонорары – и надеяться на то, что, обделенный наследством, сможет прожить литературным трудом. И в самом деле, в 1842 и 1843 годах стихи студента Фета охотно печатали «Москвитянин» и «Отечественные записки», о нем заговорили как о многообещающем поэте.

При первой публикации, подписанной полным именем, буква «ё» в фамилии оказалась замененной на «е», и так он подписывался впредь – «Фет», а не «Фёт».

И это был уже сложившийся Фет, серьезный, зрелый поэт, написавший к этому времени хрестоматийные строчки: «Я пришел к тебе с приветом, // Рассказать, что солнце встало, // Что оно горячим светом // По листам затрепетало...»

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Аполлон
Александрович
Григорьев
(1822–1864),
русский
литературный
критик и поэт.
Рисунок
П. Бруни.
1846 год

Дармштадт.
Рыночная
площадь.
Конец XIX века

БРОЖЕНИЕ СТИХИЙ

Впрочем, разочарование его было не только модной романтической позой. В одном из своих ранних рассказов Григорьев так пишет о герое, явным прототипом которого стал Фет: «Он был художник в полном смысле этого слова; в высокой степени присутствовала в нем способность творения <...>. С способностию творения в нем росло равнодушие. Равнодушие ко всему, кроме способности творить, – к Божьему миру, как скоро предметы оного переставали отражаться в его творческой способности, к самому себе, как скоро он переставал быть художником. Так сознал и так принял этот человек свое назначение в жизни... Страдания улеглись, затихли в нем, хотя, разумеется, не вдруг. Этот человек должен был или убить себя, или сделаться таким, каким он сделался <...>. Я не видел человека, которого бы так душила тоска, за которого бы я более боялся самоубийства <...>. Я боялся за него, я проводил часто ночи у его постели, стараясь чем бы то ни было рассеять это страшное хаотическое брожение стихий его души».

Не только удары судьбы сделали юношу убежденным скептиком и атеистом, не веряющим ни во что хорошее: скорей всего, он унаследовал от матери тяжелую тоску – «меланхолию» на языке того времени. Меланхолия Елизаветы Петровны под конец жизни окончилась сумасшествием. Приезжая домой на каникулы, Афанасий видел, как помрачается рассудок его матери, и не мог не замечать в себе отзвуков ее душевного нездоровья. Мать умерла, когда он едва окончил университет, и в старости он написал о ее смерти: «Я никогда не забуду минуты, когда, только что кончивший курс 23-летний юноша, я готов был, уступая мольbam болезненно умирающей матери, отказаться от всей карьеры и, зарядив пистолет, одним верным ударом покончить ее страдания». Примерно в это же время умер вдали от дома, в Пятигорске, брат Афанасия Неофитовича, Петр Неофитович, который любил старшего племянника, сочувствовал ему и обещал ему оставить состояния. Но оно после смерти дяди оказалось расхищенным. Это был еще один удар: после университета надо было начинать самостоятельную жизнь, а молодой Фет вновь остался один, ничей, бездненежный, без всяких перспектив.

Он решил поступить на военную службу. В армии можно было дослужиться до дворянства: право на него давал первый же полученный офицерский чин. А что на стихи уже не проживешь, ясно стало очень скоро: после смерти Пушкина и Лермонтова, после ухода почти всего поколения «золотого века» русской поэзии, поставившего высочайшую литературную планку, конкурировать с ними в глазах искушенного читателя новое, едва двадцатилетнее поколение поэтов не могло. Романтизм уходил, приходила социальная, бытовая проза, – наступало разочарование в поэзии, падали тиражи, сокращалось количество публикаций, снижались гонорары... И поэт отправился служить.

МЕЖДУ НАС МОГИЛА

В апреле 1845 года он поступил унтер-офицером в Кирасирский орденский полк. А в мае Николай I издал манифест, согласно которому право на дворянство давал только майорский чин. До первого офицерского Фет дослужился уже через год, но никакого дворянства не получил. Оставалось, стиснув зубы, превращаться из филолога-прогульщика в образцового военного и стремиться к майорскому чину. Терпеть насмешки военных над вчерашним штатским, вечно изыскивать средства (отец присыпал денег мало и редко), молчать обо всем, что важно. Он и стихи писать почти перестал. Из немногого написанного собрал к 1847 году сборник, но издателя не нашлось, собственных денег на издание не было, так что книга увидела свет только через три года.

Фет служил в Херсонской губернии.

Там он познакомился с дочерью местного помещика Марии Лазич. Девушка была умная, тонкая, поэтичная, вдобавок прекрасная музыкантша. Она знала и ценила стихи Фета и в автора их влюбилась доверчиво и страстно. Он тоже полюбил, но он был нищ, а она – бесприданница. Житейский опыт твердил ему, что жениться на бесприданнице нельзя, никому это счастья не принесет; выдерживать объяснения с ней ему становилось все труднее. Прошел год – он вновь сказал, что не женится, она просила не рвать отношения,

он куда-то уехал по службе, а вернувшись, узнал, что ее больше нет в живых. Мария уронила себе на кисейное платье (или нарочно бросила?) спичку или свечу – платье вспыхнуло, она выбежала в сад живым факелом, а ветер еще сильнее раздул пламя. Умирала тяжело, от обширных ожогов, страшно мучаясь от боли – и все твердила перед смертью, что он не виноват, виновата она сама. Он до конца дней не простил себе этой смерти.

В 1853 году по хлопотам бывшего начальника он распрощался с надоевшим югом – отныне служил в лейб-гвардии Уланском его Императорского Высочества Цесаревича полку в Новгородской губернии. Оттуда можно было ездить в Петербург, а в Петербурге были журналы, писатели, литературная жизнь – так Фет вернулся в поэзию.

С 1854 года Фет начал печататься в некрасовском «Современнике», куда его рекомендовал Тургенев и где ему, новичку, предложен был гонорар в 25 рублей за каждое стихотворение. Именно Тургеневу Фет первому показывал все свои новые сти-

А.А. Фет
в форме
лейб-гвардии
Уланского полка.
Фотография
первой половины
1850-х годов

хи и переводы Горация – Тургенев восторгался, критиковал, предлагал правки. Именно Тургенев подготовил к печати новое собрание стихов Фета, нещадно правя чуть ли не каждое стихотворение. Фет, хотя и ошарашенный такой радикальной правкой, не возражал – и не делал попыток восстановить первоначальный текст.

Интерес публики к стихам возобновился, их охотно брали в печать. За много лет армейского неписания Фету и печатать было почти нечего – в ход пошли даже юношеские стихи. Он пытался писать поэмы, Тургенев его отговаривал – в вас, мол, нет эпической жилки. У поэта вновь появилась надежда прожить литературой; в это время он снова много пишет, занимается переводами, печатается и страшно торгуется с издателями за гонорары. Жизнь вел двойную: Фет писал стихи, обедал в веселом дружеском кругу, в который входил практически весь цвет тогдашней литературы; Шеншин служил и не меньше, наверное, чем похвалами Тургенева, гордился выпавкой, хорошей ездой на лошади и замечанием «славно ездит!», которое отпустил по его адресу сам цесаревич. Две части его жизни будто исключали друг друга.

СВАДЬБА С ПРИДАНЫМ

Он уже дослужился до штабс-ротмистра, и следующий чин, ротмистра – он соответствовал в гвардии пехотному майорскому, – должен был пристроить ему долгожданное дворянство. Но в 1856 году Александр II вновь повысил ценз – на сей раз до полковничье-го. Дослужиться до полковника хоть сколько-нибудь скоро у Фета не было никакой надежды. Он взял годовой отпуск и уехал за границу. Побывал в Германии, Италии и Франции, гостил в Париже у Тургенева, с которым много и яростно спорил о современности и поэзии; между близкими друзьями намечался разлад из-за идейных расхождений. В самом деле, общественная жизнь бурлила, дело шло к освобождению крестьян; в литературе появились

новые силы – разночинские, демократические, но Фет не приветствовал этой новизны: он и в литературе склонялся к идеалам «чистого искусства», а к носителям новых идей относился побарски презрительно, как к дурно воспитанным высокочкам. Да и сами их идеи не принимал, видя

необходимость не столько в освобождении народа, сколько в воспитании его и попечении о нем. Все это снискало Фету славу закоснелого консерватора и крепостника, которая год от года крепла по мере того, как сам он отходил все дальше от своих бывших литературных соратников. В возможности жить литературой он снова разочаровался, армейская карьера пошла прахом. И если у поэта Фета не было представлений о том, как жить дальше, то помещик Шеншин знал: надо жениться на богатой невесте.

И такая невеста в его окружении была: Мария Петровна Боткина, младшая сестра его давнего литературного знакомца Василия Боткина, дочь известного чаеторговца. У невесты в прошлом была какая-то любовная драма, у Фета тоже; она была одинока, он тоже. И однажды, когда они «взапуски жаловались на тяжесть нравственного одиночества», он просто предложил ей идти по жизни вместе. Она согласилась. До свадьбы Фет прислал невесте письмо, где открывал тайну своего рождения; ее, женщину разумную и спокойную, это не смущило. Фет взял бессрочный отпуск, стал обустраивать квартиру для будущей семьи. В 1857 году в Париже он обвенчался с Марией Петровной в посольской церкви. В воспоминаниях он рассказывает, как Тургенев, бывший его шафером, подшучивал над ним, когда на молодых надели венцы из искусственных цветов, резко контрастирующие с военной формой жениха.

В 1858 году Фет вышел в отставку и вновь задумался о том, как ему следует распорядиться своей жизнью.

МУЗУ ПРОГНАЛ ВЗАШЕЮ

На рубеже 1850–1860-х годов ему, равнодушному к политике и экономике, пришлось определяться со своей общественной позицией и идейной программой. Общественная жизнь после смерти Николая I забурлила; в воздухе носилось предчувствие перемен, журнальные страницы стали не столько приютом муз, сколько ареной идеологических побоищ. Литературные отделы еще печатали дворянскую литературу – романы и усадебную лирику, а в критические отделы уже пришли разночинцы со своими программами. Ужиться с ними Фет не мог и не хотел – да и они считали, что талант свой он разменивает на пустяки. В 1859 году Фет опубликовал в «Русском слове» статью о Тютчеве, где отчаянно защищал «чистое искусство». «Современник» отозвался критической статьей Д. Михайловского о фетовском переводе трагедии Шекспира «Юлий Цезарь». Статья была так оскорбительна и насмешлива, что публиковаться в «Современнике» отныне было невозможно. Затем Добролюбов еще раз припечатал его в статье «Когда же придет настоящий день?», а «Русское слово», тоже сменившее ориентацию на демократическую, перестало с прежней охотой брать его стихи. И Фет с глубокой обидой ушел из литературы.

ПРЕДСТАВЛЕННО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Мария Петровна
Боткина, жена
А.А. Фета

У него появилась новая идея: купить землю – все равно где, все равно какую – и зажить на ней. Купил на приданое жены землю в Мценском уезде в тридорога (голую землю – ни леса, ни реки, ни дома, ни хозяйственных строений) и рьяно взялся за хозяйство. Вкладываться в деревню на грани реформы было делом рискованным и неразумным, но Фет мечтал вести жизнь помещика-землевладельца. «Музу прогнал взашею», – сообщал побывавший у него Тургенев Полонскому, университетскому другу Фета. И еще: «Он теперь сделался агрономом-хозяином до отчаянности, – отпустил бороду до чресл – с какими-то волосяными вихрами за и под ушами – о литературе слышать не хочет и журналы ругает с энтузиазмом». Зиму Фет с женой провел в Москве, где сдружился с семейством Льва Толстого; летом уехал в деревню. Тургенев заезжал по-соседски к нему, тот к Тургеневу, вместе охотились, вместе работали над переводами... В воспоминаниях Фета есть забавная сцена, где он обсуждает с Тургеневым свой перевод «Антония и Клеопатры»: Тургенева до того рассмешил предложенный Фетом вариант, что он со страшным воплем упал на четвереньки; дамы, прибежавшие на крик, «не знали, что и думать».

Реформу 1861 года Фет не принял. Годом позже выступил в «Русском вестнике» у реакционера Каткова с циклом статей, где выговаривал властям за то, что они не защищают интересы помещиков. Статью вся либеральная печать встретила бурным недоверием; Фет стал среди бывших друзей почти нерукопожатным. Его собрание сочинений, вышедшее в следующем году, критики встретили бесцеремонной бранью.

Фет замкнулся в своей Степановке и предался заботам о конном заводе, мельнице и пр.

В 1867 году его выбрали мировым судьей Мценского уезда, и эту должность он тщательно исправлял более десяти лет. В своих воспоминаниях он подробно рассказал об этой работе, и, читая эти страницы, совершенно невозможно поверить, что та же рука, которая некогда начертала «шепот, робкое дыханье, трели соловья», теперь выводила нечто этакое: «Выгнать явного обманщика на работу судья не имеет права, а при постановлении, в силу которого присутствие по крест. делам (какая процедура!) определяет подлежащее у крестьян продаже, – чем большая в условии поставлена неустойка, тем несбыточнее взыскание по исполнительному листу судьи. В нашем уезде был случай указания уезд-

ным по крестьянским делам присутствием на двух поросят, подлежащих аукционной продаже, каковые и были проданы приставом за 40 коп., по исполнительному листу в 1200 рублей неуплаченного оброка». Хозяйствовал и судил Фет так же обстоятельно и старательно, как служил; хозяйство пошло на лад и стало приносить прибыль. Дома было безрадостно: сходила с ума любимая сестра Надежда, затем наследственное безумие поразило обоих братьев; позднее сошел с ума и умер племянник, сын Надежды. Сам Фет переживал приступы энергичной деятельности, которые сменялись периодами смертной тоски – тоже от звука семейного проклятия. Друзья иногда напоминали, что и сам он не в себе: Тургенев так и написал однажды, что у Фета «мозг с пятнышком». Чернышевский и вовсе отозвался о нем однажды как об идиоте, хотя и талантливом.

Стихи писать он перестал – появлялись одно-два стихотворения за год; вместо этого занялся философией и стал поклонником Шопенгауэра, которого тоже взялся переводить на русский язык. С литераторами не общался, ограничившись кругом соседей, уездных дворян. Столбовой дворянин по воспитанию и убеждениям, разnochинец по статусу и иностранец по фамилии – он все

равно отличался от окружающих помещиков; заветная мечта вернуть себе имя

и дворянство заставила его в 1873 году обратиться к императору

Александру II с просьбой вер-

нуть ему фамилию Шеншин.

У него не было никаких документальных доказательств версии, которую он изложил в прошении (отец женился на матери лютеранским браком еще в Дармштадте, до его рождения, но был вынужден вторично венчаться с ней в России). Однако

царь проникся описанием его нравственных страданий и со словами «воображаю, что пережил этот человек» вернул просителю

фамилию Шеншин, дворянство и права на наследство. Радость Фета была непередаваема. Он охотно сбросил с себя немецкую фамилию, символ его позора и страдания, и отныне подписывал ею только стихи. Бывшие друзья этого не поняли и не приняли: зачем становиться каким-то Шеншином, когда вся Россия знает тебя как Фета. Дружба с Тургеневым кончилась в 1874 году резким разрывом. Один Лев Толстой принимал Фета всерьез и поддерживал дружбу и переписку с ним. Впрочем, и с ним Фет впоследствии разошелся после толстовского духовного перелома. С Тургеневым в старости помирисился, но прежней дружеской близости между ними уже не было.

Я.П. Полонский,
Н.Н. Страхов
и А.А. Фет
в имении Фета
Воробьевка
Курской
губернии.
Лето 1890 года

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

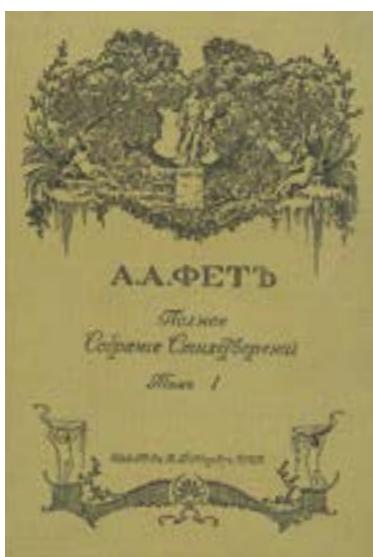
ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ВЕЧЕРНИЕ ОГНИ

Был ли Фет хорошим помещиком – трудно сейчас судить. Известно, однако, что он стремился не допустить в своем уезде повального голода и начал помогать голодющим раньше, чем тем же занялся Лев Толстой. Хлеб с лебедой, который ели крестьяне, поразил его: «При виде такого хлеба я подумал, что, прежде чем судить людей, надо при малейшей к тому возможности накормить их, хотя бы только в пределах своего участка, помогая наиболее нуждающимся». Два десятилетия упорного хозяйствования принесли свои плоды; к тому же Фету досталось наследство от нескольких родственников. Он разбогател, необходимость безотлучно пребывать в деревне отпала. В 1877 году Афанасий Афанасьевич купил новое имение, Воробьевку, – оно вернуло ему и радость, и досуг, и условия для стихотворчества. На зиму Фет с женой снова уезжали в Москву, а значит, снова появился литературный круг, возможность печататься. И здесь с 57-летним Фетом произошло чудо, которое иногда случается с немолодыми писателями, – чудо позднего творческого цветения. Стихи, как и в юности, снова пришли – уже не одно-два в год, а двадцать-тридцать удачных, законченных стихотворений, по-молодому поэтически мощных, с незабываемыми «золотыми ресницами звезд», и по-взрослому зрелых, продуманных, мудрых.

Он издал подряд несколько сборников, каждый из которых назывался «Вечерние огни», – с такими признанными шедеврами, как «Сияла ночь. Луной был полон сад...». Лаконичные и прекрасные, они запоминаются чуть не с первого прочтения и поддерживают своим философским спокойствием:

А.А. Фет
в своем имении
Воробьевка.
Лето 1890 года.
Фотография
С.Д. Боткина

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Обложка
полного собрания
сочинений
А.А. Фета.
Издательство
«Товарищество
А.Ф. Маркс».
1912 год

*Когда сквозная паутина
Разносит нити ясных дней,
И под окном у селянина
Далекий благовест слышней,
Мы не грустим, пугаясь снова
Дыханья близкого зимы,
А голос лета прожитого
Яснее понимаем мы.*

Он собрал, обработал и издал свои переводы иностранных классиков; его литературное имя вновь засияло прежним светом; его признали и полюбили.

А сам он чуть не больше всех иных щедр жизни и наград ценил дружбу с великим князем Константином Константиновичем (поэтом К.Р.) и камергерский чин, полученный им к 50-летию литературной деятельности. Его барство, его выстраданное дворянство, его верноподданнические стихи к концу его жизни казались окружающим уже нестерпимым анахронизмом, неприемлемым для уважаемого человека поведением; Шеншин душил Фета, Фет не сопротивлялся.

В старости он сильно болел – его мучила одышка, болели веки, ему трудно было видеть. Он нанял секретаршу, чтобы помогала в работе. Перед самой смертью он отоспал жену за шампанским, а секретарше продиктовал: «Не понимаю сознательного приумножения неизбежных страданий. Добровольно иду к неизбежному», – и схватился за стилет, которым разрезал страницы книг и журналов. Секретарша отняла стилет, тогда старик Фет побежал к буфету за столовым ножом, но упал на стул и умер от разрыва сердца.

Такая же жесткая, своеальная и трудная смерть, как и жизнь, – но здесь, кажется, Фет с его вечно разрывающимся от тоски сердцем победил сухого решительного Шеншина.

Всю жизнь он казался знакомым таким Шеншином – лишенным всякой сентиментальности, страдания, заботы о других, способным говорить разве что о порубках и потравах или делах о краже поросят. Как жил в этой негнущейся душе живой и тонкий лирик Фет – не поймешь; сам он говорил о жизни и искусстве как о совершенно различных сферах: жизнь бессмысленна, скучна и тосклива, и лишь чистое искусство дает передышку от ее непрестанного страдания.

Стоик и атеист, не верящий в вечность, он добывает ее сам. Он останавливает время на лету – и любовно вглядывается в каждый штрих, каждую краску на полотне бытия: здесь все значимо, все прекрасно, все несет счастье быть, видеть и дышать:

*Только в мире и есть, что тенистый
Дремлющих кленов шатер.
Только в мире и есть, что лучистый
Детски задумчивый взор.
Только в мире и есть, что душистый
Милой головки убор.
Только в мире и есть этот чистый
Влево бегущий пробор. ♪*

«НЕТ, НЕ БЫЛО И НЕ БУДЕТ ТАКОЙ...»

ХРАМОВОЕ ИСКУССТВО РУСИ И РОССИИ

АВТОР

АЛЕКСАНДР КОПИРОВСКИЙ

В ПИСЦОВОЙ КНИГЕ МОСКОВСКОГО ДЬЯКА
АНДРЕЯ ПЛЕЩЕЕВА ПОД 1582–1583 ГОДАМИ
ДАЕТСЯ ПЕРЕЧЕНЬ ПОГОСТОВ (ПОСЕЛЕНИЙ)
НА РУССКОМ СЕВЕРЕ, В ЗАОНЕЖЬЕ. В ИХ ЧИСЛЕ
И «ПОГОСТ СПАССКИЙ В КИЖАХ НА ОНЕГЕ»
ОЗЕРЕ. А НА ПОГОСТЕ ЦЕРКОВЬ ПРЕОБРАЖЕНИЕ
СПАСОВО, А ДРУГАЯ ЦЕРКОВЬ ПОКРОВ СВЯТИИ
БОГОРОДИЦЫ».

БЕОРНОГО / БОРИС БОСАРЕВ

САМ ПОГОСТ ВМЕСТЕ с этими церквями существовал здесь еще в XV столетии. Обе они были деревянными и потому, как часто, увы, случалось, горели, а потом восстанавливались. Но однажды возрождение их на пепелище привело к рождению рукотворного чуда – одного из чудес России. И не только ее. В 1990 году карельский погост со скромным названием Кизхи («киж» – мох, растущий на дне местных водоемов), в котором находятся названные выше храмы и деревянная же колокольня, был включен в Список всемирного наследия ЮНЕСКО. Это всего 936 природных и культурных объектов мирового значения. Жемчужина погоста – 22-главая церковь во имя Преображения

Господня. Слова, ставшие называнием нашего очерка, по преданию, сказаны именно о ней. Срубивший ее мастер с этими словами будто бы забросил свой топор в озеро. Это, конечно, красивая сказка, вроде той, что рассказывают о соборе Василия Блаженного – про ослепление его зодчих. Впрочем, и тот, и другой храм действительно уникальны. Но если московский храм – впечатляющий символ земной и небесной «державы», огромный, причудливый и странный, то при взгляде на кижский захватывает дух от его цельности, стройности, легкости, какого-то необъяснимого созвучия с ним, полного внутреннего согласия с его на самом деле не такими уж простыми формами.

Храм поднялся здесь в 1714 году. Дата удивляет: ведь это время активного насаждения Петром I западных новшеств, его попыток уйти от древнерусского наследия, во всех смыслах «в Европу прорубить окно». А церковь Преображения, напротив, не прорыв к новой архитектуре, даже не синтез «старого» и «нового», а итог многовековой традиции, ее лебединая песнь. Это, как написал известный архитектор начала XX века М.В. Красовский, «шедевр, который смело можно назвать венцом деревянного зодчества». Почему же так произошло?

Связывать фантастически выразительный облик храма со стремлением России утвердиться на берегах Балтики в разгар Северной войны (1700–1721), как иногда делают, – значит не оценить в нем самого главного. А именно: способности потрясти воображение не сложностью конструкций, воздвигенных и правда без единого гвоздя (кроме «лемеха» – деревянных чешуек, прибитых к главкам), но гармоничностью сочетания этих конструкций. И помимо того – единением храма, при всей его исключительности, с другими постройками погоста, со строгой северной природой, наконец, с человеческой душой. Местные мастера труди-

лись, как писал академик Игорь Грабарь, «не подчиняясь никаким символам и руководствуясь, по-видимому, одной идеей создать храм Божий, необычный по величию и виду...». С символами все не так просто, о них мы поговорим ниже. Но то, что знаменитый храм в Кижах удивляет и покоряет действительно не головной символикой, не внешней пышностью, не официозным и, в то же время, не простонародным представлением о духовности, а непостижимым явлением самой этой духовности, – очевидный факт. Однако вначале, пусть в самом общем виде, нужно сказать о тех храмах, которые ему предшествовали.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ

Храм в Кижах, при всей своей уникальности, не так уж одинок в семье русских деревянных церквей. Его «прадедом» можно назвать ни много, ни мало 13-главый деревянный собор Святой Софии Новгородской, построенный в конце X века и сгоревший в 1045 году. «Многоглавие – не новшество, а возврат к старине». Это слова упомянутого выше архитектора Михаила Красовского, издавшего в 1916 году внушительный том «Деревянное зодчество». Кроме того, он считал, что в новгородском соборе расположение куполов было таким: 1 (центральная глава) + 8 (малые главы вокруг нее, ниже) + 3 (главки на притворах, еще ниже) + 1 (главка над алтарем, самая низкая). То есть близким к кижскому храму. Это, конечно, гипотеза, но гипотеза специалиста, а не беспочвенная фантазия.

Своего рода «пред-предшественниками» церкви Преображения в Кижах представляются, как это ни покажется странным, и некоторые каменные башнеобразные храмы конца XII и начала XIII века: например, в Смоленске – Святого Михаила-архангела, она же «Свирская», и Чернигове – Святой Параскевы Пятницы. Отдельные их элементы – ступенчатые подпружные арки сводов (закомары),

сменяющиеся выше кокошниками, – во многом предвосхищают восхождение деревянных «бочек» (покрытие, напоминающее в разрезе луковицу) на кижском храме. Отличие лишь в том, что «бочки» в Кижах увенчаны главками.

Такая деталь архитектуры Преображенской церкви в Кижах, как 8 малых главок, окружающих большую, центральную, уже существует в более ранних деревянных церквях: Пророка Илии в Чухчерьме (1657) и Покрова (с 1915 г., ранее – Сретения) в Заостровье под Архангельском (1688). Стоит отметить и церковь Успения, построенную в 1674 году в селе Варзуга Мурманской области. Она без боковых куполов и тем не менее похожа на Преображенскую – стремительным движением бочкообразных крыш, которые поднимаются с четырех сторон ступеньками к главному куполу. На них могло быть 12 куполов (правда, верхние оказались бы очень маленькими).

Церковь Покрова (Сретения)
в Заостровье

Восстановленная церковь Покрова в Анхимове

А вот церковь Покрова в селе Анхимово, в нескольких километрах от Вытегры, 1708 года постройки и по времени, и, главное, по формам относилась к числу прямых предшественниц кижского шедевра. После ремонта в конце XVIII века она стала 18-главой, а до него было,

как считается, 25 глав. Однако нельзя не заметить, что основной объем Покровского храма смотрится по сравнению с кижским несколько шире, тяжелее. Кроме того, маловата относительно этого объема верхняя глава. Все эти недочеты артель, которая, как предполагает современная исследовательница храма В.А. Гущина, через несколько лет перешла трудиться в Кижи, исправила при возведении там Преображенской церкви.

Кажется, все о ее предшественнице? Нет, придется сказать о ней еще несколько слов. «Относилась», «была»... Прошедшее время здесь неслучайно, и оно имеет горький оттенок некролога. Увы, этот замечательный храм сгорел в 1963 году. Некоторым слабым утешением всем нам пусть послужит известие о его воссоздании в 2006 году на территории Невского лесопарка под Санкт-Петербургом по обмерам выдающегося архитектора-реставратора Александра Викторовича Ополовникова.

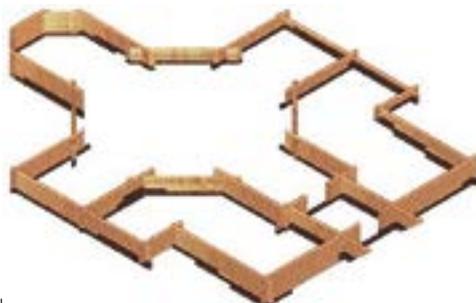

«КРУГЛА ПО СТАРИНЕ О ДВАДЦАТИ СТЕНАХ»

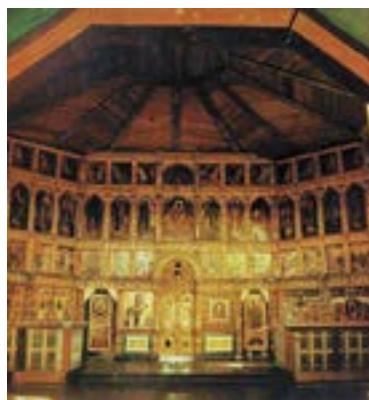
Теперь пришла очередь поговорить подробно о самой Преображенской церкви. В ней используется не только ряд эффектных элементов, найденных деревянным церковным зодчеством XVII века. Ее структура уходит в гораздо более глубокое прошлое. Во всяком случае, в конце XV века храм такого типа считался очень древним, хорошо известным и «любым» (то есть нравящимся). В отличие от крещатых храмов (то есть имеющих в плане четко выраженный внешний крест), которые считались непривычными, новыми, северянам радовала глаз только «круглая» (мы бы сказали – центрическая) их форма. При этом храм был, как неоднократно отмечалось в древних текстах, «о двадцати стенах». Попытаемся разобраться в его конструкции.

Преображенский храм состоит из трех поставленных друг на друга «восьмериков», то есть восьмигранных, восьмистенных срубов. Нижняя часть храма, самая большая, окружена вплотную приставленными к ней и направленными по сторонам света прямоугольными объемами, они так и называются – «прирубы». Количество внешних и внутренних стен нижнего восьмерика и прирубов дает в сумме искомые 20. Каждый прируб покрыт двумя бочками с главкой на каждой из бочек. Получается, что снизу храм опоясан кольцом из 8 главок, но не сплошным, а разделенным проемами – свободными от прирубов гранями восьмерика, поэтому кольцо состоит из 4 вертикальных пар главок. Границ первого восьмерика, в свою очередь, завершаются бочками, на которых тоже стоят купола-главки. Во втором ярусе храма создается таким образом второе кольцо из 8 главок, на сей раз сплошное. В нем каждая вторая главка продолжает восходящий ряд, начатый главками на прирубе. В результате храм, состоящий из 3 разновеликих восьмигранных объемов, превращается в единый шатер с

4 гранями из главок. Эти грани направлены ко второму, значительно меньшему, чем нижний, восьмерику, стоящему на мощных потолочных балках. Сам этот восьмерик увенчан еще одним, самым маленьким восьмериком, с 5 главами – 4 маленькими и одной большой, стоящей над ними и над всем храмом, что и завершает образ шатра, придает храму окончательный вид. Впрочем, есть еще одна главка внизу – она продолжает восточную грань шатра долу и стоит над алтарной апсидой, приставленной к восточному прирубу.

План
Преображенской
церкви

Интерьер
Преображенской
церкви в Кижах

избежать схематичности в его облике, сделало его еще более живым и загадочным. А теперь проведем небольшой эксперимент: мысленно уберем 8 сдвоенных главок нижнего яруса и 4 маленькие главки вокруг центральной. Получится та же структура, что в Ильинской и Сретенской-Заостровской церквях. Но не менее важно то, что она полностью «отражена» в... стоящей рядом Покровской церкви 1764 года – и у нее 8 малых глав вокруг центральной. Это, конечно, не случайно. Здесь тоже «рифма», только уже храма с храмом, «многоглавия с многоглавием», и тоже не прямолинейная. Вот она, сложность и виртуозность замечательных местных зодчих или, как говорили об этом в Древней Руси, – их «хитрость»...

Один из исследователей деревянного зодчества, П.Н. Максимов, назвавший Преображенский храм в Кижах «самой замысловатой из русских деревянных церквей», отметил, что его фасады обработаны удивительно просто. Да и план его очень прост – это крест, образованный стенами. Форма креста смягчается косыми гранями основного объема (между прирубами), а в западной части храма полностью скрывается двумя папертями и крыльцом. Именно простота основной структуры и развитие объема храма прежде всего ввысь позволяют, с одной стороны, сохранить его древнюю традиционную форму, а с другой – украсить его снаружи так, как никогда ранее. Внутри же церковь совсем невысока: взгляд, направленный «горе», наталкивается на подвесной потолок, расписанный фигурами ангелов и ярким орнаментом, который в северной традиции именуется «небом». Такой контраст между внешним и внутренним видом храма (который впервые ярко проявился в соборе Василия Блаженного) в XVII, а тем более в XVIII веке становится в деревянном храмовом зодчестве, увы, обычным явлением. А теперь – о символах.

КУПОЛ И ШАТЕР

Дерево – цветений сплав.
Сочен, коренист –
Силуэт любой из глав
церкви – вечный лист:
иль зеленый, словно лес,
заржавелый ли –
лист – застывший соков всплеск
солнца и земли.

Александр Величанский, 1982–1983

Обычно купола храмов XVI–XVII веков сравнивают с «луковицей». А более поздние, испытавшие влияние западноевропейских форм, с откровенной насмешкой иногда именуют «репой»... В стихах, приведенных выше, таким «сельскохозяйственным» аналогиям места нет. В них силуэт церковного купола независимо от времени и места его создания уподоблен деревенскому листу, соединившему в себе землю и солнце. Поэтому такой лист – «вечный». Здесь земле не уделяется основного места, как это происходит, например, в ярких и искренних стихах Роберта Рождественского, посвященных именно кижскому храму Преображения. У него этот храм мистически прорастает из упавшего в землю «зерна» – поколений живших на этом месте карельских мужиков. Росток, пробившийся сквозь камни и окрепший, становится неким таинственным деревом, уходящим корнями в землю, а его «спелые плоды» и есть купола. О том, что любой купол – это прежде всего «небо», а еще точнее – «небо небес», тогда, в начале 70-х, говорить было не принято.

Но посмотрим на наш храм еще раз. Если купол один – сравнение с небом напрашивается независимо от его формы. А если их 22.. Даже «мистическая» арифметика, легко подбирающая под числовые значения то или иное духовное объяснение (вроде того, что 5 глав символизируют Христа и четырех евангелистов и т.п.), здесь бессильна. И если говорить о символике кижских куполов, с некоторой печалью приходится признать, что «плоды» – совсем не худший вариант. Можно, конечно,

сравнить это многоглавие с пламенем многих свечей, как бы с большим подсвечником. Но ведь и это – натурализм, от высшего, «третьего» или «седьмого» неба, где пребывает Сам Бог, очень и очень далекий.

Увы, купола древнерусских храмов почти на век раньше времени строительства Преображенского храма превратились из духовного символа в элемент священной декорации. Почему? Символическое значение купола раньше обусловливалось во многом не только его формой, повторявшей небесный свод, но и тем, что эта форма была видна как снаружи, так и внутри храма. Иначе говоря, купол показывал, что «небо» – божественный мир, прежде недоступный,

Каков же тогда Преображенский храм? Купольный ли он, если его купола – лишь символы самих себя в прошлом? Кажется, ясно, что купольный – даже многокупольный, многоглавый! Этую его особенность часто объясняют запретом, наложенным патриархом Никоном на шатровое строительство с целью возрождения традиционного купольного зодчества. Но, во-первых, не исключено, что здесь – некоторое недоразумение. Как показала одна из ведущих современных специалистов в области искусствоведения, И.Л. Бусева-Давыдова, запрет касался, по всей видимости, только строительства в окрестностях Нового Иерусалима. В нем, тоже по приказу Никона, возводился громадный шатер храма Воскресения – свободной копии храма Гроба Господня и Воскресения в Иерусалиме древнем, и другие шатры рядом с ним могли бы ослабить впечатление. А во-вторых, шатры продолжали существовать, пусть и не прямо – например, в виде колоколен. Или как в Преображенском храме, где многочисленные купола не скрывают, а, наоборот, создают его общий шатровый силуэт.

Это уже не просто виртуозность, а сверхвиртуозность: посредством куполов создать шатровую церковь! То и другое соединено в ней настолько органично, что хочется еще раз повторить вслед за легендарным мастером Нестором: «Нет, не было и не будет такой...» Но это опять признание совершенства земного. Древние храмы почти никогда не ставились как нечто исключительное, непревзойденное – кроме разве что храма Святой Софии в Константинополе. И значит, признание того, что совершенство достигнуто, неизбежно приводит к пугающему вопросу: что дальше? На этот вопрос отвечает еще одно стихотворение Александра Величанского. Отвечает трагическими образами «умерших» храмов, вне зависимости от их

Преображение
Господне
с праздниками.
Храмовая
икона церкви
Преображения.
XVII век

с приходом Христа открылся для человека. Об этом, кстати, говорит и событие, в честь которого построен храм, – Преображение Господне. Кроме того, купол стоял на цилиндрическом основании (его сейчас фамильярно называют «барабаном» – из-за внешнего сходства), которое было главным источником света, проходившим через его узкие окна вниз, – солнечного и вместе с тем как бы большего, чем солнечный. В деревянном же храме (впрочем, и в очень многих каменных в это время) такой цилиндр – глухой, без окон. Значит, закрыты изнутри и купола. Тогда для усиления выразительности ничего не остается, кроме умножения их количества...

ФОТО: КОНСТАНТИН МИХАЙЛОВ

форм, и в то же время – надеждой на то, любой храм никогда не будет только «архитектурой». Храмы-то набухли пустотой без блага – мертвые, как буквы из Слова Живаго.

Или живы линии тайной жизнью слов – полевые лилии главок, куполов?
1982–1983

Добавим, «полевые лилии» здесь – скрытая цитата из Евангелия, слова Христа: «Посмотрите на полевые лилии... говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них» (Мф 6:28–29). Значит, отождествление куполов с лилиями – не очередной «распитительный» эпитет по отношению к куполам, а утверждение того, что их «слава» – тоже выше земной славы царя Соломона.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

Вопрос «что дальше?» стоит и по отношению к существованию самого этого, пятого, по нашему счету, чуда России. За три века (напомним, в 2014 году у храма Преображения – 300-летний юбилей) значительная часть дерева, из которого он состоит, пришла в негодность, по просту говоря – сгнила. Страна победившего социализма, несмотря на все старания органов охраны памятников, не смогла вовремя и качественно провести реставрацию. В 1982–1984 годах, чтобы храм не рухнул, его, по выражению одной журналистки, «выпотрошили»: срезали все внутренние перегородки и подвесили стены и крышу на металлическом каркасе. Так что храм теперь «пуст» во всех смыслах...

Полной замене в нем подлежит не менее 25 процентов бревен. И все это время идут споры о методе реставрации: перебирать стены по бревнышку, не разбирая сам храм, или, наоборот, – раскатать его полностью, произвести все замены сразу и собрать заново. Побеждает, слава богу, первое. К юбилею реставраторы обещают все закончить. Хочется надеяться, что на этом в судьбе Преображенского храма самый мрачный период завершится. Только бы не забыть, что этот храм (как и любые другие) требует помимо своевременного технического обслуживания еще и внутреннего трепетного к нему отношения. Страшно подумать о возможном туристическом буме: о вереницах теплоходов, которые помчатся к возрожденным Кижам, о тысячных толпах посетителей, о могучей инфраструктуре для их обслуживания, о разрушительном духе коммерции, который неизбежно исказит саму атмосферу тихого некогда острова. И даже если в обоих храмах будет, со всеми необходимыми предосторожностями, совершаться богослужение, они все равно могут оказаться лишь частью этой инфраструктуры...

ВЕЧНЫЙ СТРАННИК

АВТОР

АННА ГАМАЛОВА

НЕ ТАК УЖ МНОГО НА СВЕТЕ ПИСАТЕЛЕЙ,
КОТОРЫЕ СДЕЛАЛИ СЕБЕ ИМЯ В ОДНОЙ КУЛЬТУРЕ,
НА ОДНОМ ЯЗЫКЕ, А ЗАТЕМ В ДРУГОЙ И НА ДРУГОМ.
ЧУТЬ НЕ ЕДИНСТВЕННЫМ ТАКИМ ПРИМЕРОМ
ОСТАЕТСЯ НАБОКОВ. Но то же самое удалось
и еще одному нашему соотечественнику –
будущему еврейскому драматургу
и американскому гражданину Осипу Дымову.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Белосток.
Начало XX века

мов» – по имени одного из самых симпатичных и печальных чеховских героев – мужа «попрыгуньи».

Следующие несколько лет многое перевернули в жизни молодого писателя. В 1901 году в Лесной институт поступил его младший брат, Яков Перельман, который в том же году опубликовал в журнале «Природа и люди» свой очерк «Столетие астероидов»; уже в ближайшие годы он стал одним из самых заметных научно-популярных писателей, причем некоторые свои статьи он подписывал псевдонимом «Недымов». В 1902 году сошел с ума и умер Яков Эрлих; в 1903 году умерла мать Перельмана. В том же 1903 году Осип Дымов впервые взялся за драматургию: он написал пьесу «Голос крови», и ее поставил Малый театр, где некоторое время работал Александр Кугель. «Премьера первой пьесы Дымова прошла неудачно, – пишет Василий Щедрин, – спектакль не был даже доигран до конца. Дымов объяснял это тем, что публика не поняла примененного им новаторского приема – последний акт пьесы почти целиком по-

НА САМОМ ДЕЛЕ ЕГО звали Иосиф Перельман. Отец его, служащий Исидор Перельман, был прусским подданным, мать, учительница, имела русское подданство. Семья жила в Белостоке – польском городе, население которого на три четверти состояло из евреев. Отец умер, когда Иосифу было четыре года, и мать осталась вдовой с пятью детьми: Германом, Иосифом, Яковом, Анной и Соней. Семья была любящая и интеллигентная; говорили в ней по-немецки. Русский язык детям все равно пришлось освоить – но не только потому, что Польша тогда входила в состав Российской империи; русский был еще и языком великой литературы, интерес к которой в Иосифе пробудил его учитель – студент по фамилии Рубинштейн.

В «Дневнике» Иосиф Исидорович вспоминал, что сочинять он начал очень рано. Лет в шесть рассказывал старшему брату, Герману, и сестре Анне небылицы; брат пообещал ему писательское будущее, а сестра пожаловалась маме, и фантазера поставили в угол.

Еще во время учебы в Белостокском реальном училище 14-летний Иосиф отправил свое первое произведение, «Рассказ капитана», в петербургский журнал «Вокруг света». «Рассказ» был опубликован, и по этому поводу в реальном училище даже

собрали педагогический совет, который, к счастью для юного автора, не нашел в деле никакого криминала. Отлично окончив училище, Иосиф Перельман год провел в Белостоке, зарабатывая частными уроками, а в 1897 году поехал в Петербург, где поступил в Лесной институт (в нем были не такие жесткие процентные ограничения по приему евреев). Будучи студентом, получил российское гражданство. В Петербурге, как пишет биограф Дымова Василий Щедрин, Перельман поселился у своего дяди Якова Эрлиха, который был всего на четыре года старше его. Имя Якова Эрлиха знакомо знатокам Серебряного века: студент историко-филологического факультета Петербургского университета, он дружил с легендарным символистом Александром Добролюбовым, вел переписку о публикации его стихов с Брюсовым, входил в литературные и музыкальные круги столицы. Помимо интереса к литературе Эрлих занимался в консерватории теорией музыки. Скорей всего, именно в доме Эрлиха Иосиф Перельман познакомился с Александром Кугелем, редактором журнала «Театр и искусство». В этом журнале он два года работал секретарем и публиковался наряду с Маминым-Сибиряком, Дорошевичем и именитым тогда Потапенко. Для публикаций Перельман избрал себе псевдоним «Осип Ды-

Корней
Иванович
Чуковский (1882–
1969), имя при
рождении –
Николай
Васильевич
Корнейчуков,
русский
и советский
поэт, публицист,
критик,
переводчик
и литературовед,
детский
писатель.
Одесса, около
1904 года

ПРЕДСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ЗАБЫТЫЕ ИМЕНА ОСИП ДЫМОВ

вторял первый». В дальнейшем переработанный вариант этой пьесы (без последнего акта) под новым названием, «Каин», шел в других русских театрах с большим успехом.

Пожалуй, в эти годы самыми большими литературными авторитетами для молодого писателя были Метерлинк и Чехов; под их влиянием написан его первый и самый знаменитый сборник рассказов, «Солнцеворот» (1905), в котором критики разглядели «символизм», «импрессионизм» и «тягу к мистицизму». И в самом деле, много внимания Дымов уделял мимолетным переживаниям, оттенкам настроения. Критики и публика в целом доброжелательно приняли новую книгу.

Время было горячее, революционное; страна бурлила, по ней прокатывались волны еврейских погромов, манифестаций, забастовок. Может быть, именно в это время русский писатель Осип Дымов стал осознавать, что он еврей. В «Солнцеворот» включен небольшой рассказ «Погром», навеянный еврейскими погромами на западных окраинах империи. После Манифеста 17 октября 1905 года, разрешившего свободу печати, в России появилось несметное количество сатирических журналов. Один из них, «Сигнал» (после запрещения – «Сигналы»), издавался при финансовой помощи певца Леонида Собинова и редактировался приехавшим из Одессы молодым Корнеем Чуковским. Дымов стал сотрудничать в «Сигналах», приобрел славу хорошего юмориста. Чуковский, который был не только издателем, но и литературным критиком, отозвался о его работе так: «Его маленький, но изящный юмор в большую, но не изящную эпоху сатирических журналов 1905–1906 годов сделал из него лучшего юмориста, создавшего несколько таких шедевров сатиры, которые со временем непременно попадут в хрестоматию»... Правда, дальше злой Чуковский заме-

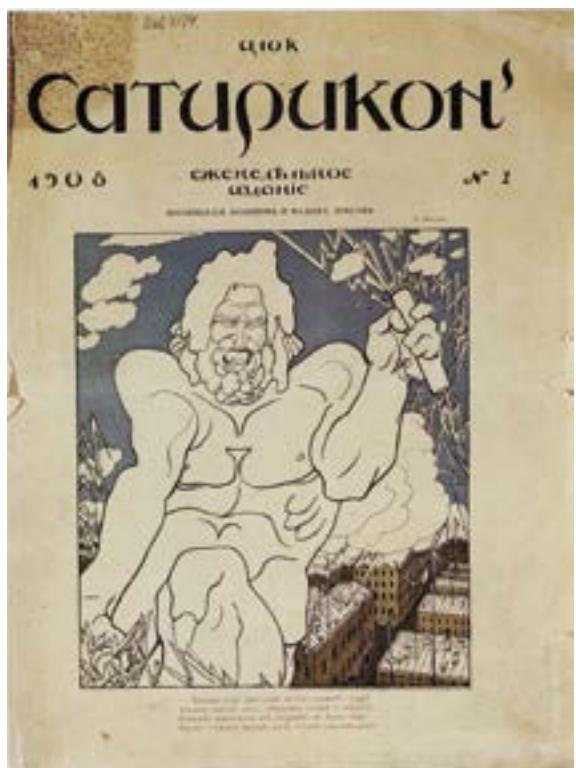
тил, что шедевры эти были бы еще лучше, если бы Дымов не стремился так приспособиться ко вкусам читателей: «мистицизму на три строки, и юмору на пять»; у него «коротенькие мысли, коротенькие чувства»;

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Я.И. Перельман.
1908 год

Обложка журнала
«Сатирикон» (№1,
1908). Художник –
Лев Бакст

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

он «умеет кокетничать с читателем»; «умеет претворять всякое – и ужасное, и радостное, и громадное, и маленькое явление в жизни в нечто очень приятное, очень коротенькое и милое до чрезвычайности»... Недаром, наверное, «милый» – чуть не ключевое слово в критических отзывах об Осипе Дымове. Любопытно, кстати, что язвительные отзывы не мешали Дымову и Чуковскому оставаться в хороших отношениях; в дневнике Корнея Ивановича есть упоминание, что Дымов приезжал к нему в Куоккалу на блины...

Друг одесской юности Чуковского, Владимир Жаботинский, много беседовал с Дымовым о его литературном будущем, говоря, что быть русским писателем – хорошо, но кто же будет работать для своего народа.

Отчасти ответом на эти разговоры стала новая пьеса Дымова – «драма из еврейской жизни», как он сам охарактеризовал ее. Драмы из еврейской жизни на фоне погромов и тянувшегося во Франции «дела Дрейфуса» стали неизбежной принадлежностью театральной сцены в период между двумя революциями. Однако Дымов, скорей всего, обратился к еврейской тематике не столько потому, что она стала актуальна, сколько под впечатлением от известий о погроме в родном Белостоке. Драма называлась «Шма Израэль» – «Слушай, Израиль!» и рассказывала о том, как живет еврейская семья после погрома. В ней Дымов показал на премьере одной семьи чуть не все возможные бедствия и конфликты, поговорил на все возможные темы – от сионизма до вынужденного крещения. Вынужденное крещение вообще было его большой темой, он к ней возвращался много раз, даже в своих мемуарах. Небольшой отрывок из них опубликован, и читать его больно и странно и евреям, и православным: подневольное крещение – издевательство над верой и тех, и других.

Пьесу «Слушай, Израиль!» довольно благожелательно приняла и публика, и критика. А вот второй сборник рассказов, «Земля цветет», встретили куда более холодно. Влиятельный критик Михаил Гершен-

детным. Герцог парижский Гуго Капет воспользовался этой стороной его характера и провозгласил себя королем. Таким образом началась новая династия – Капетингов»... В остроумии Дымов, пожалуй, сильно

Санкт-Петербургский
Лесной институт

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

зон, который приветствовал «Солнцеворот» и назвал его автора «образцом настоящего художника», об этом сборнике отозвался неприязненно: «Все, что было лучшего в той книге, здесь опошлено, ее наивные неловкости повторены намеренно, ее воздушные намеки стали шаблоном»...

С 1907 года Дымов начал по-немногу писать на идиш для варшавского еженедельника «Роман Цайтунг», но работал в основном на русском языке. Его пьесы ставили в Берлине и Вене, он сотрудничал с лучшими литературными журналами России – «Весами», «Золотым руном» и другими. В 1908 году начал выходить журнал «Сатирикон», и Осип Дымов с его не-навязчивым юмором оказался совершенно своим и уместным среди его сотрудников. До наших дней дошла и несколько раз перепечатывалась «Всеобщая история, обработанная Сатириконом» (написана в 1909 году). Дымову в ней принадлежит фрагмент о Средневековье, исполненный вот в таком духе: «Людовик Ленивый был настолько ленив, что умер без-

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

уступает Тэффи с ее блестательными историями из жизни древних греков и римлян.

Новую драму, «Вечный странник», Осип Дымов написал в 1912 году. Ее темой стала бесприютность еврейского народа, сюжетом – выселение евреев из приграничной полосы в Галиции. Спектакль поставили весной 1913 года в Петербурге, и встречен он был с энтузиазмом – и русской публикой, и еврейской. Пьесу перевели на идиш и иврит, ее несколько раз ставили еврейские театры в черте оседлости в России и за ее пределами. Вскоре собранная Дымовым театральная труппа отправилась с «Вечным стран-

Реклама книги
Я.И. Перельмана
«Занимательная
физика».
1913 год

ником» на гастроли по стране. И тут в польской Лодзи состоялась судьбоносная встреча: Дымова приметил американский антрепренер Борис Томашевский, который подыскивал в Европе таланты для еврейских театров в США. Он предложил Дымову поехать со спектаклем в Америку, и Дымов согласился. Так братья Перельман расстались, еще не предполагая, что это навсегда и что странствие в самом деле окажется вечным. Яков Перельман к этому времени уже окончил Лесной институт и работал в журнале «Природа и люди». В поворотном для обоих братьев 1913 году он опубликовал первую часть своей знаменитой «Занимательной физики», которая навсегда прославила его имя.

Америка – не столько даже Америка, сколько Нью-Йорк с его небоскребами и скоростями – сразу очаровала Дымова. Он был преисполнен надежд, и они поначалу оправдывались: его «Вечный странник» имел большой успех. Первую свою пьесу на американской земле («Певец своей печали») он написал по-русски, и театры Америки и Восточной Европы ставили ее в переводах на идиш, иврит, немецкий и польский.

1914 год, одаривший Дымова американской славой, поставил крест на возможности скоро вернуться на родину: началась война. Дымов не собирался навсегда оставлять Россию и продолжал печататься в «Биржевых ведомостях» (скажем, в 1916 году опубликовал страшный рассказ «Голос войны»). Короткая цитата дает о нем некоторое представление: «Человек стоял на коленях перед раздувшимся трупом и кричал собачьим голосом. Пальцы его были зажаты мертвыми зубами повешенного. В расстоянии десяти шагов, высунув языки, уселись в круг два десятка собак и вyllи, подняв морды». Завойной пришла революция, закрылись газеты, оборвалось сотрудничество, возникли перебои с почтой. И возвращаться в

это опасное время тоже вряд ли стоило – тем более что в Америке дела шли хорошо. Одну за другой Дымов писал новые пьесы – уже на идиш; учился понимать здешнюю публику, особенности американского театра, привыкал к новой жизни на других языках. Легко восприимчивый ко всему новому, он быстро освоился и точно вписался в свою нишу. Комедия «Бронкс экспресс», написанная в 1919 году, принесла ему шумный успех. В ней шла речь о работающем и глубоко верующем еврее, который мечтал разбогатеть – и разбогател, но пожертвовал ради богатства и своей семьи, и своей верой. Сначала пьесу поставил еврейский театр, затем, в переводе на английский, – театр «Астор» на Бродвее. Что удивительно – пьеса не сходит со сцены до сих пор и считается одной из лучших еврейских пьес «Эпохи джаза».

В это время Яков Перельман, оставшийся на родине, создал и начал редактировать свой научно-популярный журнал «В мастерской природы». Братья переписывались, но о возвращении Дымова из Америки речь пока не шла – напротив, в 1926 году он получил американское гражданство. Хотя наверняка он задумывался о возвращении. Ленинградская «Красная газета» иногда печатала его статьи об американском театре.

Возможность вернуться представилась ему в 1920–1930-х годах, когда он работал в Германии. В 1927 году его пригласил туда Макс Рейнхардт, владелец сети театров в Германии, где готовились к постановке несколько пьес Дымова. В Германии Осип Дымов начал работать для кино: написал вместе с немецкими коллегами сценарий к фильму «Распутин, демон женщин».

На его глазах зарождался и набирал силы фашизм, умирала старая Европа, и он с тоской смотрел на крушение мира, в котором родился и к которому

Михаил Чехов
в спектакле по
пьесе Осипа
Дымова «Юзик».
Берлин, 1929 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

принадлежал. Он иногда общался с бывшими согражданами, жителями России, которые были в командировках и на гастролях в Америке или Европе, присматривался, задумывался, где осесть окончательно. Европа, стремительно теряющая культуру и человечность, уже не

Обложка книги
Я.И. Перельмана
«Межпланетные
путешествия»

манила к себе. СССР, где быстро оформлялся сталинизм, тоже не привлекал. Давний коллега по журналу «Театр и искусство» Анатолий Луначарский звал обратно в Россию – Василий Щедрин цитирует его письмо 1927 года по «Дневнику» Осипа Дымова: «Пора вернуться домой. Вас встретят в Москве, как подобает большому русскому писателю». Однако в 1932 году, когда фашисты пришли к власти, а Рейнхардт лишился своей театральной империи, Дымов уехал из Германии обратно в Америку.

Яков Перельман тем временем тоже стал мировой знаменитостью: его научно-популярные книги переводились на другие языки, он основал в Ленинграде Дом занимательной науки, вошел в Группу изучения реактивного движения и разрабатывал проект первой советской противоградовой ракеты (идея управления погодой с помощью научных достижений тогда была чрезвычайно актуальна). С 1932 года переписка между братьями прервалась. Жизнь каждого из них текла по своему руслу, они расходились все дальше. Осип Дымов, вернувшись в Америку, написал пьесу «Трагедия моего народа», где речь шла о гонениях, которым евреи подвергаются в Германии.

Нью-Йорк,
один из театров
на Бродвее.
Около 1920 года

А затем – несколько комедий, поставленных в еврейских театрах, и пьес для радио. Еврейские театры переживали тяжелый кризис, и к началу Второй мировой войны Дымов уже ничего не писал для них, он вернулся к журналистике, писал сценарии к фильмам, занялся литературной критикой и мемуарами. Два их тома под названием «Что я помню» вышли на идиш в самый разгар Второй мировой, когда Дымов постоянно возвращался мыслями в Россию. Там в осажденном Ленинграде оставалась часть семьи. Осип Дымов даже не сразу узнал, что брат его умер от голода весной 1942 года, пережив на два месяца свою жену, что умерла сестра, что погиб племянник... В родном Белостоке фашисты уничтожили все еврейское население: меньшую часть расстреляли, большую вывезли и уничтожили в Освенциме, Майданеке и Треблинке. Может быть, тема Холокоста оказалась больше, чем мог выразить камерный, изящный, склонный к вычурности талант Дымова, – он, несколько десят-

ков лет писавший о еврейском изгнаничестве, еврейской трагедии, с этой трагедией не справился.

А может быть, дело в другом. Окончив мемуары, Дымов перенес тяжелую операцию и через несколько недель после нее потерял память. Врачи

объясняли это осложнением после наркоза. Он не узнавал близких и не говорил. Амнезия долго не отступала – несколько тяжелых лет писателю пришлось заново обретать бытовые навыки, себя, свое прошлое и настоящее, своего Бога. К концу 40-х годов память вернулась. Однако годы борьбы с амнезией дались Дымову тяжело – в попытках восстановить прошлое он начал записывать всплывающие в памяти фрагменты, из которых позднее сложился его «Дневник» – записи о встречах им людях, знаменитых и незнаменитых, но дорогих ему.

В последние годы жизни (он умер в Нью-Йорке в 1959 году) Дымов увлекся скульптурой, и она довольно хорошо ему удавалась – состоялось даже несколько выставок. Он вообще был щедро одарен: Чуковский вспоминал его редкостный талант рассказчика; Дымов прекрасно рисовал; ему легко давались языки; ему везло на встречи с удивительными людьми. Воспоминания Осипа Дымова, за исключением нескольких фрагментов, до сих пор не выходили на русском языке, хотя содержат множество живых подробностей о культурной и литературной жизни дореволюционной России. Однако журнал «Лехаим» недавно сообщил, что двухтомник Осипа Дымова, включающий переписку и мемуары, готовится к выходу в русском переводе В. Хазана. Среди героев воспоминаний – замечательные люди, с которыми Дымов встречался: Айседора Дункан, Альберт Эйнштейн, Герман Гессе, Леонид Андреев, Алексей Толстой, Стефан Цвейг, Франк Ведекинд, Корней Чуковский, Михаил Чехов... Так что есть надежда, что вскоре можно будет взглянуть на великих людей и великие события XX века печальными черными глазами Осипа Дымова, бывшего прусского подданного, русского писателя, американского драматурга и еврейского классика.

СТАРШИЙ РАЗВЕДЧИК

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

«ОЛЕГ ИВАНОВИЧ – НЕЗАУРЯДНЫЙ ЧЕЛОВЕК И ЗАСЛУЖИВАЕТ ГЛУБОКОГО УВАЖЕНИЯ И БЛАГОДАРНОСТИ ВСЕХ НАС, РУССКИХ ЛЮДЕЙ, ЗА БОЛЬШОЕ РУССКОЕ ДЕЛО, КОТОРОМУ ОН СЕБЯ ПОСВЯТИЛ». ЭТИ СЛОВА ПРИНАДЛЕЖАТ МЛАДШЕЙ ДОЧЕРИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО – ГРАФИНЕ АЛЕКСАНДРЕ ЛЬВОВНЕ.

У ВЕЛИКОГО ПИСАТЕЛЯ было 13 детей, и «потомок Толстого» – это еще не верительная грамота, не гарантия правоты. Однако что касается именно Александры Толстой, тут можно быть уверенным: графиня жизнь знала и похвалами не разбрасывалась. Сестра милосердия на фронтах Первой мировой войны с тремя знаками отличия ордена Святого Георгия и производством в офицеры; узница Лубянской тюрьмы и лагеря в Новоспасском монастыре; создательница Толстовского фонда в США... Однако ж разговор не о графине Толстой, а о том человеке, которого она характеризовала столь возвышенно.

Фамилия Олега Ивановича – Пантюхов. Он родился в марте 1882 года в Киеве. Отец – военный врач и антрополог, мать, урожденная баронесса фон Кнорринг, само собой, домохозяйка. Дворяне средней руки с прекрасным образованием, скромным достатком, хорошей репутацией и большой семьей. У Олега было четыре старших брата. Жили дружно, весело и интеллигентно.

Удивительно, но, когда речь заходит о русском интеллигенте, многим представляются эдакие нигилисты а-ля Базаров или никчемные квартиранты богемы, погруженные в процесс самосозерцания. Разумеется, в обществе второй половины XIX и в начале XX века в России водилось всякое. Иван Иванович Пантюхов наряду с образованием, позволявшим ему размышлять о жизни отстраненно, посвящал себя общественно полезному служению и поступки поверял по Моисеевым скрижалям. Так и сыновей воспитывал, не противопоставляя знание и веру. Может быть, еще и потому, что в семье крайне серьезно относились к преданию, связанному с працедом Олега – Густавом фон Кноррингом. Этот шведский лютеранин служил офицером в лейб-Московских драгунах. Женился на православной, но рождавшихся детей крестил,

понятно, в веру своих предков. Дети в семье рождались и... умирали в младенчестве. Когда появился на свет еще один сын, Николай, супруга умоляла Густава Адольфовича крестить ребенка по православному канону. И тот остался жить.

Семья Пантиуховых из Киева переехала в Одессу, оттуда – в Петербург, из столицы – в Тифлис. Не прелесть приключений манила. Служба заставляла. Но привычка к легкости в перемещении мест возникла в детях естественным образом. Что наряду с хорошим домашним воспитанием и религиозностью составило ту основу, которая привела потом Олега Ивановича к главному делу жизни.

Первые походы он совершил, когда ему не было и 10 лет. А разменявши второй десяток лет, мальчик оказался в кадетском корпусе на казенном коште. Там же, в Тифлисе.

Пантиухов-младший оказался прирожденным лидером. Когда жизнь в корпусе вошла в нормальную колею, выяснилось, что другие кадеты охотно признают вожаком умевшего посторонять за себя, но при этом отменно знающего поэзию и природу, романтичного, заводного Олега. Когда он предложил создать в корпусе «Пушкинский кружок», товарищи откликнулись с охотой. Меньше всего этот кружок походил на формальные посиделки в актовом зале с монотонным чтением стихов Алексан-

Бойскауты
перед походом.
Фотография
Я. Штейнберга

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Бойскауты
в походе.
Отдача
приказания.
Фотоэтюд
Е.К. Сапаровой.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

книге «Юный разведчик» (такое название использовано в русском переводе. – Прим. авт.) британским офицером, героем Англо-бурской войны Баден-Пауэллом.

Завершалась учеба в Тифлисском кадетском корпусе. «Пушкинский кружок» отметил его 70-верстным походом по маршруту Сурам – Кутаис – Боржом. В ущельях и на горных тропах оказалось непросто. Но отряд Олега Пантиухова с задачей справился, а его выпускной, седьмой класс получил название «Пушкинский». Дело-то было в 1899 году, Россия отмечала 100-летие великого поэта.

Теперь предстояла военная стезя. В 1901 году Пантиухов оканчивает Павловское военное училище в Петербурге и выходит офицером в лейб-гвардии 1-й Стрелковый Его Величества батальон. Часть квартирует в Царском Селе. В 1908 году молодой офицер женится на Нине Доброльской и в том же году знаком-

дра Сергеевича. Хотя и стихи читали вовсю. Но не в зале – в походах по прекрасным и суровым окрестностям Тифлиса. Интуитивно Олег Пантиухов предложил «однокорытникам» программу, которая во многом дублировала предложения, спустя десяток лет изложенные в

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О.И. Пантиухов –
фельдфебель
роты
Его Величества.
1901 год

Тифлис.
Кадетский
корпус

Кадетский Корпус - Серафимовский

Тифлис - Tiflis

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О.И. Пантюхов

мится со статьей известного публициста Михаила Меньшикова о книге Scouting for boys, написанной Баден-Пауэллом. Ассоциации возникли мгновенно: вспомнились походы и костры времен Тифлисского кадетского корпуса, разговоры о чести, вере, совести, России, клятвы верности...

На следующий год мысль развить в России идеи, опубликованные британцем, окрепла окончательно. 30 апреля 1909 года штабс-капитан Пантюхов проводит первый предметный разговор с царскосельскими мальчишками прямо на улице. Настроение было приподнятое, в день батальонного праздника казалось, что все получится.

И – получилось!

В России сформировался первый скаутский отряд – «Бобер». Сохранились фамилии первых шести «бобров»: Боровков, Иванов, Ильин, Кирилин, Малафеев, Перминов... Через несколько месяцев Пантюхов встретился в Петербурге с отцом-основателем мирового скаутского движения Баден-Пауэллом, известным сре-

Бойскауты
в походе.
На разведку.
Фотоэтюд
Е.К. Сапаровой.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ди скаутов всех поколений как Би-Пи. Британец, кстати, оказался в России не просто так: его пригласил император Николай II. Государь, как и гвардейский офицер Пантюхов, рассмотрел в идеях Би-Пи большую воспитательную перспективу. Британец отбыл, а Пантюхов, в составе полка охранявший резиденцию императора в Царском Селе, использовал «служебное положение» – предложил Николаю II готовую программу действий. И получил одобрение. Власть, государь в том числе, искала новые формы воспитания молодежи и детей – оказались болезненные события 1905–1907 годов.

После нескольких командировок Олега Ивановича в Европу, где его познакомили с работой скаутских отрядов Англии и Дании, офицер зарегистрировал в России устав Всероссийского об-

щества содействия мальчикам-разведчикам «Русский скаут». Справедливости ради надо сказать, что создать организацию национального масштаба – «Всероссийский союз юных разведчиков» – правительство не разрешило. Самого Пантюхова с этого момента стали вполне официально называть Старшим скаутом. Заметьте, не скаутмастером, как это принято в США и Европе. Олег Иванович не мыслил себя учителем-ментором, он чувствовал себя именно старшим товарищем, Старшим разведчиком. И вел себя соответственно. Много позже, когда Пантюхов был уже в весьма преклонном возрасте, знавшие его отмечали, что этот дух здорового мальчишества, это ощущение товарищества, братства, рыцарства присутствовало в пожилом и прожившем непростую жизнь русском полковнике.

В 1915 году появились отряды девочек-разведчиц – герлскатаутов. Большую работу в «женском филиале» вела жена Олега Ивановича – Нина Михайловна. К слову, супруга собственноручно сшила скаутам первый флаг и начертила первую эмблему, которую до сих пор называют «Мальчик под деревом». Легенда гласит, что прообразом этого мальчика послужил наследник русского престола царевич Алексей, обладатель жетона «Августейший скаут», врученного ему Пантюховым.

К февралю 1917 года в 140 городах страны насчитывалось

Дневник юного
разведчика.
Издание
1915 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

более 50 тысяч скаутов. Но сам Пантиюхов имел к этому уже весьма опосредованное отношение. Кадровый офицер начал войну с первых дней мобилизации Гвардейского корпуса. На Первой мировой полковник Пантиюхов получил и ордена, и контузии. В 1915 году стал георгиевским кавалером, за бой с немцами под местечком Майшагола под Вильно (ныне – Литва). После второй контузии в октябре 1916 года отправился на длительное лечение. Выздоровев, стал командиром школы прапорщиков военного времени. Шел август 1917-го...

Во время Гражданской войны скауты, как и все русское общество, раскололись. Но на территориях, контролировавшихся Добровольческой армией Деникина, белые скауты попробовали объединиться. Их руководители даже получали жалование от правительства Юга России. На Съезде скаутских деятелей весной 1919 года в столице Белого Дона Новочеркасске Олега Ивановича избрали Старшим русским скаутом. Единогласно! Состояние здоровья и обстоятельства вынудили Пантиюхова в 1920 году эмигрировать. Ему повезло – удалось уехать вместе с семьей. Неподалеку от Константинополя, на Принцевых островах, полковник сделал невозможное: организовал скаутский отряд в эмиграции. Вскоре помогло знакомство с мировым лидером скаутства – Би-Пи. Организацию русских скаутов при-

Б. Табурин.
Русские бойскауты.
Салют с посохом.
СПб., изд. Георгиевского
комитета, 1910-е годы

няли во Всемирную скаутскую организацию.

Пантиюхов 32 года прожил в США, а в 1954-м перебрался во Францию. Ушел из жизни в 1973 году, похоронен в Ницце. Незадолго до смерти Олег Иванович написал обращение, которое вполне можно назвать духовным завещанием. Оно короткое: «Помнить Россию... Учиться, трудиться и жить так, чтобы высоко держалось русское имя наших предков и наше Георгиевское знамя. Сторонитесь всяческих разладов. Будьте «один за всех и все за одного». Опора вам – Русская православная церковь... Будь готов! За Россию!» В 1922 году организации русских скаутов в Советской России разгромили окончательно. Многие лидеры были арестованы и оказались на Соловках – в первом советском спецлагере. Начиналось время пионеров, унаследовавших от русских скаутов почти все, вплоть до девиза «Будь готов!». Кроме одного – идеологии. Как бывший пионер поневоле, могу заметить, что мы любили пионерские костры, даже не ведая, что это – скаутская традиция. И походы любили, и спорт, кружки всяческие, и поднятие флага

Бойскауты
в походе.
У костра.
Фотоэтюд
Е.К. Сапаровой.
1910-е годы

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

О.И. Пантиюхов.
Портрет работы
неизвестного
художника.
1950-1960-е
годы

на линейках. Вот только наши «Старшие Пионеры» не рассказывали нам, что придумал все это Старший русский скаут и офицер Русской армии Олег Пантиюхов.

Среди прочих довелось присутствовать в Кремлевском дворце на концерте, посвященном профессиональному празднику полицейских 10 ноября. В приветственной речи президент Медведев говорил о традициях, возникших «еще в советской милиции». Невольно подумалось: а что, не было в стране борьбы с преступностью в досоветское время? Не гибли на постах карательные и приставы? Не изобличали матерых рецидивистов талантливые сыщики?

Долго нам еще, видать, отсчитывать историю Родины от 1917 года. Привычка, знать, такая. Девятнадцатого мая следующего года, уверен, отпразднуем 90-летие пионерской организации имени Спартака-Ленина. А вспомним ли 25 марта 2012 года Олега Ивановича Пантиухова, вспомним ли о 130-летии со дня рождения первого русского Старшего скаута? 🇷🇺

Справка: возрожденное российское скаутское движение насчитывает более 30 тысяч «разведчиков».

ЖИЗНЬ КАК ПЕСНЯ

АВТОР

АЛЛА БЕРЕЗОВСКАЯ

В СВОИ 88 ОНА НАИЗУСТЬ ПОМНИТ ДЕСЯТКИ РУССКИХ РОМАНСОВ, А ТАКЖЕ ИМЕНА И ФАМИЛИИ МНОГИХ СВОИХ ОДНОПОЛЧАН, С КОТОРЫМИ ПРИШЛОСЬ ВМЕСТЕ ПРОЙТИ ТЯЖЕЛЫЕ ИСПЫТАНИЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ. У МАРИИ ИВАНОВНЫ БУЛГАКОВОЙ ДОБРАЯ УЛЫБКА, СВЕТЛЫЕ ПЕЧАЛЬНЫЕ ГЛАЗА И КРАСИВЫЙ ГОЛОС. КОГДА НА ФРОНТЕ БЫВАЛО ОСОБЕННО ТРУДНО, МЕДСЕСТРА МАША НЕ ПЛАКАЛА. ОНА ПЕЛА. ТАК С ПЕСНЕЙ И ПРОШЛА ПО ЖИЗНИ...

АНА СКлоне лет решила написать обо всех людях, которые повстречались ей на жизненном пути. Опубликованы уже четыре книги, но Мария Ивановна не намерена на этом останавливаться. Говорит, таким образом старается оставить память о тех, кого уж нет среди живых. Когда Мария Булгакова прогуливается по Старой Риге, ей частенько слышатся звуки трубы. И мысленно она переносится в далекий 1946-й, когда, переехав в Латвию, молодая девушка поселилась на съемной квартире недалеко от Домской площади. Было ей тогда 22 года...

В мансарде этого дома жила молодая семья – трубач Володя с женой Ниной, танцовщицей. Когда он играл на трубе, звуки музыки разносились чуть ли не по всей Старой Риге. Мария Ивановна говорит, что тогда эти звуки согревали ее, поскольку ни теплой одежды, ни обуви у нее не было. Ведь в Ригу она приехала в гимнастерке, шинели и сапогах – прямо с фронта. Город был тихим и малолюдным. В развалинах стояла церковь Петра, следы разрушений были видны на Ратушной площади, на набережной Даугавы, а Домский собор стоял безмолвный и пустой.

Однажды услышав, как она поет, Володя стал уговаривать ее поступать в Рижское музыкальное училище, сам же взялся за ее подготовку. Для экзамена выбрали романсы Глинки «Не искушай меня без нужды». На экзамен по вокалу Мария пришла в военной форме с наградами – орденом Красной Звезды, медалями «За взятие Кенигсберга» и «За Победу» и орденом Отечественной войны 2-й степени. На нее с удивлением поглядывали и студенты, и преподаватели: откуда, мол, у такого юного хрупкого создания боевые награды?

ВОЕННЫЙ «СУВЕНИР»

...У нее была смешная и редкая даже в ее родном украинском городе Черкассы фамилия – Замниборщ, которую с первого раза далеко не каждому удавалось выговорить. А еще Маша славилась прекрасным голосом, пела в школьном хоре, любила солнце и книги. Не раз переплывала Днепр, отчаянно дралась с мальчишками, играла в футбол. В июне 1941 года она окончила школу и поехала в Киев – поступать в химико-технологический институт. «В Киеве я остановилась у подружки, – вспоминает Мария Ивановна, – а 22 июня в 4 часа утра нас разбудили глухие взрывы. Зазвенели стекла, дом закачался как при землетрясении... В 11 часов по репродуктору прозвучала речь Молотова – началась война. Было ощущение всеобщей огромной беды, от которой нельзя было нигде ни спрятаться, ни убежать. И свет стал другой, как будто наполненный темной тревогой, и солнце по-иному светило. Я поняла, что должна быть вместе со своей страной, должна защищать ее. Иначе – беда!»

В Черкассы она вернулась первым пароходом. Отца дома не застала, он уже ушел на фронт. В тот

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

же день Маша записалась на краткосрочные курсы медсестер, но окончить их не успела – к городу подошел фронт. Вместе с госпиталем она эвакуировалась сначала в Харьков, потом – в Сибирь. Работала в госпитале санитаркой, потом – на военном заводе, с которого ушла на фронт летом 1942 года в составе Сибирской добровольческой дивизии. После двух месяцев подготовки ее направили санинструктором 7-й роты 3-го батальона 62-го полка 150-й Сталинской дивизии добровольцев-сибиряков. В подчинении у Марии были четыре санитарки. Во время бомбёжки под Белым Городком на Калининском фронте еще до начала боя одна девушка погибла, другая была тяжело ранена.

…Шел ноябрь 1942 года. На 16-й день тяжелейших боев от ее роты остались только четыре человека, остальные погибли или получили ранения. «Конечно, было страшно до жути! – признается Мария Ивановна. – Особенно когда прямо над головой пролетали мины, разрывались снаряды. Вот иногда читаю: медсестра вынесла с поля боя десятки раненых. Но это же совершенно невозможно! Какое там вынести, когда голову нельзя оторвать от земли из-за бомбёжек! Тут уж хотя бы кое-как оттащить бойца в укрытие или отползти с ним в воронку и перевязать. А ведь это уже зима, все одеты в бушлаты, ватные штаны. До раны не так-то легко добраться, у нас даже ножниц не было! Хорошо мне ножичек-финку одна женщина в деревне подарила. Но одежду тоже нельзя было сильно разрезать, солдат мог замерзнуть. Ну вот, перевяжешь его, спрячешь в воронке и ползешь к следующему. Вот уж когда мне пригодилась спортивная застежка! Я была длинная, худощавая, но очень крепкая. И если бы не ранение в ногу...».

В госпитале ее успокоили: задеты только мягкие ткани, месяц лечения и – снова в бой. Но Марии становилось все хуже и хуже, а она стеснялась говорить об этом врачам. Кругом было слишком много раненых, ей казалось, им гораздо трудней, чем ей. По ночам она не могла спать из-за боли, то и дело теряла сознание. Однажды ночью укрылась с головой и вдруг услышала шум, как будто где-то рядом поезд идет. Пощупала рукой рану, а там что-то бьется и пульсирует. Стало страшно. Утром лечащий врач по ее просьбе тоже приложила руку к ране и побледнела. Через пять минут палата заполнилась докторами. Все встревоженно переговаривались, стараясь не смотреть девушке в глаза... Только на следующий день главный хи-

рург объяснил ей, что осколок срезал стенку бедренной артерии, под напором крови артерия в этом месте растянулась, и образовался аневризм. В любой момент эта растянувшаяся стенка могла прорваться, что означало неминуемую смерть. Нужна была операция, срочная и рискованная, которая могла закончиться ампутацией.

После операции Маша три дня не могла ни есть, ни пить, ни спать. Врачи всерьез заговорили об ампутации. Но для 18-летней девушки это было бы катастрофой. Главный хирург пять ночей не уходил домой, по несколько раз прибегал к ней в палату. Больная ни на что не реагировала. Вечером третьего дня к ней пришла сестра-хозяйка и стала ласково уговаривать Машу что-нибудь поесть: «Доченька, хочешь, я приготовлю тебе селедочку? С луком, с подсолнечным маслом, как делают у нас на Украине? Хочешь?» И тут она прошептала: «Хочу!» Это были ее первые слова после операции. Маша пошла на поправку...

Осколок, который хирурги тогда вытащить не решились, напомнил о себе через 23 года, когда страшно разболелась и воспалилась нога. В рижской больнице ей его вытащили и отдали на память. Взяв в руку военный «сувенир», Мария Ивановна расплакалась.

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА М. БУЛГАКОВОЙ

На экзамен
по вокалу
Мария Замниборщ
пришла в военной
форме с боевыми
наградами

Военный
«сувенир», едва
не стоивший ей
жизни...

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПЕСНЯ КАК ГЛОТОК ВОДЫ

В госпиталях она провела полгода, в итоге врачи вынесли приговор: к строевой службе не годна. Что ей было делать? Спасла ее тогда только любовь к песне. В госпитале для выздоравливающих в Иваново, где ее лечили, состоялся первый концерт будущей певицы. Здесь лечились в основном бойцы эстонской и латышской красноармейских дивизий. Один из эстонцев ни слова не знал по-русски, зато замечательно играл на скрипке. Нашелся и гитарист. Соседки по палате и медперсонал уговорили Машу устроить представление для раненых. Трио разучило вальс Штрауса из до-военного фильма «Большой вальс»: «Юность, ликуя, стремилась навстречу весне. Как вас люблю я», – в то утро сказали вы мне...» Успех был грандиозный! Их вызывали на бис бесконечное количество раз. Так началась новая жизнь Маши Замниборщ.

Поначалу она выступала с концертной бригадой по госпиталям и военным заводам, но вскоре та-

лантиливую певицу зачислили солисткой в полковой ансамбль, состоящий из хора, оркестра, группы танцоров и театрального коллектива. На первых концертах ведущий программы объявлял: «Поет Марина Замниборщ». Пауза. А потом в зале раздавался такой громкий хохот, что ей хотелось провалиться прямо на сцене. Пришлось придумать сценический псевдоним. Так Маша Замниборщ стала Мариной Украинской.

Выступать приходилось в полевых госпиталях, медсанбатах, блиндажах, а то и под открытым небом в лесу. В день иногда давали по 10–12 концертов. Даже сегодня, в эпоху тотальной «фанеры» на эстраде, в это трудно поверить, но у Марии Ивановны сохранилась записная книжечка за сентябрь–октябрь 1944 года. В один из дней им довелось дать даже 16 концертов!

— А как нас слушали! — рассказывает бывшая солистка полкового ансамбля. — Такой свет в глазах людей был — не передать! Ну как тут будешь думать об усталости или о ноющей раненой ноге? Видя, что со мной что-то не то, бойцы иногда силой усаживали меня на стул — но пой! Что мы пели? В полевых условиях длинные концерты были невозможны, хватало получаса — минут сорока. Выступление всегда начинали песней: «Кто сказал, что надо бросить песни на войне? После боя сердце просит музыки вдвойне». И это была святая правда. Песня на войне была как глоток живой воды. Пели, конечно, и патриотические, и боевые песни, и шуточные, но солдатские сердца больше тосковали по лирическим мотивам. Поэтому в нашем репертуаре была поэтическая песня «Зеленый луг весь в цветах» о любви Ганны и Яся, «Ноченька» Рубинштейна, «Соловушка» Чайковского. Пели даже арии из опер — «Пиковой дамы», «Евгения Онегина». Это было удивительно! Такие изысканные вещи мы пели для замученныхвойной бойцов, иногда где-нибудь на опушке леса, стоя на грузовике или на наскоро сколоченных подмостках...

Фронтовая концертная жизнь осенью 1944 года привела ее в Латвию. В ансамбле срочно создавались мобильные бригады артистов из шести человек: аккордеониста, чтеца, двух певцов и двух танцоров. В таком составе отправлялись на передовую. Марии Ивановне запомнился концерт во дворце Рундале, бывшем владении курляндского герцога Эрнста Иоганна Бирона. Тогда она еще не знала историю великолепного творения Растреля, да и спросить было некогда, но величие старинного замка, не тронутого войной, ее поразило. А когда артисты зашли внутрь, то ахнули. Нет, не от восторга, а от того несметного количества раненых, которые лежали на паркетном полу — и в тронном зале, и в Белом танцевальном. После выступления их уложили спать в бывшем будуаре императрицы Анны Иоанновны. А утром — опять концерт. Запомнилось, что петь здесь было одно наслаждение, голос летел сам собой, без малейших усилий...

С ансамблем
145-го запасного
стрелкового
полка
в Восточной
Пруссии.
Июль 1944 года

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА М. БУЛГАКОВОЙ

Годы спустя Мария Ивановна, уже как экскурсовод, не раз бывала в этом дворце с туристами, и всякий раз перед ее глазами вставала картина из ее военной юности: раненые солдаты на паркетном полу слушают ее пение...

Но с военной Латвией связаны и другие, более тяжелые страницы. Вот как об этом пишет Мария Булгакова в своих воспоминаниях: «Наша Сибирская дивизия, в которой я когда-то служила, прошла длинный боевой путь, завершающий этап которого пришелся на Латвию... На этом длинном

пути много трагичных мест, и одно из них — Лубана, Лубанская низменность. Труднопроходимые леса и болота... В июле 1944-го сибириаки отчаянно дрались, пробиваясь через минные поля, проволочные заграждения, завалы, запруды. Батальон гвардии старшего лейтенанта Богданова получил приказ незаметно пройти по тылам противника в районе поселка Лубана, укрепиться на высотке и ждать подхода наших основных сил. Приказ был выполнен, но наши главные силы не смогли пробиться к ним с ходу. Всю ночь и весь день 6 августа богдановцы отбивали атаку за атакой. Когда кончились боеприпасы, в воздух взлетела красная ракета — сигнал отхода. Все, кто держался на ногах, ушли, прорвав кольцо. На поле боя остались лишь раненые да четыре санитарки, которым долг медика не позволил бросить беспомощных бойцов, хотя раненые умоляли девушек уходить вместе со всеми.

Когда на следующий день наши вернулись за ранеными, их взору предстала страшная картина. Все до единого солдаты были убиты, на их телах вырезаны звезды, выкручены руки, раздроблены кости, выбиты зубы... У санинструктора Ани Сухановой и трех ее санитарок отрезаны груди, выколоты глаза, на голых телах многочисленные ножевые раны... Пир ненависти, дьявольской злобы и бессилия! Кто тешился, упивался страданиями беззащитных? Даже на войне такого быть не должно. Составленный акт об этом преступлении фашизма был приобщен к материалам Нюрнбергского процесса».

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА М. БУЛГАКОВОЙ

Фронтовые
подружки Маша
(слева) и Шура.
Шяуляй, ноябрь
1944 года

Санинструктор
Маша
Замниборщ
после госпиталя.
Осень 1943 года

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА М. БУЛГАКОВОЙ

ПО ГОРОДАМ И ВЕСЯМ

Демобилизовавшись в 1946 году, Мария решила поступать в Рижское музыкальное училище. Из 100 претендентов на отделение вокала зачислили всего 10 человек. Она стояла в толпе нарядно одетых девушек и юношей, прислушиваясь к голосу профессора Екаба Медыня, называвшего имена счастливцев. И вдруг он начал запинаться: «Заними... Замини... Господи, да что же это за фамилия такая? Никак не получается...» «Замниборщ!» – звонко подсказала Маша, впервые от души радуясь своей необычной фамилии.

Окончив с отличием музучилище, Маша пошла учиться в Латвийский университет на филолога, работала преподавателем в техникуме. Вышла замуж за инженера Бориса Булгакова. Семейные заботы, дети, ученики... Но потом ее опять непреодолимо потянула сцена. Она выступала с сольными концертами в Доме учителя, участвовала в конкурсах самодеятельных певцов. Пела старинные романсы в зале консерватории, ее слушали в Москве в переполненном зале Дома учителя, где она исполняла свои любимые «Гадание Кармен» Бизе, «Я не сержусь» Шумана, «Воспоминания» Альфреда Калныня, «Еще ты розы рвешь» Эмиля Дарзиня... А с 1971 года Мария Ивановна Булгакова начала работать экскурсоводом Рижского бюро путешествий и экскурсий. Более двадцати лет она отдала экскурсионному делу, считая это истинным счастьем. Она превратилась в вечную студентку, готовя маршруты за маршрутами, без устали мотаясь по городам и весям. Профессия эта дается далеко не каждому, здесь особенный склад характера нужен и огромная любовь к людям. У кого этого нет, вскоре начинают не навидеть окружающих. Так, однажды на обзорной

Солистки Мария
Украинская
(слева) и Ольга
Зашибина
исполняют для
фронтовиков
дуэт Лизы
и Полины из
«Пиковой дамы»
П. Чайковского.
1944 год

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА М. БУЛГАКОВОЙ

экскурсии в Москве рижанка повстречала такого гида, по одному виду которой сразу определила, что туристов ее московская коллега на дух не выносит. Фразы – тусклые и заученные, улыбка – дежурная. Короче, поняла Мария Ивановна – дошла женщина до точки. Перекинулась с ней несколькими фразами, и тут москвичку прямо прорвало: «Господи, дай мне необитаемый остров, где можно молчать, молчать, молчать! И тишину...»

СТАРАЯ РИГА И МАЛЕНЬКОЕ ЧУДО

А вот Мария Ивановна в профессию экскурсовода просто влюбилась. Когда распалось Рижское бюро путешествий, она много лет индивидуально работала с группами. И не просто работала, а, например, во время речных круизов по Волге или по Лене устраивала для туристов незабываемые вечера старинного русского романса. До недавнего времени, несмотря на ноющую с войны раненную ногу, Мария Ивановна возила группы в соседнюю Литву. Ну уж очень туристы просили именно ее опять быть их гидом.

Как-то раз по просьбе знакомых она провела экскурсию по Старой Риге для одной московской пары. Четыре часа они гуляли по заснеженному городу, за-

ходя в соборы, костелы и музеи. Подружились и разговорились, как будто знали друг друга долгие годы. На прощание Мария Ивановна подарила им свою книгу, изданную в 1997 году и посвященную воспоминаниям о войне. Рассказала, что у нее уже готова следующая. А на другой день ее новый знакомый, который оказался генеральным директором крупного московского завода, позвонил и сказал: «Мария Ивановна, моя жена передает вам привет. Она читает вашу книгу. Ей нравится. Знаете, я, пожалуй, возьмусь за издание вашей второй книги...» И вскоре состоялась презентация ее второй книги, а затем третьей, в прошлом году – четвертой... Вот такая интересная история произошла с Марией Ивановной Булгаковой. И она уверена, что без помощи любимой Старой Риги, где по-прежнему для нее играет тот самый трубач из 1946-го, здесь не обошлось. Кто знает, может, так оно и есть на самом деле? ☺

СИЛЬНЫЕ МАШИНЫ ДЛЯ СИЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

АВТОР

ВАЛЕНТИНА ПЕРЕВЕДЕНЦЕВА

ПО ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ, СОЕДИНЯЮЩЕЙ НИЖНИЙ НОВГОРОД С МОСКОВЬЮ, МИМО ЭТИХ МАШИНОВЕЛИКАНОВ ТО И ДЕЛО ПРОНОСЯТСЯ СКОРЫЕ ПОЕЗДА, ПРОБЕГАЮТ ЭЛЕКТРИЧКИ, ГРОМЫХАЮТ ТОВАРНЯКИ. А ОНИ, ПОСТАВЛЕННЫЕ НА ПУТИ, КОТОРЫЕ УЖЕ НИКУДА НЕ ВЕДУТ, МОЛЧАЛИВО ВСПОМИНАЮТ СВОЮ СЛАВНУЮ ЗАКОПЧЕННУЮ МОЛОДОСТЬ. 15 ПАРОВОЗОВ-СИЛАЧЕЙ У СТАНЦИИ ГОРЬКИЙ-СОРТИРОВОЧНЫЙ МОГУТ МНОГОЕ РАССКАЗАТЬ О ГЕРОИЗМЕ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК СССР, ПОДВИГАХ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ И ЭНТУЗИАЗМЕ ПОСЛЕВОЕННОГО ВРЕМЕНИ.

ЭКСПОЗИЦИЮ «ПАРОВОЗЫ РОССИИ», которую видно из окон электричек и поездов московского направления, можно посетить в любое время, хоть ночью: кованые ворота демонстрационной площадки всегда открыты, а ее огромные экспонаты полностью доступны посетителям. Хочешь – не просто гуляй по мощеным дорожкам вдоль паровозов, а залезай в кабину, пробирайся к тендру и котлу, вставай на место машиниста. И даже охранные рядом нет! Правда, для защиты от вандалов и бомжей окна паровозов закрыты металлическими щитами, а доступ к котлам заварен же-

лезными решетками, но в кабины большинства машин попасть можно без труда. На территории каждый день наводят чистоту, а памятники истории регулярно подкрашивают, обновляют, оторванные детали приваривают на место – за этим следит технический отдел локомотивного депо. Благодаря специальной консервации машинам не страшны ни осенние дожди, ни зимняя стужа. Подобные музеи железнодорожной техники есть в Москве и Санкт-Петербурге, в Переславле-Залесском и Новосибирске. Но нижегородский, пожалуй, самый доступный и демократичный. Рядом – Солдатское озеро и живописный лес, и неудиви-

тельно, что в гости к паровозам часто наведываются дети с родителями, школьники, свадебные кортежи. Жаль только, что нет рядом с этими памятниками железнодорожной техники информационных стендов, ведь за экскурсией, которую охотно проводят сотрудники расположенного неподалеку Музея истории железнодорожного узла Горький-Сортировочный (официально «Паровозы России» считаются одной из его экспозиций), догадываются обратиться далеко не все. И остаются машины-гиганты для большинства посетителей «просто паровозами», хотя каждый по-своему уникален.

СУ253-33,
на котором
однажды
проехалась
даже принцесса
Диана

РАБОТЯЩИЕ «ЭШАКИ»

Вот он возвышается: колеса – выше человеческого роста! Многотонный символ крепущей молодой Советской Республики, герой первых пятилеток – паровоз серии Э. Это он в 1936 году открыл движение на станции Горький-Сортировочный! Вообще, поезда из Нижнего Новгорода в Москву и обратно начинали ходить еще в XIX веке, но когда стал строиться Горьковский автозавод, станция Горький-Московский с возросшим грузопотоком спровоцировала перестало. Необходимую автогиганту и городу Сортировку строили среди болот, а моста через Волгу тогда все не было: зимой рельсы укладывали на шпалы, вагоны лошадьми тянули на ту сторону реки, а в летнее время перевозили паромом – тяжелейший труд. Поэтому параллельно со строительством станции строили мост через Волгу, закончили оба объекта почти одновременно – двойной прорыв!

В первом приписном парке депо было 34 «эшака», как тогда называли паровозы этой серии. Локомотивы этой модификации с различными индексами – Э^у (усиленный), Э^м (модернизированный), Э^р (реконструированный), конечно, представлены сейчас в экспозиции – они помнят времена первых скоростных рекордов. В 1935 году молодой машинист депо Славянск Петр Кривонос как раз на «эшаке» провел тяжелый состав, груженный дощечным углем, со скоростью пассажирского экспресса – это стало сенсацией! Энтузиасты с Сортировочной станции стремились повторить и преумножить его рекорды. Первым поездом, сформированным в депо, управлял Н.Г. Кудрявцев – один из последователей Кривоноса, впоследствии кавалер ордена Ленина, почетный железнодорожник.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Историки сходятся во мнении, что секрет успеха Кривоноса заключался не только в умении правильно сочетать разгон, торможение и инерцию состава. Сама машина признана специалистами лучшим товарным паровозом дореволюционной постройки: его конструкция оказалась настолько удачной, что с небольшими изменениями Э выпускались серийно на протяжении сорока лет. Благодаря ученым, конструкторам, инженерам паровоз со временем стал весьма компактной передвижной паросиловой установкой.

Несмотря на главный недостаток – низкий коэффициент полезного действия, он все же кое в чем выигрывал у тепловозов и электровозов: во-первых, автономен и способен работать на любом топливе, во-вторых, значительно проще по конструкции, что требует меньше построекно-ремонтных затрат. В военное время, когда локомотивы приходилось ремонтировать самим паровозным бригадам в полевых условиях, это было существенно. Паровозы, как и люди, в Великую Отечественную войну совершили немало подвигов.

Неподалеку от экспозиции паровозов – памятник воинам-железнодорожникам, погибшим в годы Великой Отечественной войны (скульптор – нижегородец Иван Лукин)

ТАНК «ИЗ РОМАШКОВА», «УТОПЛЕННИК» И «ТРОФЕЙНЫЙ»

Танк-паровоз Ъвн-9773, миниатюрный и похожий на мультишний «паровозик из Ромашкова», встречает гостей у самого входа в экспозицию. А ведь это не «игрушка», а промышленный танк-паровоз, самый старинный из представленных! Машина, стоящая теперь на вечной стоянке у Нижнего Новгорода, была сделана в первые месяцы XX века на Невском заводе в Петербурге и прослужила людям 69 лет. Танк-паровоз помнит дни блокады Ленинграда: он работал тогда на формировании поездов. В нижегородский музей своим ходом он прийти уже не смог; его доставляли на платформе.

Другого героя войны – ЭУ-684-52 – в шутку называли «утопленником». Локомотив этот был сделан в 1925 году в Луганске и отправлен в депо в Керчь. В начале войны он перевозил войска, продовольствие и боеприпасы, но, когда немцы добрались до Крыма и отрезали полуостров от «большой земли», красноармейцы затопили его вместе с другими паровозами в Керченском проливе. Во-первых, не оставили врагу действующую технику, во-вторых, закрыли чужим подводным лодкам путь через пролив. Герой ЭУ встретил Победу на морском дне: он пролежал в воде четыре года. А затем был поднят, отремонтирован и водил поезда на Приднепровской железной дороге еще тридцать лет. Тупорылый ТЭ-622, сделанный в Германии, тоже память о войне. Его первая буква в названии означает «трофейный»: известно, что в России и Западной Европе разная ширина железнодорожной колеи, а при отступлении было сделано все, чтобы врагам не достались наши паровозы. Немцам пришлось срочно строить свои паровозы для дорог СССР. ТЭ – один из них. А паровоз СО17-2956 был одним из тех, что в 1945 году доставил советскую делегацию в освобожденный Берлин для участия в Потсдамской конференции.

Легендарная
«лебедянка»**ПАРОВОЗ ДЛЯ ТРУЖЕНИКА
И ДЛЯ ПРИНЦЕССЫ**

В архиве Музея истории железнодорожного узла хранится «Альбом о паровозах и паровозниках», изданный всего в нескольких экземплярах локомотивным депо Горький-Сортировочный в 2000 году. Он хранит воспоминания многих тружеников паровозных бригад. Николай Алексеевич Мигунов, 1924 года рождения, в послевоенные годы работавший кочегаром, вспоминает: «Мы, вчерашние солдаты, сменив винтовки на ломы и лопаты, вступили в новую битву с разрухой и голодом. Физические нагрузки были очень тяжелыми, за поездку сжигали в топке в среднем 25–30 тонн угля. На лопате, которую мы подолгу не выпускали из рук, было до 15 килограммов угля. На ходу паровоз тряслось, леденящие сквозняки, загазованность, без освещения: лампочек не было. В столовой постоянное блюдо – суп с туолькой. В обратном депо, не умываясь, не раздеваясь, валялись на грязных топчанах... Кочегаров часто не хватало, и приходилось ездить по две и даже по три поездки подряд, без смены – от усталости падали в обморок. В депо был один умывальник, и то лишь с холодной водой. Графика работы не было, действовала вызывная система: в любое время суток могли вызвать на работу. Часто приходилось долго просиживать в ожидании своего паровоза. Паровозные бригады отдыхали где придется, в любом свободном углу помещения». Быт складывался не легче: первое время железнодорожники жили в деревянных бараках на 25–30 семей без удобств. Печи отапливались дровами, и к утру холод в домах был такой, что замерзала вода, хранившаяся в ведрах. В межсезонье к домам можно было подойти только по трапам из-за скапливающейся воды. «Возвращались домой в той же спецовке, в которой работали, часто измазанные в мазуте, и порой не узнавали, кто идет: на темном от

сажи лице сверкали лишь одни зубы», – вспоминает Мигунов. Машинисты в те послевоенные годы имели всего 4–5 классов образования, но при этом отлично знали свое дело, особенности каждого перегона. «Большая сноровка требовалась, чтобы в определенных местах не допустить оттяжки или разрыва поезда. Первое время у половины вагонов было винтовое сцепление, а некоторые переходы имели коварный ломаный профиль пути. Маленькая неточность – и обрыв вагонной стяжки. На эту физически тяжелую работу шли в основном люди, поставившие перед собой цель стать машинистом, а чтобы им стать, нужно было и послесарить, и поработать кочегаром, и наездить помощником машиниста на паровозе 50 тысяч километров. На это уходило лет по пять, а иногда и десять!» – вспоминает Николай Алексеевич, который из кочегара дорос до старшего машиниста. Эту должность для самых опытных машинистов ввели в 1937 году – никакими маршрутами и другими документами

Экспозиция «Паровозы России» была открыта в 1996 году, с тех пор и по сей день доступ к 15 паровозам-памятникам абсолютно свободный

невозможно определить, сколько на самом деле времени отдавали старшие машинисты прикрепленному паровозу. Каждый относился к своему железному коню как к кормильцу. Знали: порадеешь за машину, будешь с ней ласков, и тогда она не подведет тебя.

В музее сейчас можно прикоснуться к тем машинам: паровоз СО («Серго Орджоникидзе»), который был быстрее «эшаков» и перевозил нефтепродукты и другие необходимые грузы, и С^у («Сормовский усиленный» – пассажирский паровоз, построенный в послевоенные годы на местном заводе «Красное Сормово» и потому, на правах земляка, стоящий в центре экспозиции). А с С^у253-33 связана еще и романтическая история совсем недавнего времени: в 1995 году именно этот локомотив вел ретропоезд из Тулы в Москву, в котором путешествовала принцесса Диана. Почетная гостья из любопытства решилась проехать не просто в вагоне, а в кабине паровоза. Весной 1953 года сбылась мечта паровозников: в депо при-

были новые паровозы серии Л («лебедянки», названные так в честь инженера-конструктора Лебедянского). Они серьезно облегчили физические нагрузки бригад. Наступило время поездов-тяжеловесов и новых рекордов: веса составов росли с каждым днем, и первоначальные нормы в 2200–2400 тонн стали казаться смешными. В конце 1953 года уже и 3000 тонн были не пределом. Вслед за «лебедянками» вскоре на станцию пришли и локомотивы ЛВ – скоростные паровозы, развивавшие скорость до 150 километров в час. А среди пассажирских паровозов лучшим в то время был П-36, в экспозиции он выделяется своим зеленым цветом. Дело в том, что раньше по технической характеристике грузовые паровозы были только черными, а пассажирские всегда окрашивались в зеленый цвет. Но как ни быстры были новые машины, а время и прогресс бежали вперед еще быстрее: в 1961 году в депо из Москвы был пригнан первый тепловоз. В истории железных дорог началась совсем другая эра.

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

сказывает почетный железнодорожник, бывший машинист Шитов. – В самом деле, когда их видишь своими глазами, а не на картинке, чувствуешь что-то такое... Без этого чувства человек настоящим машинистом не станет!»

Как рассказывает смотритель Музея истории железнодорожного узла Валентина Степановна Ивкина, большинство из этих машин пришло на Сортировку своим ходом. Некоторые из них даже сейчас способны потащить за собой состав, пыхтя и выпуская клубы пара из-под огромных колес. В прошлом году такой «поезд Победы» прошел с делегацией ветеранов, гудком паровоза открывались торжественные митинги на станциях – их на пути следования было 25. Хотя готовить паровозы к работе все труднее: ремонтной базы нет, некоторые детали приходится вытачивать в цехе заново. Но даже не на ходу, холодные, неподвижные, вызывают эти паровозы по сей день трепет и восхищение: сильные машины для сильных людей. ■

БЕЗ ЭТОГО МАШИНИСТОМ НЕ СТАНЕШЬ!

Наверное, никогда железнодорожная техника не делала таких рывков вперед, как в 60-м году XX века. Смена поколений паровозов, в сущности, была медленной и незаметной. А тут за несколько лет ушли в прошлое все паровозные локомотивы. Нет спору: на тепловозе и электровозе работать легче. Однако к радости ветеранов-локомотивников примешивалось и чувство сожаления: неужели никогда не уви-

дим больше пыхтящих, огнедышащих, могучих машин, целое столетие воплощавших прогресс человечества?

Когда в 1993 году Омари Шарадзе, в то время начальник Горьковской железной дороги, побывав в небольшом музее паровозов под Санкт-Петербургом, предложил так же достойно сохранить образцы старой техники на своей магистрали, нижегородские ветераны-железнодорожники его поддержали. «Взаимопонимание было полным, – рас-

Танк-паровоз
ТВН-9773 –
любимый
экспонат
детей

БОЛЬШАЯ СЕМЬЯ НАТАЛЬИ ЯКУНИНОЙ

АВТОР

МИХАИЛ БЫКОВ

ФОТОГРАФИИ

АЛЕКСАНДРА БУРОГО

В НАЧАЛЕ НОЯБРЯ ДОВЕЛОСЬ ЕХАТЬ НА ТАКСИ ПО МОСКОВСКОМУ ПРОСПЕКТУ ПЕТЕРБУРГА. ЗА РУЛЕМ – ПАРЕНЬ ЛЕТ 25. УЛЫБЧИВЫЙ, ВЕЖЛИВЫЙ. РАЗГОВОРЫ С ТАКСИСТАМИ ПОЧТИ ВСЕГДА О ПРОБКАХ И МАШИНАХ. ВОТ И МЫ С НИМ – О ПРОБКАХ. ВДРУГ ВОДИТЕЛЬ ОБРЫВАЕТ ФРАЗУ И КИВАЕТ В СТОРОНУ МЕЛЬКАЮЩИХ В ОКНЕ СТРОЕНИЙ НОВОДЕВИЧЬЕГО МОНАСТЫРЯ. И ГОВОРИТ: «ТУТ НЕДАВНО ТАКОЕ ТВОРИЛОСЬ! ЖЕНЩИН СОБРАЛОСЬ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ФАНАТОВ «ЗЕНИТА» НА «ПЕТРОВСКОМ» НА ЛИГЕ ЧЕМПИОНОВ. СЛЫШАЛ, ЧЬИ-ТО МОЩИ ПРИВЕЗЛИ». УТОЧНЯЮ: «МОЖЕТ БЫТЬ, ПОЯС БОГОРОДИЦЫ С АФОНА?» ВОДИТЕЛЬ СОГЛАШАЕТСЯ: «ТОЧНО!» И ВТОРИТ САМОМУ СЕБЕ: «СТОЛЬКО ЖЕНЩИН СОБРАЛОСЬ! НАВЕРНОЕ, ЭТО ВАЖНО, ДА?» О ТОМ, НАСКОЛЬКО ЭТО ВАЖНО, РАВНО КАК И О ДРУГИХ НЕ МЕНЕЕ ЗНАЧИМЫХ ВЕЩАХ В ЖИЗНИ РУССКИХ ЖЕНЩИН, И ШЛА НАША БЕСЕДА С ПРЕДСЕДАТЕЛЕМ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОЙ ПРОГРАММЫ «СВЯТОСТЬ МАТЕРИНСТВА» ФОНДА СВЯТОГО ВСЕХВАЛЬНОГО АПОСТОЛА АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО И ЦЕНТРА НАЦИОНАЛЬНОЙ СЛАВЫ РОССИИ НАТАЛЬЕЙ ЯКУНИНОЙ.

– Н

АТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА, О ПРИНЕСЕНИИ ЧЕСТНОГО Пояса Пресвятой Богородицы в Россию в октябре–ноябре этого года, о программе «Святость материнства» мы будем говорить долго и подробно. Но прежде, если позволите, вопрос личного характера – о вашей семье и семейном опыте. Это не праздное любопытство. Это попытка понять истоки вашего интереса к проблеме семьи в современной России.

– И супруг, и я – оба родом из Петербурга. С мужем, Владимиром Якуниным, мы познакомились в школе, учились в параллельных классах, начиная с девятого. И с тех пор вместе. Поженились студентами, на четвертом курсе. Вузы, правда, выбрали разные. Я оканчивала Ленинградский институт авиаприборостроения. В то время физики переигрывали лириков. Моя старшая сестра трудилась в этой же сфере. Но довольно скоро стало понятно, что это не моя стезя. Дальнейшее определяло в первую очередь семейная жизнь. У нас с Владимиром Ивановичем двое детей – сыновья. Когда родился первенец, как-то так вышло, совершенно естественным путем, что приоритетом стали помочь мужу в его становлении и воспитание ребенка, через четыре года – двух. Проще говоря, я была занята домом. Это не значит – превратилась в домохозяйку. Условия тогда были трудные, и работать приходилось каждому. Иначе не выжить. Но главным делом, повторюсь, стала семья. Когда старший сын пошел в третий класс, а младший еще только готовился стать школьником, мужа командировали на работу в Нью-Йорк. Мы прожили в Штатах более пяти лет, и я благодарна судьбе, что могла все время отдавать семье, пока взрослели дети.

– О жизни советских специалистов за границей в самом Союзе слагали легенды. И, конечно, завидовали. Было чему?

– Если все сводить к возможности купить джинсы и жевательную резинку, то да, завидовали, что называется, по делу. Но во многом жизнь «там» была очень сложна. Тем более что мы уезжали в 1986 году, когда давление на всех советских резко усилилось. Это носило и сугубо бытовой, повседневный характер. Ведешь сыновей в школу – как на фронт идешь. Из толпы – оскорбительные выкрики. А мальчики спрашивают: «За что? Зачем мы сюда приехали?» В 1990–1991 годах появились новые страхи. Там, дома, разваливалось и развалилось государство, которое нас отправило на работу за рубеж. Все трения на национальной и межгосударственной почве, что носили в России политический характер, в постсоветском нью-йоркском общежитии приобретали порой черты трагикомедии, фарса. Например, некоторые представители независимой Украины демонстративно перестали понимать русский язык. Не только на официальных встречах и протокольных мероприятиях. Всюду. И лишь в магазине дипломатического комплекса им приходилось таки переходить на русский. В советское время определенная идеологическая работа велась и с женами командированных за рубеж. Проводился инструктаж, работал женсовет. Все как полагалось. Но едва началось

размежевание, как некоторые вчерашние приятельницы из бывших республик Союза в одночасье превратились в обвинительниц. Смешно, но в частных разговорах зазвучали пафосные претензии: оказалось вдруг, что Россия веками «утягивала» народы Белоруссии, Украины и т.д. Представляете, каково все это было слушать? Для меня этот период – очень серьезный человеческий урок. Для детей, думаю, тоже. Мы вернулись домой, обрели твердую почву под ногами. Дети выросли, выучились, стали хорошими специалистами, у них появились дети...

– *Можно сказать, вы занимались семьей профессионально?*
 – Пожалуй. Но чем больше я ею занималась, тем четче формировалось понимание значимости семьи в жизни человека. Муж, к слову, не раз говорил, что именно здоровая атмосфера в семье, надежный тыл помогали ему решать профессиональные задачи и проблемы.

– *Мы подошли к вопросу, которым очень многие задаются, особенно мужчины. Большинству мужей хочется, чтобы жена занималась домом, детьми, как это было испокон веку. И в то же время современная жизнь лишает множество семей такой роскоши. Женам тоже приходится зарабатывать на хлеб насущный, иначе не выкрутиться. Есть ли ответ на этот вопрос?*

– Я этот ответ ищу в беседах с моими невестками. Младшая у нас – очень активный человек. Так вышло, что она воспитывала первенца, когда сын работал за границей. Необходимость вести довольно замкнутую жизнь привела к тому, что, едва изменились обстоятельства, невестка энергично вернулась в социум. Мы даже думали, что они ограничатся одним ребенком. Но ошиблись. Спустя пять лет появился внук. Наличие детей – не одного ребенка, а нескольких – натуральным образом стабилизирует ситуацию в семье. Снижает социальную активность женщины, если она в избытке. Отрывается от плиты излишне пассивных и апатичных.

Дети – это естественный регулятор семейной жизни. Банальность, но в многодетной семье при нормальном воспитании старшие дети довольно быстро становятся полноценными помощниками матери. Бытует такой стереотип: не нужно, мол, превращать старших в нянек младших. Но это ведь природный процесс. Зачем же ему противиться? Только таким образом дети обретают чувство ответственности, навыки, коммуникабельность. Весь мой опыт работы с многодетными семьями доказывает это.

– *Наталья Викторовна, семья – это явление многогранное. Так вышло, что в XX веке у нас культивировали семью как ячейку общества, подразумевая, что семья – это простая конструкция: отец, мать, ребенок. Ушло понятие «большая семья».*

– Полностью разделяю эту точку зрения. И стараюсь на примере собственной семьи доказывать преимущество другого подхода. Уверенно могу сказать, что у нас – «большая семья». Этому не мешает тот факт, что мы с детьми жи-

вем в разных городах. Есть дни, когда все в обязательном порядке собираются вместе, не только мы, дети, внуки, но и наши с мужем сестры, их семьи. Мы навещаем друг друга. Стараемся отпуск проводить в расширенном составе. Я убеждена, решение демографической проблемы – это не только арифметическое увеличение числа детей. Это как раз та самая «большая семья», ее возрождение как нормы жизни. Конечно, в современном мегаполисе воссоздать утерянное крайне сложно. Но не только в мегаполисах протекает жизнь русских людей. Думаю, хорошую перспективу имеет государственное решение о выделении земли семьям после рождения третьего ребенка. Большая семья – это большой дом. А собственный дом лучше строить на собственной земле. Отток людей в крупные города из городов малых и из сельской местности, согласно статистике, продолжается. А мегаполис навязывает людям поведенческую модель, которая не предусматривает наличия большого числа детей. Два ребенка – это уже предел. Людьми управляют другие ценности: карьера, успешность, материальные блага, комфортное существование. Но это – мир без будущего. Поэтому что будущее – это дети.

– *Вы упомянули статистику. Сколько многодетных семей сегодня в России?*
 – К сожалению, всего 5,5 процента. Но для того, чтобы сохранить население и увеличить число собственных граждан,

«О том, сколько людей по России придет поклониться афонской святыне, заранее сказать никто не мог. Но статистика из первых двух городов, куда был привезен Пояс Богородицы – Петербурга и Екатеринбурга, – опрокинула все самые смелые прогнозы».

многодетных семей должно быть в десять раз больше – хотя бы 50 процентов. То есть задача – на порядок увеличить количество семей с тремя и более детьми. Оптимизм внушиает то, что не только наша общественная организация озабочена этим вопросом и работает над его решением. Есть и другие. Сейчас нужно объединять усилия. В противном случае мы построим дороги, по которым некому будет ездить.

– *Кто ваши соратники?*
 – Слава богу, проблема беспокоит не только представителей общественных организаций. Есть государственная воля. Есть православная церковь. Есть другие конфессии. Кстати, количество многодетных семей среди воцерковленной части населения на порядок выше, чем среди той, что в церковь ходят только за святой водой или не ходят вообще.

– *Представители светской власти и Отцы Церкви должны заботиться о народе, что называется, по долгу службы. Иное*

дело – те, кто принимает на себя служение в общественных, благотворительных организациях или делает это частным образом. Вы можете обозначить день, когда вдруг осознали: хочу, могу и буду работать благотворительно? Или все было иначе и вы шли к этой деятельности шаг за шагом?

– Скорее, второе. Когда мужа пригласили на работу в Москву, некоторое время семья продолжала жить в Петербурге, а Владимир Иванович «квартировал» в поезде «Красная стрела», которым еженедельно ездил из столицы домой. И вот как-то раз он поделился, что познакомился с людьми из Фонда Андрея Первозванного. Сначала я только слушала его рассказы, позже, перебравшись в Москву, постепенно начала участвовать в акциях фонда, а потом случилось так, что Андрей Юрьевич Коченов из Красноярского филиала нашей организации пришел с задумкой создать программу поддержки материнства. Признаюсь, для меня это было неожиданно, я не чувствовала себя внутри темы, тем более что речь шла о весьма экзотическом проекте. Программа носила конкретный характер, задача – борьба с абортами. Предлагалось взвесить в Красноярске храм Вифлеемских младенцев, увязав библейские мотивы с сугубо современной проблемой.

После того как предложения были скорректированы, возник попечительский совет программы «Святость материнства». Первое заседание прошло в Красноярске. Было это в 2006 году.

– Иными словами, программа «Святость материнства» отмечает пятилетие?

– Да, первый юбилей. Надо лишь отметить, что программа начиналась как региональная. Но теперь она охватывает всю Россию. Вести из Красноярска разнеслись довольно быстро. Сейчас у нас подписаны соглашения о сотрудничестве с 12 регионами. Программа состоит из нескольких проектов: «Ты не одна», «СМИ», «Волонтер», «Конкурсы»…

– Обычная практика большинства благотворительных организаций – проведение разовых акций, когда толковых, ког-

да бессмысленных, но разовых. Ваша программа выстроена иначе: работа ведется непрерывно и в разных местах.

– Даже в самом начале работы, когда деятельность была локализована в Красноярске, мы решили, что эффект будет в том случае, если организуем непрерывный процесс. Первая задача – уберечь от рокового шага женщин, решившихся на аборт. От кого зависит, какое решение примет женщина? В том числе от психолога в женской консультации. Организовали подготовку психологов, при полной поддержке главного гинеколога Красноярска открыли первый кабинет по доabortному консультированию первоначально в одной женской консультации. Появились первые спасенные жизни. По итогам годичной работы власти Красноярска приняли решение об обязательном внедрении психологической помощи во всех женских консультациях города. Планируем перенести этот опыт на всю территорию Красноярского края. Теперь у нас есть весомые аргументы во время разговоров на эту тему с руководителями других регионов и городов. И разговор получается. В Вологде, Рязани, Орловской, Ярославской областях… Вторая проблема: родильные дома. Сейчас в стране запустили процесс строительства перинатальных центров. Современных, отлично оборудованных… Но это – медицинские объекты, где занимаются сложными случаями. Большинство случаев – не сложные, обычные. А в каком состоянии у нас родильные дома? Простая логика: будут выделены средства на психологическое обслуживание женщин – будет меньше абортов – будет больше здоровых женщин – будут нужны обычные, но современные роддома, а не центры спасения матери и ребенка. Вы согласны? Еще одна тема – волонтеры. Молодежь, которая готова к добровольческому служению, например, в детских домах. Мы работаем с ребятами из педагогических и медицинских вузов. Ввели такую практику: наряду с дипломом о высшем образовании наши волонтеры получают и диплом социальной активности, в котором отражен весь их добровольческий опыт. Есть проверенная информация,

что наш диплом помогает при трудоустройстве по окончании вуза. Польза, которую приносят волонтеры в детских домах, очевидна. Но не менее очевидно то, что молодые люди и для себя получают там громадный личный опыт, который обязательно поможет при строительстве собственной семьи.

Раньше я даже не осознавала, какой колossalный эффект могут иметь различные творческие конкурсы. Оказалось, что люди вовсе не апатичны, не равнодушны, что семьи могут в полном составе участвовать в конкурсах. Это, кстати, первое направление деятельности, которое быстро вышло за пределы Красноярска.

Но и от разовых акций мы не отказываемся. Другое дело, что они не должны быть формальными, обюрокраченными. Последнее воскресенье ноября – День матери. В этот день наши волонтеры на улицах дарят цветы женщинам с колясками, беременным. Просто так. Но мы сами не ожидали, какой резонанс эта акция вызовет в тех городах, где она проводилась, какая волна доброй энергии поднимется над улицами и кварталами.

На следующий год мы наметили новый проект – просветительский. В детских садах, школах, вузах... Вы знаете, что сегодня девочки больше не играют в дочки-матери? Играют в бизнесвумен, в модели. Но навыки семейной – или одинокой – жизни закладываются в детстве и юности. Поэтому и родилась мысль о необходимости разработать специальный учебно-игровой курс.

Еще хотелось бы в рамках программы «Святость материнства» поднять тему отцовства. Первого ребенка женщина часто рожает просто потому, что хочет реализовать природную функцию. Но второй, третий, четвертый ребенок – это уже часто неподъемная ноша для женщины, если она одинока или если не может положиться на мужа-отца. К семейной жизни надо готовить не только женщину, но и мужчину.

Очень важно добавить, что не мы одни способны придумывать и воплощать. Любая поездка в регионы России – это знакомство с новыми идеями, проектами, предложениями, рожденными и часто реализуемыми там, в городах и селах.

– А как рождаются благотворительные проекты или программы? Ставится задача, а потом производится мозговой штурм? Или наоборот: кто-то роняет фразу, озвучивает мысль – и под нее начинает разрабатываться проект? Скажем, как оно было применительно к проекту принесения Пояса Богородицы в Россию?

– Как правило, в основе всего лежит некий естественный импульс. Некое ощущение того, что вот явились мысль, и это – хорошо. Иногда дух захватывает от смелости идеи, а после того, как дыхание восстановится, дух захватывает еще раз от мысли, что сделать придуманное или предложенное невозможно. Так было, например, с программой по открытию икон на башнях Московского Кремля в прошлом году. Но ведь справились же!

О том, сколько людей по России придет поклониться афонской святыне, заранее сказать никто не мог. Но статистика из первых двух городов, куда был привезен Пояс Богородицы – Петербурга и Екатеринбурга, – опрокинула все самые смелые прогнозы. Сотни тысяч. Так, в Петербурге по плану вход людей в Новодевичий монастырь предполагался с 6 до 23 часов. В первую ночь график соблюли. А потом решили: ограничения снять. Но все равно – все пройти в храм не успели. Удалось как-то сгладить ситуацию. После вывоза Пояса из храма там остались иконы и маленькие пояски, освященные монахами на Святом Поясе, что позволило и не успевшим к нему людям приобщиться к святыне.

А как все начиналось? Если вернуться к тому, как рождается идея... Когда муж первый раз побывал на Афоне – а тому уж лет пять минуло, – он привез такой же поясок и мне. Всякий раз, посещая Афон, Владимир Иванович привозил такие же пояски нашим друзьям и знакомым. Сувенирами назвать эти пояски язык не поворачивается. Как-то в беседе с приехавшим в Россию настоятелем Ватопедского монастыря геронтом Ефремом, где Пояс Богородицы хранится с XIV века, у него возникла мысль принесения святыни в нашу страну. Всему христианскому миру известно, как чтима Богоматерь в Русской православной церкви.

А потом началась работа. Вначале пришлось преодолеть недоверие и опасения на Афоне. Решающую роль сыграла репутация фонда, и благословение Святейшего патриарха Кирилла, обратившегося с письмом к Вселенскому патриарху Варфоломею, без санкции которого принесение Пояса в иные пределы невозможно. Больше года ушло на формальности. Наконец пришла информация, что Вселенский патриарх не возражает. Следующий этап – согласие Кинота, органа управления афонскими монастырями, обладающего практически полной самостоятельностью решений. Даже настоятель Ватопедского монастыря в таком вопросе не вправе действовать без санкции Кинота.

К нашей несказанной радости, идея получила поддержку представителей большинства афонских монастырей.

И тогда мы стали разрабатывать конкретную программу. Стало понятно, что идея программы принесения Пояса созвучна с программой «Святость материнства». Совместно с Патриархией были согласованы маршрут и график движения делегации фонда с Поясом Богородицы.

На нашем пути стали появляться неожиданные и на первый взгляд непреодолимые трудности. 18 октября мы планировали вылететь за Поясом в Грецию, но за два дня до этого узнали, что там намечается всеобщая забастовка, включая работников профсоюза авиадиспетчеров. Понятно, что молились, но и параллельный маршрут разработали с нашими болгарскими друзьями из Болгаро-российского общества дружбы – через Софию, а далее автобусами с запасными канистрами бензина – ведь забастовка охватила и заправочные станции Греции! Вылетали в 4 утра, полагая, что приземлимся именно в болгарской столице. В последний момент нам сообщили, что нас в виде исключения примет аэропорт в греческих Салониках.

– Существует жесткое правило, согласно которому женщин на Афон непускают.

– Верно. И женская часть делегации, состоявшая из тех, кто работает в программе «Святость материнства», проводила кораблик, на котором мужчины отправились непосредственно к святой горе Афон. Чувства, с которыми мы ждали их возвращения, передать невозможно. Помнится также, что нас не покидала тревога: почему наши богомольцы так долго находятся в море,

если они отплыли от монастыря со святыней вовремя, о чем нам заранее сообщили по мобильной связи? Ответ на наш вопрос был получен позже, когда паломники наконец причалили к пирсу. Выяснилось, что мотор катера со святыней загло сразу после выхода в море и запустился лишь после того, как русские богомольцы прочитали два акафиста одновременно – Пресвятой Богородице и Святителю Николаю Чудотворцу. Второй катер, с журналистами, ломался в пути дважды... При виде появившихся на горизонте долгожданных катеров со святыней мы, стоявшие на пирсе женщины, ощутили прилив радости и присутствия Божией Благодати... Сошла благодать – как это объяснить? Это можно только пережить.

Мужчины вернулись, вместе с ними – Пояс, шесть афонских монахов во главе с настоятелем Ватопедской обители старцем Ефремом и представителем Московского патриархата епископом Амвросием. И – надо лететь назад. А забастовка-то идет! Но чудеса продолжались. В аэропорту Салоник забыли о политических и экономических разногласиях, там тоже ждали, когда привезут святыню. Вернулись мы в Россию без злоключений.

Посмотрев на то, как встречали Пояс Богородицы в Петербурге, настоятельница Новодевичьего монастыря матушка София сказала мужу: «Неистребима Русь...»

«Я убеждена, решение демографической проблемы – это не только арифметическое увеличение числа детей. Это как раз та самая «большая семья», ее возрождение как нормы жизни».

Согласно преданию, Пояс и Риза Богородицы незадолго до ее Успения были отданы двум благочестивым иерусалимским вдовам, и из поколения в поколение хранились в Палестине. На стыке IV и V веков Пояс перенесли в Константинополь, где он хранился в храме района Халкопратия, являясь одной из трех главных христианских святынь, связанных с Девой Марией. Пояс хранился в ковчеге и был запечатан золотой печатью. В X веке Пояс разделили на части. Одну часть императоры Византии брали в военные походы. После пребывания в Болгарии и Сербии эта часть в конце XIV века была подарена сербским князем Лазарем I афонскому Ватопедскому монастырю. В православном календаре 31 августа (13 сентября) празднуется положение Честного Пояса Пресвятой Богородицы в Константинополе.

Части Пояса Богородицы прославлены множеством чудес. Кто знает, может быть, попадут эти строки на глаза молодого петербургского таксиста?

ИДУЩИЕ К ХОЛОДУ

КАК АМЕРИКАНЦЫ
ПОСТИГАЮТ
РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ
И ЧТО В НЕЙ
ОТКРЫВАЮТ

АВТОР

СВЕТЛАНА БАБАЕВА

ФОТОГРАФИИ

ВАНЕССЫ РОБЕРТСОН [VANESSA ROBERTSON]

В ВАШИНГТОНЕ ЗАРАБОТАЛА «ИНИЦИАТИВА ПО ПРОДВИЖЕНИЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ» (INITIATIVE FOR RUSSIAN CULTURE) ПРИ АМЕРИКАНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, В РАМКАХ КОТОРОЙ ПРОХОДЯТ ПОКАЗЫ ФИЛЬМОВ, МУЗЫКАЛЬНЫЕ ВЕЧЕРА И ДРУГИЕ МЕРОПРИЯТИЯ. С «ИНИЦИАТИВОЙ» СОТРУДНИЧАЕТ РОССИЙСКОЕ ПОСОЛЬСТВО, КОТОРОЕ ПРИВЛЕКЛО К ПРОГРАММЕ «МОСФИЛЬМ». АМЕРИКАНСКИЕ СТУДЕНТЫ ПОСМОТРЕЛИ «ЛЕТЯТ ЖУРАВЛИ», «БАЛЛАДУ О СОЛДАТЕ», «ИВАНОВО ДЕТСТВО».

НОВЫЕ ГРАНИ ЖИЗНИ ЗА ОКЕАНОМ ДАЮТСЯ ВКУПЕ С ТРАДИЦИОННЫМ ИЗУЧЕНИЕМ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, НО ПОМИМО ЭТОГО – С ВОЗМОЖНОСТЬЮ ПОСЕЩЕНИЯ ГОРОДОВ, КОТОРЫЕ ВДОХНОВЛЯЛИ КЛАССИКОВ. НАПРИМЕР, ПЕТЕРБУРГА. ЗАМДИРЕКТОРА ПРОГРАММЫ, ПРОФЕССОР АМЕРИКАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА АНТОН ФЕДЯШИН, В ЭТОМ СЕМЕСТРЕ ОБСУЖДАЕТ СО СТУДЕНТАМИ ФЕДОРА ДОСТОЕВСКОГО, ПИСАТЕЛЯ С ФИЛОСОФИЕЙ, КАЗАЛОСЬ БЫ, СТОЛЬ ЖЕ ДАЛЕКОЙ ДЛЯ АМЕРИКАНЦА, КАК И САМА ХОЛОДНАЯ РОССИЯ...

– **K**

ТО ЭТИ ЛЮДИ – АМЕРИКАНЦЫ, КОТОРЫХ СЕГОДНЯ ИНТЕРЕСУЮТ РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И КИНЕМАТОГРАФ? ЗАЧЕМ ИМ ЭТО?

– Студентов интересует русская культура, потому что большинству имена великих русских писателей, художников, представителей кинематографа попадаются на глаза. И хотя к 18 годам, когда поступают в университет, многие слышали эти имена, они почти ничего не знают о них. Большинство американцев знают, например, что «Война и мир» – это великое и очень длинное произведение великого Толстого. Но мало кто его читал.

– Вы сказали – ребята встречают имена. Где американский подросток может увидеть или услышать имена русских классиков XIX века?

– В газетах, в Интернете, в старших классах школы, в семьях, по телевизору, иногда в фильмах. Учите, у современных ребят голова полна имен, к моменту появления в университете студенты напичканы информацией, среди которой информация о России и ее писателях. Другое дело, что это не то же самое, что знания. Их начинают получать в университете...

– Проведенное в Вашингтоне блиц-исследование показало, что даже образованные американцы знают максимум три русских имени: Толстой, До-

стоевский, иногда Чехов. Особо продвинутые что-то слышали про Тургенева. А вы говорите – голова у студентов напичкана именами. Какими?

– Знаете, если опросить ребят, поступающих сейчас в российские вузы, думаю, они тоже вряд ли поразят знанием американской литературы. Советский образовательный запас иссяк. Да, именами, которые вы называли, в основном и ограничивается знание американских студентов о русской культуре. Иногда появляются Эйзенштейн, Тарковский, Чайковский, Дягилев, другие. Но для начала уже неплохо. Достаточно, чтобы зажечь интерес и вдохновить на дальнейшие поиски. А судить молодых людей справедливее не по знаниям, а по любознательности – она открывает миры...

– Что в принципе может зажечь американца в русской культуре?

– В первую очередь все-таки экзотика, которую на уровне университета мы потом пытаемся развеять... Но в большинстве случаев это именно северная экзотика всего русского, начиная с медведей и ледяных скульптур и заканчивая очень длинными романами и фильмами. Таково среднестатистическое понимание американцем России. А из этой искры мы потом раздуваем пламя... Приведу пример. В американских университетах есть предметы обязательные и необязательные. Мой курс «Россия Достоевского» не-

обязателен, на него ребята записывались по желанию. И записалось 36 человек! Это очень много для историко-литературного предмета. Вот вам и пламя.

– Пламя... У американцев совершенно иной эмоциональный фон и внутренняя картина мира. Например, на обсуждении после просмотра «Летят журавли» их больше интересовали практические вещи: вышла ли Вероника замуж за Марка, как был воспринят фильм в Европе и США. То же происходило при обсуждении на вашем семинаре «Преступления и наказания». Раскольников не такой плохой человек, потому что помогал людям деньгами, говорят американцы. Они воспринимают фактуру, а не внутреннюю борьбу. Идет анализ не эмоционально-философского среза, который прежде всего и присущ русской литературе, а фактов. Как это совершенно разное восприятие влияет на понимание российской литературы и действительности?

– Конечно, разница в восприятии есть, каждая культура подходит к произведению со своей точки зрения. Американцы как народ – сказывается англосаксонская закалка – действительно не столь эмоциональны, как русские. У них более прагматичный подход, в том числе и к литературе. Они больше внимания уделяют фактам, которые составляют основу повествования. Изложение фактов для американцев очень важ-

но: обстоятельства дела, последовательность действия, причинно-следственная связь, развитие сюжета. Это, кстати, прослеживается в американской культуре на всех уровнях. Если, к примеру, взять детективы, сразу заметно, особенно русскому, что развития самого персонажа там почти нет. Эмоциональное состояние жертв и преступников не раскрывается; действие сериала, – как правило, часового – определяют улики. Поэтому неудивительно, что первым делом ребята цепляются за то, к чему привыкли. Но суть преподавания русской литературы в том и состоит, чтобы с помощью великих произведений вывести людей из их культурного мира на общечеловеческий.

– По всей видимости, американцам проще иметь дело с моносюжетностью произведений, чем русская классика тоже никогда не отличалась...

– Знаете, не надо исходить из стереотипа, что американцы примитивно думают и так же смотрят на литературу. Способность схватывать многоукладные произведения зависит не только от культуры, но и от возраста. Не думаю, что 18-летний россиянин понимает в Достоевском гораздо больше, чем его американский сверстник.

– Мы не осуждаем и не выносим оценок. Англо-саксонская нация за последние столетия доказала свою эффективность и вдумчивость, создав, кстати, не только пару сильных империй и работоспособные политические модели, но и произведения мировой литературы. Речь не о примитивности, а о разнице мировосприятия. У русского человека, например, есть одно свойство, абсолютно непонятное американцу: бесконечная, мучительная само-

рефлексия. Как думает американец? Если есть проблема и ты можешь ее решить – решай. Если она не в твоей власти – переключись или измени угол зрения, но не позволяй этим мукам разрушать тебя. А ведь великая русская литература – на глубинных внутренних мучениях и философских откровениях. Как это могут понять американцы?

– А что вы подразумеваете под словом «понять»? Мое дело как профессора, как историка – донести разницу между американской ментальностью и российской. Не мое дело – и, может, даже не дело самих писателей – объяснять американцам, как быть русскими. Это невозможно. Но показать, что есть другой мир, в котором люди по-другому думают, чувствуют, где другая духовная культура по-иному окрашивает политическую и социально-экономическую среду обитания, – вот главное. Не делать из американцев россиян посредством литературы, а показать, сколь много разницы может быть между менталитетами, и в то же время найти множество общего – вот в чем красота литературы и истории.

– Что же общего можно найти?

– Общее – в главных вопросах бытия. В вопросах свободной воли, любви, отношения к человеку, к социуму. Общие вопросы человечества существуют, хотя разные общества дают на них разные ответы... Но помните: литература не философия, она не ставит вопросы впереди повествования; к этим вопросам надо подойти, пройдя путь героев. Хотя в конце концов мы возвращаемся к тем же общечеловеческим темам.

– И все же кажется, что американцы, как, кстати, и русские – видимо, это черта всех больших

наций, отделенных территорией от других культур, – неспособны постигать иное. Особо продвинутые способны что-то допустить – ну, что жизнь на Марсе возможна. Но знать и понимать не одно и то же. Знание еще возможно, но как американец может понять, скажем, подход «очищение через страдание»?.. Тем более в 18 лет.

– Понять Достоевского в 18 лет, конечно, трудно. Надо пожить, потом перечитать снова. Именно поэтому люди возвращаются к великим произведениям в разном возрасте... Я специально начинаю с фактов и с того, что студентам легче схватить. Дальше мы погружаемся в философские вопросы. Но если ребят не привлекать к великим произведениям в этом возрасте, то когда это делать? Студенты как раз находятся в том возрасте, когда начинают перерастать свое детское мироощущение и хотят испытывать интеллектуальные возможности, сравнивая себя уже не с близкими, друзьями или поп-кумирами, а с величими мира сего. Тут-то они и начинают открывать для себя новые миры, приобретать духовную глубину, в том числе и очищение, и страдание...

– Конечно, и сразу – очищение через страдание.

– Нет-нет, я как раз и говорю, что к этому надо подводить постепенно. Наскоком Достоевского не возьмешь. Вообще, в великие произведения мировой литературы надо входить постепенно. Не верю, что такую литературу можно читать запом, ее надо постигать в несколько приемов, оставляя время на раздумье. Я строю курсы так, чтобы между прочтением нескольких глав оставалось время для обдумывания, сравнивания. Достоевский все же облегчает задачу американцу, который прежде схватывает факты. Как заметил один критик, если бы книга не называлась «Преступление и наказание», ее можно было бы назвать «Россия в 1865 году», потому что Достоевский использовал огромное количество реальных, повседневных фактов, черпая их из газет и журналов. Затем от частностей идем в психологию Раскольникова и в идею очищения через страдание.

Все же я не согласен с тем, что эта идея – эксклюзивно русская. В американцах она заложена их религиозным воспитанием, особенно, кстати, в католиках, для которых страдание часть религии... Другое дело, что в материальном плане американцы создали у себя в стране настолько комфортабельный мир, что большинство студентов к 18 годам не знают, что такое терять или жить в обществе, которое требует жертвования... Личной свободы или чего-то другого... Достоевскому надо дать время, чтобы в американских студентах он задел эти религиозные струны, на которых большинство воспитаны. Тогда начинается процесс осознания философии писателя, приложение этих взглядов на себя. Все, что я могу сделать, – это преподнести. А уж они пусть сами решают, сражаться с этим или примиряться...

– Что вообще из русской литературыается в хорошем американском университете?

– Толстой, Достоевский, Чехов, Тургенев. Это стандартный набор русских писателей, который определяется доступностью перевода, затем выбором профессора и самой идеей курса. Я, например, даю Тургенева, когда преподаю курс общероссийской истории, – мы читаем «Отцов и детей». Кстати, эта книга американским студентам легкодается, в ней действуют двое друзей их возраста. Вообще, Тургенев легко идет, и стиль его легче переводить на английский, чем стиль Достоевского или Толстого. Что касается Достоевского, то мы начали с «Двойника», затем прочитали «Записки из мертвого дома», «Записки из подполья», сейчас сражаемся с «Преступлением и наказанием», впереди отрывок из «Дневника писателя», а заканчиваем «Карамазовыми».

– А «Идиот»?

– Времени нет, в следующий раз. Я и «Бесов» в этот курс не включил.

– «Бесов», надо полагать, они вообще не поймут.

– Я заметил, «Бесы» даются тяжелее всего. Студенты не понимают, что такое провинциальная

«Американцы не столь эмоциональны, как русские. Они больше внимания уделяют фактам, которые составляют основу повествования. Изложение фактов очень важно: обстоятельства дела, последовательность действия, причинно-следственная связь, развитие сюжета».

жизнь в России, плохо понимают радикальный фанатизм русской интеллигенции. Глумление и цинизм американцам также не близки.

– Сами американцы с легкостью называют лишь два произведения Достоевского: «Преступление и наказание» и «Братьев Карамазовых». Но что интересно – «Преступление и наказание» идет как детектив...

– ...Чему очень помог Набоков. Он вообще не любил Федора Михайловича и особенно «Преступление и наказание». Сцену Сони Мармеладовой с Библией называл верхом ханжества, да и вообще говорил о Достоевском как о детективном писателе, чем и поспособствовал распространению такого взгляда.

Что касается «Карамазовых», то я впервые буду давать книгу американским студентам, самому

интересно, как будет воспринято произведение. А «Великому инквизитору» мы специально посвятим отдельное обсуждение.

– Существуют ли лингвистические проблемы с переводом? Некоторые полагают, что структура английского языка не дает возможности передать всю точность и красоту русского. Ну, хотя бы из-за отсутствия суффиксов.

– Все переводы теряют некоторую долю смысла. Но альтернативы все равно нет. Лучше читать в переводе, чем не читать вовсе... Действительно, английский язык структурно легче русского, слова не обременены окончаниями, предложения – причастными и деепричастными оборотами. Американские глаза быстрее скользят по страницам Достоевского, потому что в английском переводе нет той красивой философской тяжести, которая присутствует в русском и заставляет замедляться, задумываться. Возможно, отчасти поэтому англоговорящие читатели чувствуют Достоевского по-другому.

– На лекциях вы зачитываете студентам куски на русском, хотя они его не знают и не изучают. Зачем?

– Чтобы слышали мелодику языка. Большинство фамилий специально произношу так, как они произносятся по-русски. Огромная проблема для англоговорящих – наши имена и фамилии, но особенно отчества. Первое, что я делаю, – это объясняю, что такое Михайлович, что «-ич» – это, как правило, отчество, а «-ов» и «-ин» – фамилии. Потихоньку начинают ориентироваться, привыкают.

– Вы ведете в том числе курсы по европейской истории. Что в европейской и российской истории американцев наилучшим образом, цепляет и, наоборот, является наиболее трудным для постижения?

– Первое, чего не понимают в отношении России, причем и в истории, и в литературе, – это терпение русского народа. Почему они так долго терпят? – спрашивают американцы. А второе, что шокирует еще больше, – когда терпение заканчивается, это выливается в лютую анархию... Умеренному англосаксонскому менталитету непонятны эти крайности: революции, бунты, фанатическая оппозиция государству. И в то же время – бесконечные абстрактные поиски себя вкупе с желанием водворить тотальную справедливость на земле...

– ...Царство Божие.

– Не совсем. Это есть во всех религиях, в нашей оно лишь более выражено. А общую, универсальную, плохо сформулированную, но безоговорочную справедливость...

С Европой немного другая ситуация, здесь студентам тяжелее всего дается понимание, как на таком маленьком пространстве уживаются народы со столь разной культурной и религиозной

историей. Для американца непостижимо, что значит жить рядом с соседями, которые экономически, политически и социально более организованы и представляют угрозу. Ни Канада, ни Мексика угрозы для США никогда не представляли. Вообще, над Америкой никогда не нависала угроза серьезного нападения, оккупации. Циклы европейских войн и революций больше всего и шокируют ребят.

Определенные препятствия к пониманию других политических, социальных и философских систем кроются в американском индивидуализме и прагматизме. У американцев очень открытое общество, но одновременно им трудно дается относительность мирового устройства. Я с большим уважением отношусь к американскому индивидуализму, но часто он ослепляет. И в американской истории XX века это вылилось в катастрофические ошибки.

«Американцам трудно понять: как в России можно жить, как Достоевский, в холода и промозгости сибирского плена и в то же время видеть и находить в насилиниках и убийцах зерна человеческого и даже Божественного...»

– События последних лет – Ирак, Афганистан, а главное, экономические потрясения, которые по американским меркам делятся уже невыносимо долго и не обещают скорого выхода, – добавляют ли красок в оценку студентами себя и других? Может, вносят определенные сомнения, упадничество?

– Должен признаться, пока нет. В большинстве своем даже те, кто не согласен с вторжением в Ирак, считают, что рано или поздно американская точка зрения все равно восторжествует. Кроме того, эти войны проходят далеко от самой американской территории. Что касается экономического кризиса, упадничества не существует точно. Сомнения только начинают появляться, и, поскольку менталитет всегда меняется очень медленно, они и близко еще не подошли к критической отметке, за которой начинаются перемены в обществе. И не забывайте, мы говорим о Восточном побережье США, более открытом, европеизированном, либеральном. В глубинке, думаю, американская уверенность не породила даже сомнений. Кроме того, студенты больше защищены от экономических потрясений, поскольку на-

ходятся еще в своем микромире. А Вашингтон уникalen еще и тем, что финансовый кризис затронул его меньше всего. Задумываться обо всем этом ребята начинают на четвертом курсе, когда рассылают резюме.

– Вы даете студентам становление и крушение империй, прошлых и современных. Что они извлекают для себя, есть ли какая-то типология их выводов и касается ли вы американской практики?

– У Европы были колонии; у американцев, если исходить из викторианского понятия империи, колоний нет и не было. Для американских студентов США – максимум экономическая империя, не захватническая. Попутчики, если к ней и присоединяются, то по своей воле. Я часто стараюсь вывести ребят на сравнения, особенно с Британской империей, но, как правило, они не видят тех выводов, которые находят в своей истории европейцы. Существует барьер между эксклюзивностью, присущей американскому менталитету и взгляду на свою историю, и тем, что происходило в Европе и России.

– Между тем отцы-основатели много размышляли над крушением Римской империи. И хотя современные американские политики вряд ли согласятся, что США – империя, речь идет прежде всего об ошибках, которые могут быть совершены обитателями «Града на холме» и которые приведут их к тому же закату, что привели римлян.

– Никаких параллелей между американским опытом и историей крушения Российской, Британской или Римской империй не возникает. Но вот где начинаются размыщения студентов об американской политике – так это на периоде холодной войны. Когда говорим о Вьетнаме, о политике США в Южной и Центральной Америке в 1950–1980-е годы, это резонирует, ребята начинают задумываться о том, что унаследовала их страна с эпохи холодной войны, как американская политика заходила в тупику, насколько правительство переоценивало порой свои возможности.

Но в целом у американцев совсем иной исторический опыт, они считают, что географическое положение им дано Богом, и им трудно понять, почему государства готовы жертвовать благополучием своего народа ради каких-то geopolитических интересов.

– Готовы жертвовать... Тема жертвенности, отношение к жизни земной... Ценность жизни в американском обществе ставится очень высоко. Как американцы реагируют на русскую неспособность ценить жизнь? Впрочем, Европа тоже это проходила...

– Им это очень труднодается. Американцы не понимают диссонанса между российской реальностью, например между ссылкой Достоевского и его выживанием в Сибири, и постоянным обращением к внутреннему, к душе, к Богу с универсальными вопросами. Они не понимают, как, имея такое неустройство земной жизни, вместо того чтобы решать бытовые проблемы, можно уделять столько энергии и сил духовным исканиям, поискам философского смысла. Почему энергия уходит не в устройство жизни, которая подавляет?.. В американской литературе таких примеров нет, Америка была основана совершенно на других принципах.

– И все-таки там тоже не было ни стяжательства, ни стремления к богатству.

– Верно, не было. Но именно демократизм их церкви вынуждал пуритан покидать Великобританию. Этот демократизм, соединенный с протестантской этикой, блистательно описанной Максом Вебером, создавал культ труда и материального успеха. Не в смысле количества денег, а в смысле материального результата и филантропии как показателя успеха. Это антропологические черты нации, звенья, из которых состоит американский менталитет. Поэтому американцам так трудно понять: как в России можно жить, как Достоевский, в холода и промозглости сибирского плена и в то же время видеть и находить в насилиниках и убийцах зерна человеческого и даже Божественного...

ЦЕННОСТЬ РУИН

АВТОР

СЕРГЕЙ ВИНОГРАДОВ

В ПРОФЕССОРСКОЕ СЛАВИСТИКИ НОВООРЛЕАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА ТУЛЕЙН УИЛЬЯМ БРУМФИЛДЕ НЕ СРАЗУ УГАДАЕШЬ ИНОСТРАНЦА. РУССКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ОДНОГО ИЗ КРУПНЕЙШИХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РУССКОЙ ХРАМОВОЙ АРХИТЕКТУРЕ ПРАКТИЧЕСКИ КАК РОДНОЙ. И ДАЖЕ С ЗАКОВЫРИСТЫМИ ФРАЗАМИ ТИПА «ХРАМ БОГОМАТЕРИ ОДИГИТРИИ В СЕЛЕ КИЖМЕ НА МЕЗЕНИ» ОН СПРАВЛЯЕТСЯ БЕЗ ПРОБЛЕМ.

УЖЕ БОЛЕЕ СОРОКА лет Уильям Брумфилд путешествует по российской глубинке. И когда он, в полушибке, шапке-ушанке и валенках, начинает интервьюировать кижменско-мезенских старушек на предмет окрестных церквушек, те принимают его легкий акцент за небольшой дефект речи. Уильям Брумфилд подготовил и выпустил более 30 монографий и альбомов о русской храмовой архитектуре. В его активе около 150 тысяч фотографий 1500 русских храмов. Часть этого архива хранится в Библиотеке Конгресса в США.

ФОТОЛЕТОПИСЬ

Первый приезд профессора Брумфилда в Россию пришелся на 1970 год. В последовавшие затем сорок лет американец много раз приезжал в Россию, прожив здесь в общей сложности более семи лет. И до сих пор в своих

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА У.БРУМФИЛДА

поездках Уильям не расстается с фотоаппаратом. Его девиз: сначала сфотографируй памятник, вне зависимости от того, в каком состоянии он находится, а потом изучай. Фотоаппарат в его руках приобретает особое значение, превращаясь в «записную книжку» ученого, которая способна сохранить то, что завтра может исчезнуть безвозвратно. Часто оказывается, что обрушившаяся церковь или сгоревший храм в глубинке «при жизни» были запечатлены лишь на неумелых любительских фотографиях и одной профессиональной фотосессии Брумфилда. «Вологодская область. В городе Устюжене стояла пожарная каланча, она же од-

новременно здание городской Думы. Каменный низ, деревянный верх – середина XIX века. Снимал в 1998 году, а приехал в 2001-м – уже руины, – вспоминает Уильям. – Или прекрасная церковь – ярусный храм Рождества Богородицы в Поповке Калякинской в районе озера Воже. Был там в марте 2001 года. Когда ее фотография экспонировалась на выставке «Русский Север», я ее снабдил таким комментарием: «Редкий пример деревянного ярусного храма в Вологодской области. Здесь господствуют западные ветры. Заметен крен». И вот мне друг показывает съемку 2003 года – храм уже лежит...».

из личного архива У.Брумфилда

из личного архива У.Брумфилда
Когда Брумфилд не в России, он либо делает доклады на конференциях, либо читает лекции студентам вуза Нового Орлеана

Свою фотолетопись русской церковной архитектуры молоденький аспирант отделения русской литературы калифорнийского Университета Беркли начал летом 1970 года, приехав в Москву в рамках научного обмена. Первые опыты – съемка на любительский фотоаппарат ансамбля Кремля и собора

Василия Блаженного. Последующее знакомство с тысячами церквей и храмов не затуманило впечатления от детища зодчих Бармы и Посника. «Он один из моих любимых, – говорит профессор. – Это потрясающая и очень серьезная архитектура, не «аттракцион», как многие полагают».

УДАР МОЛНИИ

К такому выводу Уильям пришел гораздо позже, а тогда, в 70-м, в погоне за «аттракционом» Брумфилд купил цветную пленку. Планировал раскрасить снимками свои рассказы о жизни за железным занавесом. Вспоминая свои первые впечатления от увиденного, Уильям говорит: «Это было как удар молнии, у меня буквально раскрылись глаза». Будь его воля, восторженный аспирант нашел бы половину своего нынешнего архива в первые три месяца пребывания в Москве и Ленинграде, но пленки было всего две. Уильям покинул СССР с твердым решением вскоре вернуться. Спешно придумав тему диссертации, молодой ученик подал заявку на грант, в которой обосновывал необходимость личного пребывания в России для подготовки работы. В 1971 году Брумфилд уже колесил по нашей стране – посетил Новгород, Владимир, Суздаль и многие другие города. С годами интерес к русской литературе уступил место увлечению русской архитектурой. Сначала Уильям освоил «Золотое кольцо России», потом прошагал весь Русский Север, а потом открыл для себя Урал, Сибирь и прочие части страны.

– Я верующий человек, протестант, как многие на Юге США, откуда я родом, – объясняет профессор. – Не исключаю, что в том числе и этим можно объяснить мой интерес к церковной архитектуре – этой ярчайшей странице в истории мировой архитектуры. А может быть, вид возрождающейся исконной России вызвал во мне эмоциональную ассоциацию с трагической судьбой моей родины – американского Юга. К сожалению, в США и вообще на Западе, как вы называете Европу и Америку, крайне мало знают о красотах русских храмов и соборов. В первую очередь я занимаюсь наукой, но вместе с тем считаю себя популяризатором этой части русской культуры. Я ведь не только выпускаю альбомы с фотографиями

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА У БРУМФИЛДА

Профессор
Брумфилд
в Белозерске
(Вологодская
область). Сам
он российских
морозов давно
не боится, лишь
бы техника не
подвела

ями, но и много выступаю с лекциями в различных университетах мира. Считаю, что церковная архитектура – идеальный материал для понимания России, понимания истории страны и души ее народа. Я стараюсь, чтобы мои лекции и выступления не были скучными и слишком научно-схоластическими, ведь сам-то я увлекся русской церковной архитектурой из-за ее красоты. Тяга к изучению пришла потом. Своих слушателей я тоже стараюсь привлечь прежде всего визуальным рядом.

То, что сначала российские церкви строились по византийским канонам, а некоторые были возведены выписанными из-за рубежа мастерами, не мешает Уильяму Брумфилду считать их глубоко национальными произведениями, а не копиями.

– Копия – неподходящее слово, – заявляет он. – Любая ве-

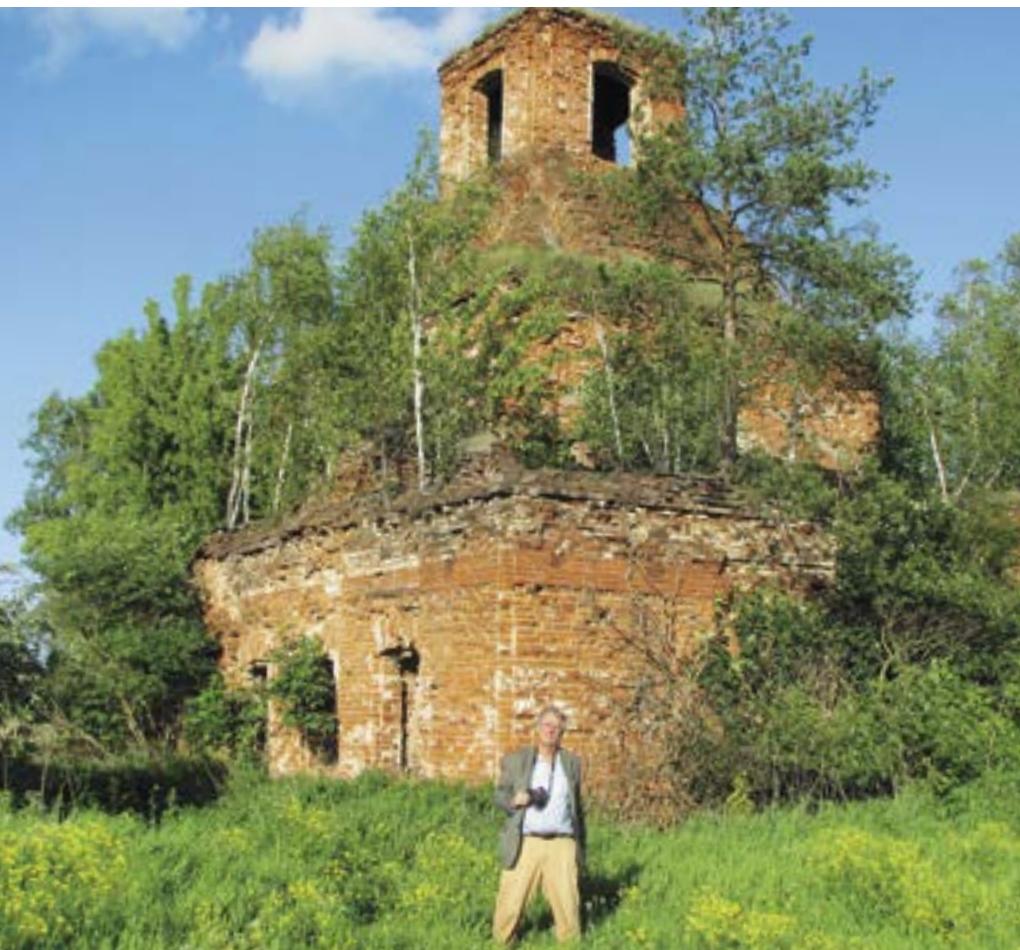
ликая культура что-то заимствует из других стран и культур, это происходило и происходит везде и всегда. Вполне логично, что восточные славяне приглашали зодчих из Греции, Италии и многих других стран. Но, пожалуйста, архитекторы не могли выстроить здесь церковь точь-в-точь по привезенному с родины проекту. Место, его традиции, обряды накладывали огромный отпечаток. Я иногда слышу разговоры об отношении к русской церковной архитектуре как вторичной. Я по мере сил стараюсь бороться с этим мнением фотографиями и фактами.

О ЗАМЫЛЕННОСТИ И НИЗКОПОКЛОНСТВЕ

В последние годы Уильям Брумфилд ставит определение «популяризатор» впереди других своих специальностей – историка архитектуры, ученого, фотографа, преподавателя.

«Большинство студентов моих семинаров не знают о России ничего, – повторяет он. – Нет, они слышали, что где-то далеко есть такая страна, но никогда ею не интересовались. А ко мне пришли, потому что знают или слышали, что я умею интересно рассказывать».

Когда американская молодежь отзыается о России как об экзотической стране вроде Бирмы или Нигерии, посещение которых ассоциируется с экстремизмом, Уильям Брумфилд не спорит и не переубеждает, а включается в игру. Экзотика так экзотика, «крючок» для привлечения внимания может быть любым. Главное, чтобы заинтересовались и были готовы слушать и воспринимать истину. О медведях на улицах российских городов и царящем здесь собачьем холода американские знакомые Уильяма не спрашивают уже два десятка лет. А еще в 90-е годы Брумфилд, показывая альбомы с фотографиями русских церквей, не раз наблюдал удивление как тех, кто не имеет отношения к истории и архитектуре, так и своих ученых друзей. «Как, у них сохранились церкви? Советский Союз ведь был страной атеистов», – недоумевали земляки Уильяма. Справедливости ради надо сказать, что русские в задаваемых Уильяму вопросах об Америке также демонстрировали верность телевизионным и газетным штампам. На встречах и с теми, и с другими Уильям Брумфилд всегда рас-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА У.БРУМФИЛДА

сказывает об одном и том же: о русской архитектуре и культуре. Случается так, что, презентуя альбом в небольшом городке, рассказывая о его святынях, американский профессор открывает аборигенам множество тайн о тех местах, где они прожили всю жизнь. И они слушают его, раскрыв рты. Слишком пригляделись, чтобы видеть красоту храма или церкви и отличать ее от выстроенной по соседству пятиэтажки.

Для борьбы с замыленностью взгляда россиянину весьма полезно полистать фотоальбомы Уильяма Брумфилда. Он снимает не только культовые учреждения, но и гражданскую архитектуру. Знающий, но вместе с тем свежий взгляд американца способен заметить чудо в обыденном: он может поместить во всю огромную страницу снимок забора с щелями или стыка выщербленных бревен обычной деревенской избы, возвысив их до красот Венеции или Парижа. Повышение самосознания жителей российской глубинки в перечень главных целей работы Уильяма Брумфилда, конечно, не входит, но он очень радуется, когда слышит о том, что его снимки и рассказы застави-

Уильям Брумфилд около одного из заброшенных храмов в Тульской области.
«Неинтересных церквей для ученого быть не может», – считает он

ли кого-то уважать малую родину. А подобные признания профессор слышит постоянно. Вот и нашу беседу прерывает робкий молодой человек, протянувший американцу фотоальбом «Устюжна» на подпись. Пока гость размашисто выводит автограф, тот успевает рассказать о детстве и летних месяцах у бабушки в деревне под Устюжной. «Мне хорошо знаком этот город, но я никогда не знал, как убить два часа ожидания между автобусами, – говорит он. – Ваш альбом я листал больше двух часов».

Современную архитектуру России Уильям Брумфилд тоже снимает, даже те ее образцы, которые наводят на размышления об экскаваторе со стенобитным ядром.

– Я даже выпустил монографию об истории русского архитектурного модерна, – рассказывает Брумфилд. – Конечно, мне не все нравится, что сейчас строят и в недавнем прошлом строили в России, но, к счастью, здесь есть что изучать, есть потрясающие примеры – в большинстве своем в Москве и Санкт-Петербурге. Я не сторонник огульной критики современной архитектуры России, она только формируется, отношения между заказчиками и

архитекторами пока не идеальны, а зачастую просто странны и непонятны. Есть очень хорошее русское слово – «низкопоклонство». Но традиция выработается.

ХРАМ МАЙЯ В ЯРОСЛАВСКОМ ЛЕСУ

– …В лесу на границе Ярославской и Вологодской областей есть церковь, ну прямо как храмы и пирамиды майя в Центральной Америке, стоящие среди джунглей, – с восторгом рассказывает Уильям.

А недавно в поселке Орел Усольского района Пермского края исследователь набрел на церквушку с уникальной росписью, о которой мало кто слышал.

К некоторым местам назначения из-за распутицы или полного отсутствия дорог Брумфилд подвозят на тракторе. Но за стоптанные каблуки сапог и жесткие кровати в не слишком комфортабельных гостиницах глубинка платит удивительными архитектурными подарками сродни вышеизложенным.

Нередко на месте церкви, добраться до которой было непросто, Уильям Брумфилд обнаруживает лишь руины. Но обманутым он себя не считает. Не разочаровывается, твердо веря в то, что дело историка – сфотографировать и изучить памятник, в каком бы состоянии тот ни находился.

– Я не считаю развалины неэстетичными, – говорит американец. – Есть даже целое направление в западном искусстве, изучающее и отображающее красоту руин. Некоторые разрушенные или полуразрушенные храмы в российской глубинке выглядят потрясающе, от них взгляд невозможно оторвать. Руины имеют огромную ценность, у них своя миссия – они дают не только научную информацию исследователю, но и эмоциональную зарядку всякому, кто на них смотрит. Иногда облупленная колокольня поражает нашу душу сильнее, чем парадный новенький храм, заставляя нас думать о прошлом и о быстротечности времени.

ПЛАНЕТА ПОД НАЗВАНИЕМ РОССИЯ

АВТОР

ВЕРА МЕДВЕДЕВА

ПОЧТИ 20 ТЫСЯЧ КИЛОМЕТРОВ, ВСЕ МЫСЛИМЫЕ ВИДЫ ТРАНСПОРТА, 90 КИЛОГРАММОВ СУВЕНИРОВ И 100 ТЫСЯЧ ФОТОГРАФИЙ! ТАКОВ ИТОГ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО РОССИИ ПАРИЖСКОГО ХУДОЖНИКА ШАЙЯНА КХОИ.

Ж

АИР, В КОТОРОМ он работает уже двадцать лет, не зря называют киберреализмом, ведь его фотографии потом будут превращены в картины, на которых церкви, памятники и города мистически переродятся в новую реальность.

Объездив весь мир, Шайян во второй раз решил пересечь Россию. Он считает, что наша страна – это целая планета: «Когда путешествуешь по России, создается впечатление, что побывал не просто в нескольких государствах, а на нескольких континентах». Если в своем первом рос-

сийском вояже Шайян пытался больше использовать столь любимые им мотоциклы, то, готовясь ко второму, понял: одним мотоциклом Россию не покорить. В ход пошли машины, катера и вертолеты, давшие ему возможность посетить такие заповедные места, в которых редко бывают даже местные жители.

Когда Шайян добрался до Ольхона – острова посреди Байкала, который считается святым местом для всех шаманов, – он был поражен ощущением того, что время там как будто остановилось. У берега Байкала в непогоду поднимались волны, а вокруг Ольхона – гладкая поверхность воды. Таинственное место с особым энергетикой, напоминающей Тибет, завораживает и за-

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ШАЙЯНА КХОИ

ставляет задуматься о вечности, отбросив суету повседневности. Камчатка, Ольхон и «Золотое кольцо» – вот что, по мнению Шайяна, иностранцы непременно должны посмотреть в России. Классический маршрут «Золотого кольца» тоже может открыть многое экстраординарного, стоит только приглядеться внимательнее. И хотя для него заброшен-

ные церкви в русских деревнях обладают особым очарованием, но в глаза иностранцу сразу бросается то, насколько много церквей сейчас строится и восстанавливается, причем очень часто на средства местных жителей. После первого посещения России доминирующим цветом в работах Шайяна был красный. После второго путешествия Россия представляется ему золотой, зеленой и голубой. На вопрос о том, что больше всего поражает в России, Шайян отвечает: «Это страна, в которой нет ничего невозможного. Страна невероятных, экстремальных крайностей. Жара и холод, любовь и ненависть – все в России проявляется ярче и эмоциональнее, чем в Европе. Ваш обычай париться в бане хорошо это иллюстрирует: сначала парилка, потом ледяная прорубь, затем опять почти невыносимый жар, а в результате – полная релаксация. И, конечно, меня всегда поражало чувство собственного достоинства и гостеприимность россиян, даже при отсутствии больших заработков. Например, в деревянных домиках в Иркутске, украшенных чудесными резными наличниками, царят чистота и уют, а гостей всегда встречают накрытым столом». Мы все склонны считать, что где-то «трава зеленее», а вот Шайян, живущий в одном из самых престижных районов Парижа, несколько раз повторил сло-

во «биопродукты», рассказывая о застольях со своими новыми российскими друзьями. Кажущиеся в России само собой разумеющимися огородные овощи, выращенные без использования химических удобрений, сейчас во Франции являются самыми дорогими и востребованными. Так что многие россияне, сами того не подозревая, питаются как в лучших французских биоресторанах.

Любое большое путешествие – это целый клубок не только впечатлений, но и встреч. В 1993 году, во время своего первого визита в Россию, Шайян познакомился в Петропавловске-Камчатском с молодым пилотом вертолета, поговорил с ним о Дальнем Востоке, об Иране, родине Шайяна, и о русских женщинах. Во втором российском путешествии, почти двадцать лет спустя, совершенно случайно они встретились опять, только пилот стал уже начальником целого аэропорта. И темы бесед сменились: управление большим коллективом, дети, международная политика, фотография. Только обоюдное восхищение русскими женщинами осталось неизменным.

А восхищаться есть чем. Парижская подруга Шайяна, рафинированная художница и модель Елена, естественно ощущающая себя в платьях от лучших дизайнеров, в российском путешествии так же легко перешла

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ШАЙЯНА КХОИ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ШАЙЯНА ХОИ

к другому образу: неутомимой переводчицы, ответственной за все организационные вопросы. И ни разу не пожаловалась на неудобства за все 18 тысяч километров российских дорог. Поэтому когда французские журналисты просят Шайяна дать снимки «русских проституток и русских гангстеров», тот всегда, вплоть до разрыва дружеских отношений, пытается развеять эти клише, отвечая, что лично ему мафиози никогда не встречались, а попадались только интеллигентные люди, достойно живущие в соответствии со своим уровнем доходов. Более того, Шайян отмечает, что первые слова, которые приходят ему на ум, когда он говорит о россиянах, это – верность и привязанность к своим близким, очень заметные по сравнению с более отстраненными парижанами. Забавно, но только в России Шайян понял пристрастие сво-

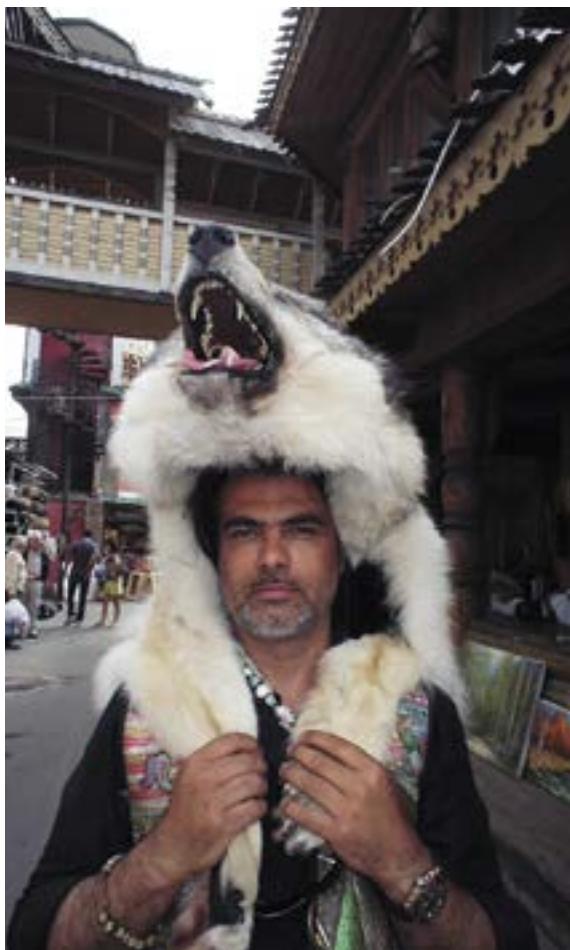
ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ШАЙЯНА ХОИ

ей подруги к цветам, поскольку, в отличие от французов, русские мужчины непременно стараются приходить на свидание с цветами, иначе женщины просто почувствуют себя недооцененными. За два месяца, проведенных в России, Шайян привык и к тому, что в доме нельзя свистеть, перед выходом нужно присесть, пустую бутылку нельзя оставлять на столе, а если черная кошка

перебежала дорогу, лучше переждать. Обожающие приметы россияне сообщали ему их столько, что об этом можно было бы написать отдельную книгу. Одно он запомнил точно: нельзя жениться в мае. Теперь для свадьбы ему придется выбирать другой месяц. Отношение к жизни большинства россиян Шайян описывает как очень фаталистическое. «В России жизнь напоминает систему ширам. Ты отодвигаешь или разрушаешь одну шируму, чтобы за ней обнаружить новую. А потом иногда оказывается, что ты был абсолютно счастлив и раньше, только этого не осознавал». Не только верность, но и умение противостоять невзгодам без нынья и жалоб поражает любого иностранца в России. Шайян это называет «улыбаться со слезами на глазах». А вот что его действительно задело, так это встречающееся презрение богатых россиян к своему собственному народу. Не

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ШАЙЯНА КХОИ

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА ШАЙЯНА КХОИ

давно разбогатев, нувориши всячески пытаются выделиться и отгородиться от того слоя, из которого вышли. Должно пройти какое-то время, чтобы состоятельные россияне научились жить в гармонии со своим собственным богатством, не выпячивая его и не кичась им. И, конечно, они должны больше путешествовать по своей собственной стране, чтобы понять, какое настояще богатство их окружает.

Удивительная красота каждого российского региона – не всегда ценимое и не всегда замечаемое богатство всех и каждого. Восход солнца в четыре утра над Владивостоком; заповедная тайга; изящные линии сельских церквей и даже урбанистический «печворк» – иногда нужен взгляд постороннего, чтобы заметить красоту своего собственного «дома». Но когда фотографии еще и попадают в «киберреалистическую лабораторию», то фиксация момента превращается в самостоятельный заповедный мир. Для того чтобы при работе сохранить в себе «ощущение места»,

из каждого своего путешествия Шайян привозит огромное количество «артефактов», которые потом собираются в специальные альбомы. Детские куколки, российские рубли, казначейские билеты дореволюционных займов, настоящие лапти и изображения танков – все потом неожиданным образом может пригодиться, когда реалистическое изображение начнет трансформироваться. Даже запах у каждой страницы таких альбомов свой собственный, напоминающий место, откуда были привезены зацепившие глаза предметы.

Получившийся результат, который воплотился в книгу, посвященную России, может удивить даже жителей тех регионов, где были сделаны фотографии. Многие из них сразу и не узнают свои собственные города, привыкнув видеть их обыденными и нетаинственными. А ведь «планета под названием Россия» в состоянии зачаровать любого внимательного и благородного наблюдателя. ●

ГОСУДАРЫНЯ РЫБКА

АВТОР

ЕВГЕНИЙ РЕЗЕПОВ

...СЕТИ СТАВILI В ТЕМНОТЕ. СТАРИК РУЛЕВ ЛОВКО НАКИДЫВАЛ НА НИЖНИЙ КОНЕЦ КОЛА ПЕТЛЮ, НАЛЕГАЯ ГРУДЬЮ, ВТЫКАЛ ЕГО В ДНО, А ПОТОМ, НАБРОСИВ ВТОРУЮ ПЕТЛЮ НА ВЕРХНИЙ КОНЕЦ КОЛА, СПУСКАЛ В ВОЛНЫ СЕТЬ, РАСПУТЫВАЯ УЗЛЫ.

ДЕЙСТВОВАЛ ОН ТАК ОСТОРОЖНО, что ни разу не запутался в сети. Когда в ней попадалась прореха, Рулев быстро доставал членок-игличку и заштопывал дыру в темноте за минуту. Сын Рулева шестом аккуратно придерживал бударку, ни разу не дав отцу повода упрекнуть его.

В БУДАРКЕ

...О борт бударки билась волна, приносившая спутанные пучки листьев и стеблей, оторвавшихся от камышовых островов, не видных в темноте. Трава в воде – плохой признак. Бывший напарник Рулева Мартыненко еще днем советовал не ставить сети. Все равно, кроме травы и грязи, ничего не выловит. Но старик Рулев рыбачил с отцом на этом раскате еще лет сорок назад, когда тут камышовых островов и в помине не было. А Мартыненко мог напророчить такое от досады. До того как Рулев взял на лов сына, бударку со старым рыбаком делил Мартыненко. Я слышу, как Рулев-старший бормочет: «Посмотрим, Петр Семенович! По-

смотрим!» и шмыгает носом. Видно, пробрала его холодная осенняя вода. Сын предлагает отцу надеть перчатки. Но старший Рулев машет рукой. В рыбакской артели «Восток» он один работает без перчаток даже в самый жуткий холод. Другие рыбаки уже поставили сети и ушли, чайки покинули небо, от стаи лебедей, расположившихся на ночлег у Зелененького острова, волны пригнали к лодке белый пух... А Рулев, как паук, все разматывает сети, словно все взморье решил перегородить. Геннадия Павловича понять можно: надо прокормить жену, двух сыновей и дочь, оплатить жилье, бензин, покраску лодки. Поэтому он борется за каждый килограмм

рыбы, готов выйти за ним в любую погоду и перетрясти в своих многокилометровых сетях хоть всю грязь дельты Волги.

Астраханский рыбак-промысловик бог знает в каком поколении накидывает на очередной кол последнюю петлю почти на ощупь. Поставленных сетей не видать. «Ну, молодцы, поставили!» – радуется он и велит сыну заводить мотор, сам садится посреди лодки и достает из кармана целлофановый пакет, в котором спрятаны зажигалка и папиросы. «А тебе жабры портить рано!» – весело кричит он 27-летнему сыну, который стоя правит бударкой. Точно так же говорил Рулеву отец. Он вернулся с фронта с покалеченной рукой, не пускал сына даже учиться в школу, дабы был помощником в лодке. Сын же старика Рулева, окончив техникум, вернулся к отцу – в лодку. Придет время, и он будет также командовать своими сыновьями. И так в их семье, покуда они живут рядом с взморьем, будет всегда.

На водные раскаты дельты Волги, которые, как и много веков назад, продолжают снабжать рыбой всю Россию, астраханские рыбаки выходят с теми же снастями, что и их прадеды

На обратном пути до протоки, где стоит рыбакский стан, мы говорим со стариком о знаменных на всю Россию – а когда-то и Европу – астраханских рыбных промыслах. Отец и мать Геннадия Павловича на рыбный промысел уходили на парусной бударке на две недели. Возвращались сдать рыбу, помыться в бане, и снова уходили на две недели. И так до конца пущины. В лодке и жили. «Молодым не понять! Они все в перчатках делают! – сетует старик и вздыхает: – Но и красной рыбы им уже столько не отведать, как нам!» На красную рыбу – осетров и белугу – он ходил сюда с отцом. Сейчас в Астрахани разрешен промышленный вылов только рыб частиковых пород. (Частиковой называют рыбу, которая попадается в сети с мелкой (частой) ячейей. Это название принято в южных районах России. К частику относят сома, сазана, щуку, судака, леща, карася, окуня, линя, плотву, то есть любую речную и озерную рыбу, кроме осетровых. – Прим. авт.) – В ту осень рыбешки больше было, – говорит старик и вдруг страшным голосом велит сыну глушить мотор. Ему показалось, что в темноте дрожит огонек: не ровен час кто из рыбаков в воде застрял. Рулев долго и старательно вглядывается во тьму. Не раз ему самому со сломанным

мотором приходилось сутками добираться до дома на шесте. Как-то, когда Рулев ловил еще с Мартыненко, они, следя моде, поменяли деревянную лодку на пластиковую. У одного из островов мотор у них с пластиковой кормы соскользнул – никто не предупредил, что нужны под мотор резиновые подкладки, – и ушел на дно. Шли домой на шестах.

– Показалось! – дает разрешение сыну включать мотор старик. – На чеботаревские и мамонтовские сети не наскочи! Чеботарев и Мамонтов – члены рыбакской артели «Восток», в которой работает и Рулев. Порванные чужие сети – предмет длительных ссор и пожизненных плохих отношений между астраханскими рыбаками. Помимо сетей в темноте можно наскочить и на секрета (в соседнем Казахстане их называют вентера). – Прим. авт. – старинные подводные ловушки для ловли рыбы. Ветер с моря поднимает волны, ровно гудит мотор лодки. Луна скрылась за тучами. Для рыбаков это хорошо. При луне рыба видит сети. При луне крупная чайка, которую рыбаки зовут «мартины», потрошит добычу в сетях. Пока старик Рулев рассказывает о многовековой борьбе астраханских рыбаков с этим грабителем, замечаю отсвет

огня на воде. Фонарь на рыбаком стане горит как маяк. Пока не вернется последний рыбак, артель не уснет. А фонарь в любом случае будет гореть всю ночь. Мало ли кому понадобится ориентир? Здесь, в дельте Волги, расположилось много рыбакских артелей.

Перед тем как отправиться на боковую, старый рыбак говорит: «Как небо забурит – выйдем. А там как Бог даст!»

УЛОВ

Известные русские поговорки «Рыба, лежа, растет, а человек, лежа, портится» или «Кто рано встает, к тому рыба сама в руки идет» в это утро к нашей рыбакской артели не подходили. Небо давно «забурело», а ни одна лодка не покинула рыбакский стан. В барке артели «Восток» живет 12 человек, первым просыпается Петр Семенович Мартыненко и спешит включить радио. Больше не поспишь! Главные темы разговоров едва проснувшихся рыбаков о погоде на море. Петр Семенович Мартыненко в старом, грубой вязки, свитере с высоким воротом похож на Эрнеста Хемингуэя. Он не спеша рассказывает о ловле около Каспия. Это здесь со всех сторон в бударку бьет волна, а в море – с одной стороны. И чем ближе к морю, тем больше угроза, что лодка перевер-

АНДРЕЙ СЕМАШКО

нется. Лучше в сторону Каспия сегодня не ходить, подытоживает Мартыненко. «Там будет сейчас рыба?» – «Еще меньше, чем у нас на раскатах!» Старик Рулев оттягивает момент отъезда до последнего. Ему трудно разогнуть спину: вчера много кольев пришлось установить в реке. Чтобы снять сети, нужно вытащить колья. Это тоже требует усилий, руки вывихнешь, выдергивая. И не дай бог поломать хоть один кол! На маленьком острове, заросшем тростником, где расположена артель, осиновые колья на вес золота, их пересчитывают каждое утро. Привозят их с Большой земли на лодках.

Рулев подбирает на берегу потерянную вчера ночью веревку, которой связывал кольшки. Темнота еще не сошла окончательно, клочья тумана бродят по раскату, ехать опасно: можно

Рыбацкий стан артели «Восток» на протоке в районе Поворотный на Иголкинском банке может то водой залить, то льдом покрыть... Поэтому сушка снастей – главное дело

Свои секреты (старинная снасть) астраханские рыбаки ставят вплоть до Каспийского моря

АНДРЕЙ СЕМАШКО

задеть чужую сеть. Но хуже другое – ночью поднялся сильный северный ветер, такой нанесет в сети траву и грязь, а не рыбу. Раскат – заполненное водой ровное место между рыбоходными каналами, от которых его отделяют гряды тростниковых зарослей на цепочках островов.

Рыбоходные каналы, которые идут до Каспия, рыбаки называют банками. Артель «Восток» ловит на Иголкинском банке, по середине которого проходит граница России с Казахстаном. По банку весной рыба идет на нерест вверх. А осенью идет по банку в раскаты в зимовальные

Потомственный астраханский рыбак Геннадий Рулев не видит для своего сына Сергея никакого другого пути в жизни, кроме традиционного для их семьи рыбного промысла

АНДРЕЙ СЕМАНЦО

ямы. Вот около них и поджидают рыбу Рулев и его товарищи, вооружившись снастями, которые изобрели их предки много веков назад.

Воды на раскатах – чуть выше пояса. Лодка часто задевает дно, «пилит дно», как говорят рыбаки, мотор выталкивает грязь. Пока мы идем до Зелененьского острова, сонный Рулев молчит. Встрепенулся он всего лишь раз, когда крупная серая чайка, из клюва которой торчал хвост рыбы, тяжело взлетела с воды: «Видали?! Мартын!» Еще пять мартынов взлетают, когда сын Рулева делает осторожный разворот вокруг сетей. Только сейчас, при дневном свете, видно, какое огромное пространство огородил вчера Рулев. Поплавки до горизонта! В полной тишине стариk торжественно достает из воды первую сеть, словно поднимает театральный занавес. Рулев плющет ее, как белье, и бросает в лодку. Пусто. Следующая сеть тоже пустая. Только в пятой по счету сети блестит золотая крупная рыба. Вторая, третья… я быстро сбиваюсь со счета. «Грязь! Грязь!» – ругается Рулев на траву и тину в сетях. Рыба бьется под ногами, пучка глаза и раздувая жабры. Рулев, продолжая ругаться на ветер, поднявший тину со дна, швыряет сети в лодку. Бударка идет тяжело от мокрых се-

АНДРЕЙ СЕМАНЦО

тей и рыбы, скребет о дно. «Не чистили банк с 1986 года! Вот и не заходит рыба!» – опять ругается стариk. Но видно, что на самом деле он расстроен из-за плохого улова. На рыбку, забившую лодку до половины, он не смотрит. Неделю назад он загружал лодку рыбой с горкой! А это… Прав был Мартыненко.

…Бывший напарник смотрит, как причаливает бударка Рулевых, оглядывает улов и басом декламирует: «Кинул стариk сети, и вышли они с одною тинкою морской». Рулевы, разбирая сети, не поднимают голов, словно виноватые. «Болтуна вить по слову, а рыбака по улову!» – наконец отвечает Рулев Мартыненко и переносит мокрые сети на берег.

А в раскаты уходит другая лодка, с Валерием Литвиновым и Василием Козловым. Едут про-

верять секрета – может, там будет больше рыбы? За эту лодку Рулев переживает, как за свою. Василий Козлов – его зять. Мартыненко улыбается и на пальцах пересчитывает все родственные связи в артели. Тут все друг другу брат, сват, кум, зять. Только он один как перст. И один уходит проверять свои сети и секрета. Как герой Эрнеста Хемингуэя.

Родственные связи в артели – так же как и сети, и секрета, и неводы – в духе вековых традиций астраханских рыболовных промыслов. Выходить на лов деревнями в Астрахани было принято с незапамятных времен. Об этом часто упоминают летописи и хроники, повествующие о том, как местные рыбные артели кормили Московское государство. В те времена в рационе обитателей России речная рыба занимала почетное место. На волжских протоках и рукавах возникали учуги – крупные промысловые хозяйства. Знаменитую астраханскую рыбу и икру доставляли к царскому столу, охотно покупали этот товар и за границей. Слухи о невероятных рыбных уловах, о «вольнице волжского понизья» циркулировали по Российской империи, и сюда шел непрерывный поток из отставных солдат, беглых каторжников, бродяг и крестьян. Вольные времена прошли, а правило, что самые добычливые артели состоят из родственников, работает. Сегодня в артелях нет ни беглых уголовников, ни бродяг. Даже татуировку редко встретишь. В артели «Восток» она есть только у Петра Серебрякова, одного из самых известных по Иголкинскому банку рыбаков. Даже в самую безрыбицу он ухитряется привезти полную лодку. Завистники шепчутся, что он на воде родился. На самом деле его мать, потомственная астраханская рыбачка, пошла рвать камыш для печи и в камышах же родила. «С тех пор меня и тянет в камыши!» – смеется Петр Дмитриевич. Он тоже приходится родственником Геннадию Рулеву.

РЕЧНОЕ СЕРЕБРО

В других рыболовных артелях, которые стоят ближе к Каспию, больше лодок, в барках водяное отопление, а не как здесь – печное. Раскаты там «пошире», почти нет камышовых островов. Мартыненко давно подбивает артель передвинуться ближе к Каспию, оставить эту протоку и найти новое место для базы за островом Укатный. Разговоры об этом – главный предмет споров в артели. Особенно в безрыбицу. На этом острове артель стоит третий год. Тут хороший ровный берег, удобно сушить сети во всю длину, места хватает и для вентерей. На всех других протоках течение идет из банка на раскат, а тут – с раската выбивает воду в канал. Для рыбы это хорошо. Здесь на раскате есть и приямочек, в котором рыба собирается в большом количестве. Тем более у большинства рыбаков «Востока» сбруя (набор снастей) ловить ниже по банку не позволяет. К тому же островок обжит. Когда пришли сюда, протока была совсем узкая, а теперь в ней помещаются две барки, три рыбницы и баркас, да еще остается много свободной воды. А на новом месте надо отвоевывать пространство у тростника, который стоит тут крепкой стеной.

Раньше артель стояла ближе к Каспию, на маленькой и мелкой протоке. Года четыре назад в декабре резко похолодало, взморье встало под лед. Артель бросила все хозяйство и ушла пешком по льду до открытой воды, откуда рыбаков забрал баркас. Поэтому от слов Петра Семеновича насчет переезда отмахиваются. А когда мимо проплывают рыбаки с нижних артелей, которые из-за ветра и безрыбицы отпросились со своих артелей на два дня домой в баню, Рулев с товарищами равнодушно пускают в их сторону папиросный дым. Там – в нижних артелях – случайные люди. Из тех, кто остался без работы или польстился на слухи о богатых заработках рыбаков. Им и снасти, и бударки дают хозяйственные. А в «Востоке» у рыбаков

АНДРЕЙ СЕМАШКО

Завтрак в жилой барке – время спора о погоде на море, о видах на улов рыбы, о дровах для печи, о температуре за бортом и о быльих временах, когда икру ведрами ели

АНДРЕЙ СЕМАШКО

все свое. И все до одного они потомственные астраханские рыбаки.

– В прошлую осень решили домой идти, посмотрели на всякий случай секрета – а там рыба пошла! – вспоминает Рулев за развесиванием сетей. Ему протока нравится. Много места для сушки сетей. Обычно рыбаки бросают сети и вентеря сушиться на камыши или тростник, где их часто портят жучок-стонога и мыши. Деды от этой напасти сети смолили в котлах. Сейчас сети не веревочные, даже не ка-

проновые, а из мононити. У них один враг – мыши.

Старый рыбак винит в безрыбице ветер. Вот если бы пошла моряна, то нагнала бы воды и затопила бы весь остров, зато и рыбы нагнала бы с моря. Но последняя моряна воды нагнала, а рыбы больше не стало. Рыбаки сходят на том, что нужно чистить рыболовные каналы. Еще царь Петр издавал об этом указы...

Самый молодой рыбак в артели, Сергей, сын Рулева, участия в споре о перемещении не принимает. Он чистит у другого бе-

АНДРЕЙ СЕМАЦКО

АНДРЕЙ СЕМАЦКО

рега протоки семейную бударку, словно готовит ее на парад. Тщательно чистят большие белые цифры номера на борту. Их должны хорошо видеть пограничники, которые на вертолете облетают банк. Закончив с лодкой, Сергей помогает повару рубить дрова.

— Хороший сын у Рулева! — говорит приемщик рыбы Сергей Блохин — самый главный для рыбаков после председателя артели человек. Он знает цену каждому из рыбаков. Говорит, что отец научил Рулева младшего жить без лукавства, чужого не брать. В рыбакских артелях всякое бывает. Жизнь суровая. Но что бы кто показал на Рулевых... «Геннадий Павлович всю жизнь на рыбных промыслах. Даже писать не выучился! За него я расписываюсь в ведомости. У него один грех — все деньги жене отдает!»

Сергей Блохин, попавший на промыслы случайно, не пони-

мает рыбаков. То они говорят: вода поднимется — будет рыба. Поднялась — рыбы нет. Сергей по утрам будит рыбаков, а они посмотрят в окно и скажут: ничего моторы заводить, не будет рыбы! В общем, ничего непонятно.

...Бударка с зятем Геннадия Рулева возвращается, идет тяжело. «Траву наловили!» — бормочет Мартыненко. «Рыба!» — кричат рыбаки. Они снимают вязаные шапочки и вынимают руки из карманов, словно завидев важного гостя.

Бударка полна рыбы! Добычу, которая бьет хвостами, волокут в носилках на весы. С весов отправляют в трюм рыбницы, где обкладывают речным льдом. Везде перешли на искусственный лед, но в этой артели предпочитают использовать, как и сто лет назад, речной. Он дольше держит холод, сохраняет естественный запах и вид рыбы.

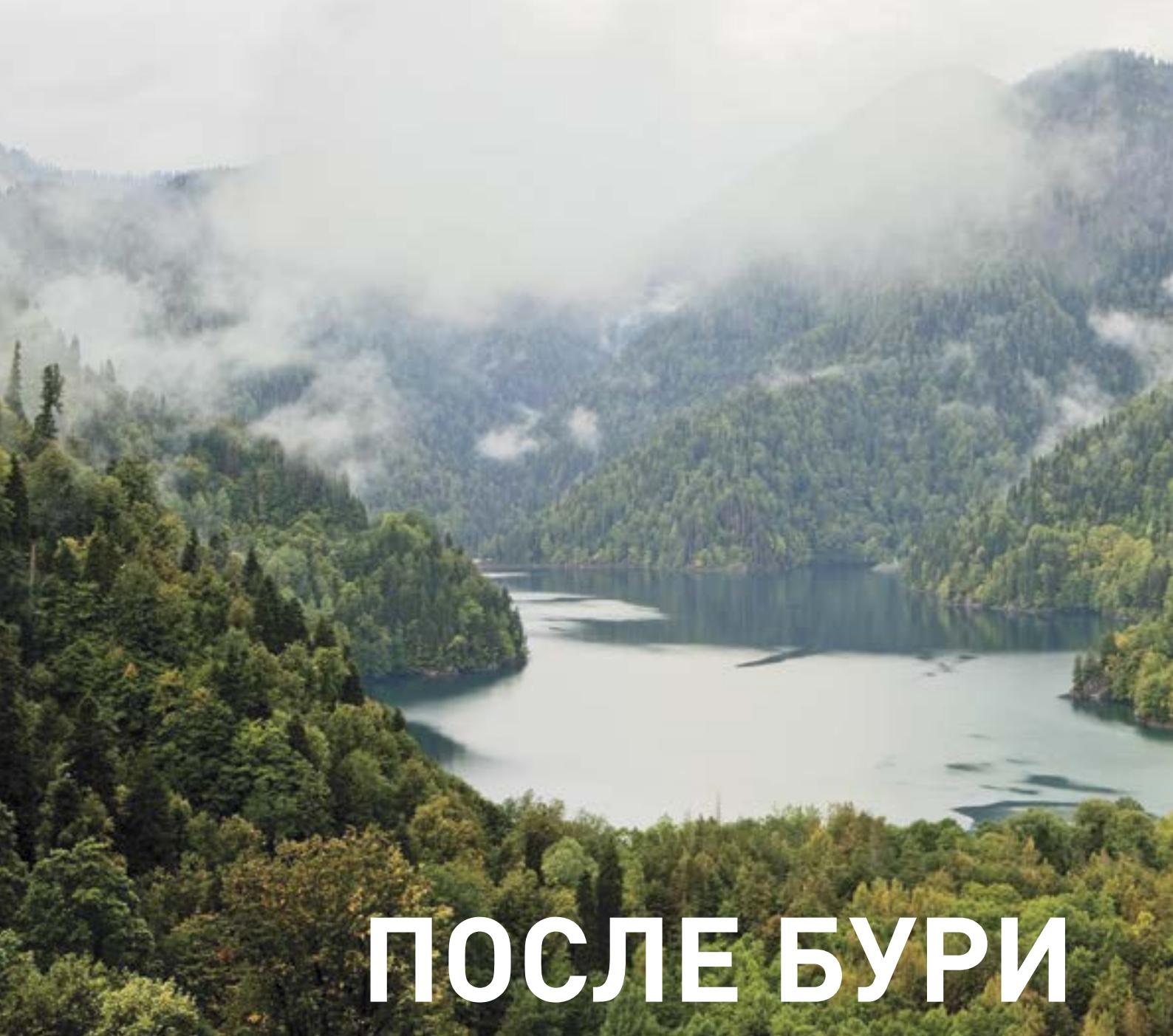
Обед артель готовит, как и их предки, в котле на берегу, а вот для просмотра телепрограмм с метеорологическими выпусками рыбаки месяц назад пустили шапку по кругу. Купили и установили в тростнике спутниковую антенну-тарелку

После обеда от протоки отправляется караван: баркас и две заполненные добычей рыбницы. 12 часов им идти по каналу и протокам дельты Волги до перерабатывающего завода. Оттуда рыба уйдет на прилавки Москвы и Петербурга. Сергей Блохин провожает баркас и переживает: льда у него осталось только на день. Если завтра рыба пойдет так же, то как ее хранить?

— Ну разве это рыба! — опять ворчит Мартыненко. — Вот когда выпадет первый иней и рыба встанет в камыши, то ее можно будет руками ловить и складывать в лодки.

Назад баркас придет через два дня. Привезет заказанные рыбаками папиросы, свежий хлеб и деревянные коряги для растопки печи в жилой барке. Зима наступает. О ее приближении артель судит по скорости течения воды в протоке. 8 сентября, когда они пришли сюда к началу путины, течение было стремительное. А теперь с каждым днем оно слабеет, вода меняет зеленый цвет на коричневый. Молодые лебеди встали на крыло и готовятся улететь. Артели нужно успеть до льда взять всю возможную рыбу, не попасть в ледяные капканы, не оставить во льду свои снасти.

А зимние месяцы рыбаки, как и их предки, тратят на ремонт своих сетей и бударок, перебор лодочных моторов и подготовку своих отпрысков к промыслу. Как и Рулев, многие рыбаки весной приведут на эту протоку своих сыновей... ■

ПОСЛЕ БУРИ

АВТОР

ДЕНИС ТЕРЕНТЬЕВ

В АБХАЗИИ РАСПЛАЧИВАЮТСЯ РУБЛЯМИ, В ШКОЛАХ УЧАТ РУССКИЙ ЯЗЫК, А ТРИ ЧЕТВЕРТИ БЮДЖЕТА ПОКРЫВАЮТСЯ ЗА СЧЕТ ДОТАЦИЙ ИЗ МОСКВЫ. ТЕМ НЕ МЕНЕЕ В РЕСПУБЛИКЕ МНОГО ГОВОРЯТ О ПОСТРОЕНИИ НЕЗАВИСИМОЙ ЭКОНОМИКИ. ОЖИДАЕТСЯ, ЧТО ОСНОВОЙ ЕЕ БУДЕТ РОССИЙСКИЙ ТУРИСТ, А ДОТАЦИИ СЕВЕРНОГО СОСЕДА СО ВРЕМЕНЕМ ПРЕВРАТЯТСЯ В ИНВЕСТИЦИИ. В РОССИИ МЕЧТАЮТ О ТОМ ЖЕ.

— **Г**ДЕ ЖЕ ВЫ ЛЕТОМ БЫЛИ, РЕБЯТА? — С УКОРИЗНОЙ говорит нам тетя Нана Аруба из Гагры. — Столько фруктов пропало, мясо пришлось в Сочи продавать. У меня две комнаты из шести пустовали.

Минувшим летом в Абхазию приехало на треть меньше отдыхающих из России, чем в 2010 году. Хотя разумных объяснений этому вроде бы нет. Старые дороги в Пицунду и Сухум отремонтированы, ликвидируются последние очаги послевоенной разрухи (с 1994 по 2004 год в Гагре было восстановлено только 20 процентов зданий).

ГЕОРГОГО/АНДРЕЙ КУЗИН

ИТАР-ТАСС

Частный сектор стал понемногу вставать на ноги: вырос парк прогулочных судов, каждый год удваивается число шашлычников. Силовики рапортуют, что количество преступлений против туристов стремится к нулю — никто не пропал без вести, никого не убили. Хотя в сезон страну посетило около 2 миллионов россиян.

Цены вроде бы растут не быстрее инфляции. Но международного аэропорта в Сухуме по-прежнему нет, туристы вынуждены добираться через Сочи. А туда билет из Москвы почему-то вдвое дороже, чем чартер до Антальи. Плюс в Абхазии ненавязчивый сервис, страшно далекий от системы «все включено», столь полюбившейся российским туристам. Муж тети Наны Анвар Аруба

ГЕОРГОГО/АНДРЕЙ КУЗИН

считает, что в этом виноваты как раз россияне: слишком много денег дают.

— У нас многие обленились: дескать, зачем работать, если и так все дадут, — говорит Анвар. — Дошло до того, что мандарины стали в Сочи покупать, отсюда и цены скакнули. Перед сезоном всегда традиция была: сообща пляжи чистить. В этом году немало людей отказались участвовать в субботнике. Пусть, мол, власти их за деньги нанимают.

В 2011 году Россия выделила Абхазии 3,3 миллиарда рублей. А весь бюджет республики — 4,4 миллиарда. Собственная доля Абхазии сократилась с 1,5 миллиарда рублей в 2009 году до 1,1 миллиарда в нынешнем. Около половины этой суммы составляют доходы от таможенных платежей. А население поголовно занимается предпринимательством без всяких лицензий и налогов. Например, я наблюдал, как абхаз на микроавтобусе привез к границе родственников, долго и тепло с ними прощался, а потом развернулся, написал фломастером на картонке «Граница — Гагра» и стал ждать пассажиров вместе с водителями маршруток.

— Все так делают, — объяснил Анвар Аруба. — Регулярного автобусного сообщения в республике ведь так и не появилось. Если человеку что-то продать нужно — идешь на рынок и продаешь. За место только в первых рядах плату берут — и то без всяких чеков и договоров.

Многие абхазы уверены, что их стране нужны не просто российские дотации, а стратегический инвестор, который смог бы с умом использовать местные ресурсы и население. Но для этого инвестору нужно дать свободу действий, а абхазские власти предпочитают сохранять существующую дистанцию в отношениях с Москвой. России не разрешили присоединить к Краснодарскому краю абхазское село Аибга. Не отдали в аренду госдачи и не разрешили поставить на ремонт санаторий Министерства обороны РФ.

ИТАР-ТАСС

ФОТО: ОЛЕГ ГЛЕБОВ

В то же время большая часть жителей Абхазии уже воспользовались возможностью получить российский паспорт: 260 тысяч из 320 тысяч человек де-юре россияне. Благодарное отношение к россиянам любой турист может испытать на себе: когда мы спускались по дороге с горы Мамзышка, рядом останавливались автомобили, местные предлагали подвезти нас бесплатно. А в Гагре нас, как журналистов из России, пригласили на свадьбу совершенно незнакомые люди и говорили в нашу честь тосты.

БЛИЗНЕЦЫ-БРАТЬЯ

Все местные политики обращаются к своему народу по-русски. На русском написаны все лозунги, на русском выходят местные СМИ. По крайней мере, именно так обстояли дела на недавних выборах главы республики. Президентскую гонку в итоге выиграл вице-президент Александр Анкваб, с запасом опередивший премьер-министра Сергея Шамбу — 54 процента против 20 процентов голосов. Хотя программы кандидатов практически не отличались: оба предлагали привлекать инвестиции в туризм,

ФОТООТЧЕТ ОЛЕГ ГЛЕБОВ

ИТАР-ТАСС

дружить с Россией и отменить ограничения на покупку жилья иностранцами.

– В Абхазии иностранец не имеет права купить дом, – объясняет глава одного из местных агентств недвижимости Игорь Козинцев. – Мы постоянно говорим нашим клиентам, что многочисленные рекламные предложения купить недорогое жилье в Пицунде – блеф. По местным законам, можно забрать дом или квартиру даже у коренного абхаза, если он не проживал в нем больше полугода. Суды завалены жалобами на незаконную экспроприацию жилья.

Каждый абхазский политик обещает продавить в ООН выдачу гражданам республики так назы-

ваемых белых паспортов, в которых не указано гражданство. С ними можно ездить по всему миру и получать визы любых государств. С 90-х годов уже два поколения абхазов не могут выезжать за пределы республики – разве что в Россию. Ведь на руках у них до сих пор советские документы с местным вкладышем.

Правда, Абхазия требует «белые паспорта» уже двадцать лет. Ее независимость за эти годы признали только Россия, Белоруссия, Тувалу, Вануату и Никарагуа. И получить российский загранпаспорт для абхазов куда реальнее.

Разговоры об упрощении въезда россиян в Абхазию не помешали ввести обязательную страховку для туристов, которую продают прямо на границе за 250–300 рублей. Хотя никто из местных жителей больше не реагирует болезненно на отдыхающих, разгуливающих в плавках и бикини по улицам приморских поселков. Кое-где жители даже собрались на сход и приняли коллективное решение защищать отдыхающих в их домах россиян от краж и уличного криминала. А в Абхазии это дорогое стоит: у абхазов древние и крепкие демократические традиции. Например, местные политики отказываются даже обсуждать возвращение в республику грузинских беженцев, изгнанных в постсоветский период. Все ведь понимают, что в Абхазии такие вопросы реально решает народ. А народ – «против».

ТОЛЕРАНТНОСТЬ ПО-КАВКАЗСКИ

В широком смысле грузины не смогут вернуться в Абхазию еще очень долго – возможно, никогда. С другой стороны, «свои» грузины никуда из республики не уходили. И речь даже не о смешанных браках. Многие грузинские семьи в разгар боевых действий спасали соседи-абхазы: мол, тронете их – всему селу станете кровниками. И горячие ополченцы молча уходили. Абхазский грузин Георгий Хецуриани стал легендой республики еще в советские времена, когда создал в поселке Лидзава Музей культуры народов Кавказа. Хецуриани приехал в Абхазию из грузинского Зугдиди в 60-е годы: осушал болота под Пицундой, строил хозяйства по разведению форели, а потом первым додумался фотографировать туристов на озере Рица. Став богатым по советским меркам человеком, он решил сделать в своем доме музей, во дворе которого установил мемориал памяти абхазов, воевавших против гитлеровцев. Каждый год на 9 Мая к Хецуриани приезжали не менее 200 ветеранов со всей республики, и он зажигал поминальный огонь. Георгий умер своей смертью через год после провозглашения независимости Абхазии, а за музеем сегодня следят его сын Зураб и его жена Нана. И даже самые темные националисты не смеют призывать их уехать в Грузию.

– После атаки на Цхинвал три года назад люди снова стали делить всех на грузин, абхазов и русских, – говорит Нана Хецуриани. – А для меня это политические термины, за которыми таится сложно объяснимая агрессия.

Дошло до того, что политические метаморфозы поссорили официальный Тбилиси и сванов – грузинский народ, живущий в горах близ Кодорского ущелья. Формально это территория Абхазии, а сваны в 1991–1994 годах воевали на стороне грузин. Их лидер Эмзар Квициани сформировал из земляков батальон, который указом грузинского президента Эдуарда Шеварднадзе был включен в штат Министерства обороны. Правда, с приходом к власти Михаила Саакашвили отношения Сванетии и Тбилиси испортились, грузинские вертолеты атаковали Кодоры, погибла соседка непокорного Квициани. И тут оказалось – абхазы и сваны не так уж далеки: они живут в одной стране и у них общий противник.

– В наших краях вполне можно жить, – уверен сван Ираклий, работающий экскурсоводом на озере Рица. – Пенсии меньше тысячи рублей, и электричества нет, это правда. Зато мандарины растут, орех, чай. Коровы и овцы у всех есть. А значит, можно пока и без электричества. Будем мы в составе России или нет – не важно. Главное, чтобы снова не было войны. ⚡

ФОТО: АНДРЕЙ КУЗИН